

ОЛЬГА
ОНОЙКО

Дети
немицости

Заклятые тирь

Ольга Онойко

Дети немилости

«АСТ»

2009

Онойко О. В.

Дети немилости / О. В. Онойко — «АСТ», 2009

Зачем магия – движущая сила мира – раз в пятьсот лет сталкивает две сильнейших державы в кровопролитной войне, отбрасывающей цивилизацию на века назад? Последователи гордого учения арсеитов уверены: магия есть воплощенная воля изначального Зла. Лишь Милосердная мать Арсет способна противостоять этому Злу, но и ее божественные силы не беспредельны.... Ныне войне предстоит разразиться вновь. Королевство Аллендор и Уаррская Империя уже вступили в борьбу за мировое господство. Аллендорцы делают ставку на новое мощное оружие, уаррские же маги-некроманты дерзнули воскресить из мертвых величайшего полководца былых эпох. Времени, чтобы отвратить неотвратимое, – все меньше. Но Арсет, решившая не допустить новой кровавой бойни, решает наделить могуществом трех людей – молодого мага Лонси, воинственную деву Юцинеле и юного наследника уаррского престола Морэгтай...

© Онойко О. В., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

1	5
2	33
3	61
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ольга Онойко

Дети немилости

1

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

– Шмотри-ка, – сказала Юцинеле, – швадебный камень.

– Швадебный? – нечаянно передразнил ее Лонси и больно получил в плечо кулаком. Горянка слизнула прилипшие к пальцам крошки сыра, подхватила с земли и полезла к дальним зарослям. Длинные, аистьиные ноги ее споро перемахивали через лобастые валуны и плети стелющейся колючки. В руке у Неле сверкнул топорик; Лонси невольно прижмурился, когда на ветви обрушился первый умелый и ловкий удар.

Полдень пылал над холмами. Оглушительно гремели цикады. Земля источала жар; навес кустарника отбрасывал короткую прозрачную тень, не дававшую прохлады. Понурые, жалкого вида наемные лошади паслись на солнцепеке, помахивая ушами. Лонси представил, сколько еще предстоит плестись верхом на этих одрах, и молча застонал. Утром, по прохладе, в поездке можно было даже найти некоторое удовольствие, но к полудню Лонси стер ноги, отбил зад и насквозь пропрел. Вдобавок путь пролегал по склонам холмов, сплошь поросших колючкой; причудливо выгнутые, ошестинившиеся иглами ветви тянулись друг к другу с краев тропы. Он весь ободрался. Подумывал даже надеть куртку, но это сулило неминуемую смерть от жары. Приходилось терпеть.

Лонси без аппетита дожевал хлеб, глотнул из фляги затхлой воды и вздохнул.

Неле впереди вырубала кустарник. Колючки сплелись в сплошной панцирь, но с каждым ударом за ними все ясней проглядывал какой-то замшелый валун.

– Швадеб... ный... камень! – выговорила она, отдуваясь, запястьем смахнула с лица волосы и удивленно повторила: – Шмотри-ка!

– Что ты, Неле?..

– Кто-то тут швадью играл, – задумчиво сказала Неле, разглядывая камень. Издалека Лонси различал на нем следы грубой работы резчика, но возможно, то были просто тени. – Лонши, – хрипловато продолжала горянка, – ты говорил, тут никто не живет.

– Не живет, – подтвердил Лонси, убирая флягу. – Уже тысячу лет.

– А кто камень поштавил?

Лонси призадумался. В нем проснулось любопытство, тянуло встать и поразглядывать камень, так взволновавший спутницу, но он чувствовал себя слишком уставшим для изысканий. Юцинеле его присутствие не требовалось, она с камнем состояла в каких-то своих, загадочных отношениях.

Лонси кинул взгляд поверх клубов листвы; бледная зелень казалась раскаленной. Холмы, холмы и холмы; кажется, за четыре часа путники не сдвинулись с места. Тут действительно никто не живет. Смотри сколько влезет, не углядишь ни сарайчика, ни лачужки... Измучившая Лонси жара – северный выдох Великих Песков; такой кустарник, как здесь, растет даже в самой пустыне, разве что листья там сгорают уже весной. Здесь они до середины лета не смиряются перед жестоким солнцем.

Утром холмы застилала голубоватая дымка, теперь – желтое марево. Лонси посмотрел на север и представил, как там, за расплавленными полуденными взгорьями, за бескрайними лесами и равнинами Аллендора подымаются торжественные Лациаты, Хребет Мира. Там-то

и летом не тает снег. Стоят сияющие вершины, текут стылые реки среди каменистых осыпей, стада овец пасутся в долинах, а дикие, но бесстрашные горцы собираются в новый набег...

Даже, кажется, прохладней стало.

Лонси оглянулся.

...Положив ладони на камень, Неле пела. То есть, должно быть, она просто говорила на своем языке, но вновь и вновь непривычно тянулась гласная, клокотала в девичьем горле замысловатая трель, новая фраза звучала выше или ниже предыдущей. У горцев странный язык. Лонси, столичный житель, слыхивал много наречий. Даже не зная слов, часто по интонации можно догадаться, о чем идет разговор. Интонации у Юцинеле были совсем нелюдские. Непонятные. Лонси вообще с трудом понимал ее: по-аллендорски горянка говорила с жутким акцентом, к тому же у нее не хватало передних зубов, от чего Неле сильно шепелявила. Впрочем, до сих пор она говорила не много.

Он пропустил момент, когда Юцинеле вновь перешла на понятный ему язык. Ей пришлось три раза повторять одно и то же, прежде чем Лонси встрепенулся.

Горянка стояла, нахмурившись.

– Лонши, – сказала она сурово, – ты шлыпишь?

– Да... – виновато отозвался он, – прости, слушаю. А что?

– Откуда тут камень?

– А почему бы ему тут и не стоять? – устало спросил Лонси.

Он как раз подумал, что привал – это хорошо, но пора уже ехать. Надо наконец покончить с этим делом...

– Такие камни ставим только мы, – сказала Неле. – Кто его тут поштавил, коли тут уже тыщи лет никто не живет? И почему он наполовину в землю вкопан?

Лонси поразмыслил секунду и усмехнулся.

– По брюху камня, – продолжала Неле, – должны жнаки кама быть. А их нет. Они под землей.

– Он не закопан, – сказал Лонси и поднялся со вздохом. – Он утонул в земле.

Неле вдруг хихикнула.

– Блажной, – сказала она и улыбнулась щербатым ртом. – Как тут можно в земле утонуть?

Она тут твердая. Каменистая.

– За много-много лет – можно... Тысячу лет назад тут жило какое-нибудь племя. Как ты говоришь – кам. И кто-то сыграл свадьбу. А потом эти люди ушли отсюда в Лациаты. И вы – их потомки.

Юцинеле смотрела на него с подозрением.

– А ты почем жнаешь? – Она выгнула бровь. – Ты что, тыщу лет прожил?

Лонси засмеялся.

– Нет, – сказал он. – Не прожил. Ну, не веришь – я не настаиваю. А сама ты как думаешь?

– Я думаю... – Неле заморгала. – Я думаю, это духи камень поштавили, – изрекла она, и худое ее личико стало отрешенно-задумчивым.

Лонси покивал, пряча улыбку, и вытер со лба пот. Он уже собрал остатки обеда. Серая кобыла, доставшаяся ему на станции, почуяла, что передых кончился, и тихо, печально заржала, подняв голову. В пожухлой траве под ногами шмыгнула мышь.

– Что же, – спросил Лонси, – духи играли свадьбу?

– Да, – горячо сказала Неле, уставившись в небо поверх его головы, – да!

...ап! – и она уже в седле. Лонси полюбовался легкой посадкой горянки и в который раз загрустил. Конечно, он образованный человек, многое повидал, всю жизнь прожил в большом городе, но... Неле, кажется, даже от жары не страдает.

– Как у наш! – продолжала девчонка. Кажется, она решила выговориться за всю неделю путешествия; до сих пор из нее каждое слово приходилось добывать чуть ли не силой. – В Верхнем Таяне ешт хребет Шемь Швадеб...

– Эй, – сказал Лонси, переведя взгляд ниже, – погоди.

– Что?

– Что... то есть что это у тебя? Вся нога в крови.

– А-а, – небрежно сказала девчонка, – это лошадь шпоткнулашь. О камень меня приложила.

На миг Лонси заподозрил, что она врет и на самом деле промахнулась топором, пока рубила кустарник. Но так осрамиться мог скорее он сам, никогда толком не державший в руках ремесленной снасти, а не дикарка Юцинеле, которая ловко управлялась что с оружием, что с инструментом. Да и рана тогда выглядела бы иначе. Должно быть, действительно камень повинен... Лонси покачал головой. Вот дурочка девчонка! Жутко было смотреть на грязную голую икру под закатанной штаниной; лоскут кожи содран, и поверх – корка из сукровицы и грязи. Ладно он, с непривычки измучившись верховой ездой, ничего не замечал в пути, а сама-то Юцинеле что? Еще кусты рубить пошла...

– Глупая, – укоризненно сказал Лонси. – До мяса рассадила и делаешь вид, будто ничего нет. А если загноится?

Неле моргнула и нахмурилась. Глаза у нее были красивые – светло-сиреневые, в мохнатых темных ресницах. Единственное, что в ней было красивого.

– Я заговор прочитала, – полушепотом ответила она, наклонившись к нему с лошади.

Лонси с неудовольствием поджал губы. Велел ей сидеть тихо и вытянул над раной два пальца.

Заговор девчонка, может, и прочитала, но силы в нем не было никакой. Еще из школьного курса истории Лонси помнил, что дикарям известна только Первая магия, а потом об этом же рассказывал в университете этнограф. Лектор, знаменитый исследователь, много времени проводивший в экспедициях, говорил, что и это убогое знание не стоит переоценивать. Сплошь и рядом отсталые племена путают живой амулет с простым украшением, работающую словесную схему – с поэтическим заговором. Впрочем, сфера воздействия Первой магии узка, возможности ее скромны, а первобытная вера обладает такой мощью, что подчас различие в эффективности незаметно...

«Но пустую палку с боевой ручницей они никогда не путают», – нагло заметил тогда с последнего ряда жирный Оджер Мерау. Лонси, прилежно строчивший, вздрогнул и обернулся, ища грубияна гневным взглядом. Мерау его не заметил; Лонси надеялся, что магистр осадит хама, но тот только добродушно хохотнул и сказал: «Вы правы, коллега. В свою очередь, не стоит недооценивать здравый смысл, распространенный среди отсталых племен...»

Лонси закусил губу, отгоняя воспоминания, и вздохнул.

– Чего это? – донесся настороженный шепот Неле. – Чего у меня там?

Подняв голову, маг ободряюще кивнул.

– Ничего особенно плохого, Неле, – сказал он. – Но твой заговор – нерабочий. Смотри внимательно, сейчас я закрою рану.

– Ой, – неожиданно переполошилась горянка, – что это... что ты... что мне делать-то?

– Ничего, – улыбался Лонси. – Сиди тихо.

Лошадь, почуявшая силу магии исцеления, стояла как вкопанная, даже ушами не шевелила. Лонси подумал, что не станет прописывать жесткий лимит, пускай лошадке тоже перепадет. На что на что, а на это сил у него хватит... Жаркий воздух под пальцами превратился в прозрачную глину. Медленно, с усилием Лонси вывел на ней основной элемент заклятия; рука его оставляла голубоватый светящийся след, заметный даже сейчас, в пору макушки дня, и видеть это было приятно. Потом маг быстрыми, доведенными до автоматизма движениями

дочертил над коричневой от запекшейся крови лодыжкой простую схему и, сосредоточившись, замкнул ее.

– Ох, – сказала горянка. – Ой-й...

И, забыв о его предостережении, переломилась в талии, мало не ткнувшись носом в собственную ногу. Сковырнула сохлую корку, провела ногтем по гладкой белой коже, снова восторженно ахнула. Остаточная энергетика заклинания погасла. Чалая кобылка Неле переступила на месте и ударила копытом. В плечо Лонси сзади ткнулась морда второй кобылы: та, кажется, тоже хотела приобщиться полезному воздействию.

Маг улыбнулся и потрепал свою серую по щеке.

– Да-а... – протянула Неле. – Вот оно как...

– Хочешь, научу? – спросил Лонси. – Это просто.

– Конечно! – обрадовалась Неле, и лошадь под нею сдала назад, чуть не ударив мага копытом.

– Потом, – сказал Лонси, смущенно опутив взгляд. – На обратном пути, ладно? Только... Неле, поддержи мою лошадь, пожалуйста. А то я на них плохо забираться умею...

Горянка засмеялась не в пример дружелюбней, чем прежде, и ловко поймала серую под уздцы.

– Давай, – поторопила она. – Блажные вы там, в Ройште... Как это вы – без лошадей?..

– А вот так, – пыхтел Лонси, лоя ногой стремя, – без... лошадей... не нужны... они, я же... не знал... что тут окажусь...

Наконец он влез в седло и с помощью Неле взялся за повод. «Ну что, едем?» – едва не сорвалось с его губ, когда маленькая жесткая ладонь накрыла вдруг его руку.

– Лонши, – едва слышно проговорила Неле, не торопясь трогать с места, – тут тени...

Сиреневые ее глаза сощурились, взгляд устремлялся куда-то в золотящиеся под солнцем заросли. Судя по выражению лица Неле, она решила отплатить Лонси услугой за услугу, но о чем зашла речь, маг не понял.

– Кто? – довольно громко удивился он, пытаясь разобраться, как поворачивать кобылу.

– Тш-ш! – сморщилась горянка. – Тени тут. Тени Ройшта. Не видишь?..

«Тени Ройста? – недоумевал Лонси, оглядываясь. – Она имеет в виду, что тут аллендорские земли, и сюда протягиваются тени столицы? Тьфу, даже я бы так вычурно не сказал...»

– Ладно, – разочарованно сказала Неле, пожав одним плечом. – Поехали, что ли.

* * *

Склон становился все круче, кобыла спотыкалась, из-под ее копыт с шуршанием бежали вниз мелкие камешки и песок. Солнце светило так ярко, что Лонси слеп; глаза болели от судорожного прищипывания. Голову напекало. Кляня себя за то, что поспешил на соломенную шляпу, маг накрыл макушку носовым платком – через полчаса платок остался на какой-то колючке, и Лонси совсем затосковал. Горянка на своей чалой усакала куда-то вперед, так что и не приметить ее было среди кустарника. Лонси рысью ездить не умел, по этой тропе – никогда не решился бы. Ему было неловко и страшно.

– Неле, – наконец, сдавшись, окликнул он. – Юцинеле!

– Что? – донеслось издали.

– Держись ближе!

– Тропа ужкая. Да жду я тебя, жду...

Серая кобыла снова споткнулась, Лонси не успел увернуться от колючей ветви, протянувшейся поперек тропы, и получил царапину на скуле. «Издевательство», – тоскливо подумал он. Почему именно ему судьба удружила таким невезением?..

Юцинеле ждала за поворотом, бросив поводья на луку. Чалая стояла, помахивая хвостом, и общипывала листья с низенького деревца.

– Ты уж не ускакивай далеко, – жалобно попросил Лонси. – Моя еще и спотыкается все время. Боюсь, сбросит.

Неле покосилась на безразличную ко всему кобылу.

– Да не бойша, – сказала она. – Каприжничают она, дурит. Жарко, уштала. Держи повод крепче. На штанциях лошади вшегда уштавшие, свежей не было. Ты что, Лонши, и правда верхом никогда не ездил?

Лонси тяжело вздохнул.

– Три раза ездил, – признался он, не видя смысла лгать. – Из них два раза – когда в детстве на ярмарке катался.

– Ну и блажные вы там в Ройште, – с удовольствием сказала Неле, как будто сама не прожила в Ройсте почти два года. За это время всякий успел бы разобраться, что в обычае у жителей столицы, а что – нет. Горянка все прекрасно понимала, просто вырастала в собственных глазах, подтрунивая над бедным магом. Что ж. По крайней мере, она больше не надувалась, как рыба-шар, и не играла в молчанку. Так все-таки было веселей.

Лонси вымученно улыбнулся Юцинеле, почти величественной в седле. У него нестерпимо болели спина и ноги. Горянка засопела, поняв все по его лицу.

– Долго нам ишо? – с жалостью спросила она.

Лонси окинул взглядом холмы и вспомнил карту. Скучая в рейсовом паровике, карту эту он успел вызубрить натвердо, как схему заклинания.

– Гляди туда, – сказал он Неле, – видишь лесок между склонами? Если мы не напутали, это там. А мы не напутали, потому что второй тропы тут нет. Ее нарочно для нас проложили. Значит, еще час-другой...

– Ну потерпи, – ободрила его горянка. – Потом жнаешь что? Потом шпать ляжем, обратно вечером поедем. Пушкой подавятша.

Лонси хотел было сказать, что в жизни не спал на земле и вряд ли сумеет начать, что ему только тошней станет; потом хотел уточнить, кто же это, по мнению Неле, должен подавиться, но вместо того спросил:

– А что это за сказка – про свадьбу духов? Семь свадеб?..

Мордочка горянки стала серьезной.

– Это не шкажка, – сурово сказала она.

Лонси слабо улыбнулся.

– Это горы, – спокойно сказала Неле и тронула лошадь. – Шемь гор.

Налетел ветер: закачались ветви, растворенные в жарком воздухе, и на миг притихли цикады. Лонси и Неле ехали шагом, горянка – впереди на расстоянии корпуса. Оба молчали. Неотрывно, как проклятый, маг смотрел на помянутый лесок между склонами; ему становилось дурно и мутно от тоски. В рейсовом паровике он читал газеты и слушал разговоры соседей; потом пришлось ехать верхом, и первое время его оставили все мысли, кроме как о подлых намерениях лошади и собственной больной спине; когда он чуть приноровился к седлу, по счастью, разговорилась Неле. Лонси готов был беседовать о чем угодно, слушать какую угодно гиль – лишь бы не вспоминать о том, что ему предстоит, почему и зачем он направляется в этот лесок... и там, на месте, он тоже предпочел бы ни о чем не думать. Просто сделать, что велено, повернуться и уехать. И минуты *там* не задерживаться, не то что отдыхать. Будь Лонси чуть смелей, он вовсе сбежал бы по пути или еще раньше отказался...

Маг подумал, что Юцинеле глуповата и оттого спокойна, как бревно, – она просто не понимает, что происходит.

Он ей немного завидовал.

...Чалая лошадка фыркала, мотая головой. Трусилась она теперь куда бодрее, чем прежде. Позади седла, на костлявом крупе, Юцинеле прежде нащупывала потертость, а теперь там была здоровая кожа, только залысинка осталась. Кажется, маг, исцелив ее царапину, подлечил и лошадку. Он неуклюжий и несмышленный, конечно, но вовсе не плохой... она оглянулась. Лонси совсем поник, даже серая его кобыла плелась как полуживая, переняв настроение всадника.

Неле шумно выдохнула.

– На небе, – сказала она, – и во льдах, и в пропастях, и в пещерах живут духи. Они прекрасные и могучие. Величайших из них чтут как богов.

Маг поднял голову; лицо его просветлело, и Неле внутренне усмехнулась. Она отлично понимала, что с ним творится: навидалась такого. Когда Наргияс ходил на медведя, иногда разрешал мальчишкам смотреть; Неле тоже сиживала в засаде, плясь в черный зев медвежьей пещеры. Если долго ждешь страшного, устаешь бороться со страхом. Некоторые люди тогда начинают болтать, пытаются заглушить страх. А если надо молчать, то им плохо.

Но Лонси был не малый мальчишка, и не на медведя он шел и не на врага. Чего он так боялся? Юцинеле мысленно вновь обозвала его всякими словами, но решила все-таки поддержать. От кого им здесь таиться, кроме теней? А от тех и пожелаешь – не утаишься...

– Давным-давно, – продолжала она мерно, в ритме шага своей кобылки; маг-аллендорец весь превратился в слух, – пришли ш неба шемь братьев-богов. Каждый из них похитил шемь прекрасных невест. Из людей. Они играли швадьбы в один день и вкопали великие швадебные камни. Это и ешьт горы. Вот так.

Неле перевела дыхание и услышала:

– А что было потом?

Лонси точно боялся, что она онемееет, если замолчит.

– От братьев-богов пошли шемь великих камов, – проговорила Юцинеле. – Джераш, Ора, Кэту, Уруви, Имар, Чаар и Таян. И Таян – штарший из них.

Маг покивал. Помялся, спешно ища, о чем бы еще спросить. Неле усмехнулась, глядя между ушей лошади.

– А зачем ставят камни? – спросил Лонси.

– Чтобы жлые духи не вредили, – пожал плечами Неле. – У камня жена жакапывает пошледы и детей, кто помрет беж имени.

«Только чудовище не закопали у камня, – подумала она. – Его сбросили в пропасть. У Семи Свадеб. Чтобы духи забрали его».

...Пальцы Лонси нервно стискивали повод. Он смотрел в спину Неле: между лопаток ее мерно моталась короткая коса. «Вне цивилизованного мира, – говорил студентам этнограф, – детская смертность составляет от пятидесяти до восьмидесяти процентов. В некоторых областях детям до года вообще не дают имен. Считается, что душа в тело младенца приходит только в этом возрасте». Лонси помнил лекции, но ему все равно не по себе стало, стоило услышать, как спокойно говорит о таких вещах Неле. «Впрочем, привычка, обычай, – подумалось ему, – так и должно быть. Они верят в богов, духов, чох и птичий грай, не дают имен младенцам и все время проводят в войнах. Что взять с дикарей».

– А добрые духи вас берегут? – спросил он.

Юцинеле не без удивления покосилась через плечо.

– Добрых духов не бывает, – сказала она.

Маг слабо улыбнулся, глядя в бледное от жара небо, но серая кобыла споткнулась, и ему вновь пришлось судорожно вцепиться в луку седла.

– Никаких духов не бывает, – выдохнул он. – Это все суеверия...

Неле приподняла бровь. «Блажной», – выразилось на ее лице. Но, впрочем, мнения о Лонси она уже была такого, что тот мог нести что угодно – хуже не стало бы.

– Шуе... что? – переспросила она, припятав насмешку.

– Везде люди верят в духов, бесов, богов... – сказал Лонси вполголоса, оглядываясь. – Потом приходят арсеитские проповедники и пользуются этим.

– Кто приходит?

– Арсеиты. Те, кто верит в Арсет. А... наверно, до вас они еще не добрались. Они живут в южных городах и в Уарре.

Неле открыла рот – и закрыла.

«Уарра до нас добралась», – подумала она.

– ...и все вещают о защите и милосердии, – не без презрения продолжал Лонси, – а сами...

И осекся, когда взгляд его упал на Неле. Та опустила голову так низко, что тенями выступили лопатки под пропотевшей рубашой. Потом выпрямилась, точно шест проглотив. Лицо ее окаменело.

Лонси испугался. От робости он некоторое время молчал; потом, отчаявшись, помотал головой и окликнул тихонько:

– Неле. Не-ле...

– Что? – сухо отозвалась горянка.

– Что... – растерянно сказал маг, – что с тобой? Я что-то... не то, да?... прости...

Девушка помолчала.

– Был Таян Верхний и Нижний, – наконец хмуро сказала она. – А теперь только Верхний ошталша.

– Почему? – спросил Лонси.

И прикусил язык. Холодок прошел по спине: магу отлично был известен ответ.

– Теперь там Уарра.

...Крыша здесь была не плоская, как в домах, а двускатная, островерхая – малая рукотворная гора среди великих гор Лациат. Изнутри гляделось оно непривычно: так много пустоты над головой. Вместо потолка были лишь поперечные балки, толстые бревна от стены к стене. Уже два года в старую родильную хижину не приводили кричащих жен. Среди людей не сохранишь тайны, и хотя мертвые были немые, а живые молчали, весь каман прознал, что здесь на свет появилось чудовище. Мужья молча собрались и выстроили новую хижину, на другой стороне долины. К этой же никто не хотел подходить, даже чтобы снять доски и бревна, и она ветшала себе потихоньку; а потом страх поистерся, как платье, и когда нельзя стало угонять овец на дальние пастбища, хижина превратилась в овчарню. От пола и стен до сих пор пахло мокрой овечьей шерстью...

Юцинеле лежала на потолочной балке, обхватив ее ногами. У нее оставалось еще пять метательных ножей и два белых кольца на аллендорской боевой ручнице. Два заклинания небесного огня, бьющие лучше арбалетного болта, на две сотни шагов, и способные разнести в пыль даже скалу. Почти истощенную ручницу ей отдал Наргияс, уходя к башне. Богатый подарок.

В двухстах шагах от овчарни прорезало гору узкое, от плеча до плеча Неле, ущелье, по дну которого бежал ручей. Боком там мог протиснуться взрослый воин. Если чаары попытаются зайти сзади, через ущелье, Неле обрушит его своды и на время закроет проход. Может быть, взрывом накроет двух или трех чааров.

Ручница – для дела.

Не для того, чтобы защищаться.

Юцинеле снова пересчитала ножи, кончиками пальцев поглаживая бархатистую оплетку рукоятей. Пять ножей – это, если повезет, пять чааров. Даже из настоящих воинов мало кто лучше нее управляется с таянскими летающими ножами... Еще есть кинжал. Только кинжал не считается. Вряд ли его удастся метнуть, он слишком тяжелый и предназначен для другого.

Кинжал – это значит, нужно подходить вплотную; значит, только один на один. С одним большим, неуклюжим чааром она справится, но если поблизости окажется второй...

Пять ножей.

Неле шепотом нарекла им имена.

Ветер менялся. Совсем недавно отсюда, из бывшей родильной хижины, прилепившейся к крутому склону – повыше над долиной, поближе к небу, – ясно слышались вопли чааров, штурмовавших башню каманара, и боевые кличи тех, кто оборонял ее. Возгласы не стихали, и это значило, что сражение еще идет. Слышно их стало хуже.

Неле взобралась на балку и прошла по ней к противоположной стене. Пыль и грязь влажной коркой скопились по краям маленького оконца под самой кровлей, но вовсе не поэтому таянка не приближалась к нему вплотную, поглядывая, что творится снаружи. Из хижины видно было ущелье; стало быть, и из ущелья видели хижину.

Если чаары не отыщут этот путь, по нему смогут уйти жители камана – те, кто останется в живых. Разведчики, ходившие ночью через осыпи, сказали, что сюда идет весь Чаарикам, гонят женщин и скот. Несколько сотен, что напали сейчас, – это передовой отряд, два или три совсем диких кама, те, с кем даже сами чаары предпочитают не иметь дела. Их перебьют. Но к вечеру подойдут остальные; и если каманар с отрядом не успеет вернуться к вечеру, долина падет.

Чаары не отступят.

Им некуда отступать.

...мелкий блик затрепетал и погас. Острым боковым зрением Юцинеле заметила его. Мускулы ее напряглись, полая металлическая палка ручницы заскользила в мигом взмокшей ладони.

Там. В ущелье. Чему там блеснуть? Пора стрелять? Или нет? Если она выстрелит и обвалит проход, то своими руками запрет всех здесь, в долине, потому что обе большие дороги уже перекрыты. Если она не выстрелит, то чаары зайдут с тыла. Если она выстрелит, ее обнаружат. Если не выстрелит, может, получится убежать...

Последняя мысль, пыльной тенью скользнувшая по краю сознания, подействовала как оплеуха. Неле вздрогнула и стиснула зубы. Хороша же она!

«Ааа!» – кричали далеко внизу, в долине, где бились за башню. «Ча-а-ри-кам! – выводил кто-то с глоткой как у горного демона, ревом зачинающего лавины. – Ча-а-ри-ка-ам!...»

«Чаары – самые храбрые в горах», – когда-то давным-давно говорил Наргияс мальчишкам; Неле сидела в сторонке, как велено, и тоже слушала. «Храбрее таянцев?» – удивлялся самый юный, и Наргияс отвечал: «Да. Разве таянец ради смеху прыгнет в пропасть? А чаар прыгнет». Он, конечно, лукавил. Отучал парней от глупого удалства...

...первый чаар вышел из ущелья.

Крупный, гибкий и тихий, как барс, он переступил по камням, оглядывая пустой склон, и нырнул в тень скалы. Неле, распластавшаяся на балке у оконца, еще миг следила за ним глазами, а потом беззвучно, бесслезно заплакала от горя. Это слишком сильный и страшный чаар, его ни за что не убить кинжалом. Может, он даже увернется от метательного ножа.

Второй был намного старше, с седой головой. Кажется, левая рука у него висела – раненая или высохшая. У Неле немного отлегло от сердца.

Стрелять было еще рано.

Юнэ, старшая жена каманара, родила первенца-сына. Счастлив был Арияс – и тройне счастлив, видя, как растет в его доме отважный воин. Но следом одну за другой рожала Юнэ дочерей, и муж охладел к ней. Когда, третья по счету, на свет появилась Юцинеле, он перестал приходить к старшей жене. Некрасивым было дитя, и каманар решил, что Юнэ, хоть и совсем молодая, уже изрождалась. Не сыскивалось у него любви для дочерей, безразлично было, выживут они или умрут.

Однажды таянцы соревновались в искусстве верховой езды. Необъезженная лошадь взбесилась под неопытным седоком и понеслась, не видя дороги. На пути у нее стояла четырехлетняя Юцинеле и смотрела, не шевелясь, точно околдованная.

Ей крикнули, чтобы уходила с пути, но никому и в голову не пришло выхватывать слишком глупую девочку из-под копыт. Не хочет жить – значит такая ее судьба.

Когда взмыленная лошадь оказалась совсем близко, маленькая Неле не торопясь отошла в сторонку – отошла, повернулась и таким же завороченным взглядом уставилась на удаляющийся круп.

Ни злосчастный наездник, ни дочь не интересовали Арияса: он смотрел лишь туда, где горячил коня лучший из всех – его старший сын. Но рядом с каманаром стоял Наргияс, верный его побратим, а он был мудрее седого старца. Многое вмещалось в его глаза и душу.

– Хорошей женщины из нее не вырастет, – задумчиво проговорил Наргияс, глядя на некрасивое личико и костлявое тельце дочери Арияса.

– Мужчины тоже, – со смехом ответил каманар.

– Женщин в камане много, – сказал побратим. – А воинов мало.

Так Неле стала воином.

...Она представила, как чаары идут по ущелью: трудно переступая по каменистому руслу, шаг за шагом, порою боком протискиваясь меж скальными выступами, по колено в стремительной ледяной воде. Молчащие, с серыми лицами, идут чаары, многие – в недавних ранах. Бессильная ярость тлеет в диких глазах. Они идут, чтобы силой мечей добыть себе новый дом. Нет больше Чаарикама у них за спиной. За спиной у них тьма, перед которой самый могучий и жестокий чаар не страшнее полевой мыши...

Стрелять нужно быстро – пока в оконце не заметили ствол. Среди чааров хороших стрелков мало, но кто поручится, что такого стрелка нет именно сейчас и здесь?

Ручница легла на край оконца. Неле прицелилась. Она никогда прежде не стреляла из магического оружия, но эту ручницу маги Аллендора и делали для таких, как она. Могущественная вещь повиновалась легко. Неле велела: «Огонь!»

Был миг тишины, за который она успела решить, что ничего не произошло. Потом скалу вдали окатила неожиданно беззвучная, громадная, как будто бы жидкая вспышка, поднявшаяся и опавшая, словно платок в руках танцовщицы. Только спустя пару выдохов глухо застонал камень, прорастая грохотом, и обломки посыпались вниз.

Кто-то крикнул, и крик оборвался. Успевшие пересечь ущелье чаары ринулись врассыпную, быстро озираясь. Донеслись их приглушенные гортанные выкрики. В клубах пыли Неле не могла точно пересчитать увернувшихся и сплюнула от злости. Попрячутся ведь!.. К тому же, она плохо прицелилась. Думала, что ручница стреляет как лук, и сделала поправку на дальность, подняв прицел. Но боевое заклинание – не стрела, оно летит не по дуге, а по прямой. Скалу едва зацепило. Чтобы закрыть ущелье, придется стрелять второй раз и истратить последнее кольцо.

Юцинеле улыбнулась.

Воин из нее такой же ненастоящий, как женщина. Но она не подведет наставника и выполнит приказ каманара. Плохая ли смерть?..

Пустая палка, минуту назад бывшая грозным оружием, со стуком упала и покатилась к стене. Неле вытащила первые два ножа. Что гадать! Чааров, конечно, завалило не всех. Те, которые успели выйти из ущелья, совсем не казались растерянными. Как Неле и думала, они заметили, откуда стреляют. Теперь они шли к ней; пока еще – укрываясь за валунами и кустарником, но пройдет минута, и они поймут, что заклинания у нее кончились. Она видела троих чааров; конечно, их больше. Но не больше шести. Слишком мало, чтобы ввязываться в сражение рядом с воинами других камов Чаара: при таком раскладе те будут едва ли не опасней

врагов. Но пяти человек вполне достанет, чтобы найти стрелявшего и убить его. А там и завал разберут...

Девушка лежала на балке тихо, как мышь. Летучая мышь с острыми коготками.

Первый чаар, тот самый, высокий и страшный, выбил дверь ногой. Сердце Неле упало в живот, а потом забухало так громко, что, казалось, перекрыло грохот. Враг озирался. Вид у него был выжидающий. Наверняка чаар думал найти здесь воина с мечом или луком, а никак не маленькое создание, лежащее на потолочной балке.

Есть примета: дашь оружию великое имя – оружию придется его оправдывать: бить верней и сильнее. Раз так, значит...

Каманар Таяна.

Господин.

Отец.

– Арияс! – одними губами сказала Неле и швырнула нож.

Бросок удался: бритвенно-острое лезвие вспоролو чаару шею, войдя в узкую щель между воротом доспешной куртки и шлемом. Чаар еще успел поднять голову, найти Неле мутнеющим взглядом, но он уже падал; убийца мгновенно забыла и о нем, и о страхе перед ним.

Хранитель Таяна.

Побратим отца.

Наставник.

– Наргияс!

Второй бросок вышел хуже, пусть ненамного. Второй чаар стоял неудобно, далеко, поворотившись к Неле хорошо защищенной спиной, но таянка увидела и поняла, что доспех его – дедовский, древний, и между железными накладками толстая бычья кожа гниет и трескается. Нож пробил доспех и вонзился в позвоночник.

Демон Таяна.

Непобедимый воин.

Брат.

– Итаяс!

И третий нож оправдал свое имя. Чаар, которому он достался, уже смотрел на нее, уже поднимал лук, он целился – и нож вошел ему точно в глаз, в самый зрачок, навеки вбив в него запечатленную там Неле.

...она вспомнила, как дышать.

Оставалось два ножа и кинжал.

«Теперь там Уарра», – повторил про себя Лонси, и сердце испуганно ёкнуло. Уарра, край, где властвуют силы Бездны; обратная сторона мира. Неуютно было думать, что вот эта глуповатая девочка когда-то собственными глазами видела то, что Лонси боялся даже вообразить. Впрочем, она, должно быть, и не поняла толком, что видит... Она верит в богов и духов; горцы, живущие среди недоброй природы и сами жестокие, подобно ей, населили горы множеством вымышленных злых созданий. Действительное, неподдельное зло навряд ли страшит их больше.

Лонси вздохнул.

...Далеко за торжественным Хребтом Мира, за бескрайними сухими степями, бурьяном и лесным буреломом, за бледными реками, каждую зиму одевающимися в лед, клубится непроглядная мгла Сердцевинной Уарры. Столица империи огромна, как целая страна, и каждая вторая из ее башен принадлежит храму мрачной южной религии. До самого неба доросли хмурые муравейники Кестис Неггела, а в центре его пребывает в своей крепости император Уарры, окруженный некромантами и мертвецами. Он распоряжается о войнах и казнях, и выступают в поход черные танки, и бесчисленные шпионы прокрадываются в дома подданных...

Когда-то Лонси задавался вопросом: понимают ли сами уаррцы, кто они и что их ждет? Краем уха он слышивал разговоры профессоров – о том, что Имперский Комитет магии в Уарре ни на волос не уступает Королевской Ассамблее Аллендора, разве что традиционные специализации магов на востоке другие. Стало быть, научных знаний об устройстве мире по ту сторону Лациат никак не меньше, чем по эту. Но уаррцы – арсеиты. Маг ломал голову, как можно сочетать одно с другим. Как высокая наука уживается с суевериями семитысячелетней давности?.. А разговоры о защите мира – с делами?

По выжженной траве и осыпающемуся песчанику бежали тени всадников, зыбкие и серые, пропадающие в неистовом солнце. Были цикады, был ветер, был шорох сухой земли, а подо всем этим, точно глубокий погреб под крышкой, ждала тишина – глухая, мрачная. Тысяча лет, как здесь никто не живет; а до того жили...

– Вот, – сказала Неле очень спокойно. – Я говорила. Теперь ты говори.

– Что? – оторопел маг.

Горянка невесело усмехнулась. Лонси, должно быть, решил, что она взялась болтать развлеченья ради, а не затем, чтоб отвлечь его от его страха... Пусть так думает. Это все равно.

– Аршет – это кто? – спросила она.

Лонси кивнул и улыбнулся: такого вопроса, конечно, нельзя было избежать. Что же. Экзамен по истории культуры, на котором он выдержал целый диспут с профессором Станирау и цитировал Легендариум не хуже записного арсеита, был не худшим из его воспоминаний.

– Это богиня. Арсеиты верят, что она сотворила мир, людей и духов.

– Да? – переспросила Юцинеле не без иронии.

– Да, – в тон ей продолжал Лонси. – Сначала – духов. Арсет была совсем юной и хотела сотворить что-нибудь красивое. Поэтому духи получились красивыми и вечно юными, но неразумными и жестокими. Потом богиня повзрослела и поняла, что красивое – не то же, что прекрасное. Тогда она сотворила людей. Правда, духи вредили, и поэтому не все люди получились такими, каких она задумывала. Но они станут такими, если немного постареются.

Неле не то пожала одним плечом, не то просто покачнулась в седле.

Они огибали каменистый склон, и лесок, приютившийся меж холмов, скрылся из виду; он близился с каждым шагом лошадей, но просто не видеть его – уже было облегчением. Чалая кобылка заржала, серая сестра отозвалась ей. Лонси снова вздохнул. «Скорее бы», – подумал он и посмотрел на небо. Он старался отвлечься, у него даже получалось, но тревога и страх все нарастали в душе. Скорей бы это закончилось. Он страшно устал, потихоньку начинал злиться – на себя, Юцинеле и обстоятельства – и все сильнее завидовал безмятежной горянке. «Неужели она до такой степени ничего не понимает?» – в тоске подумал он. Хотелось, в конце концов, как-нибудь разъяснить дикарке, что происходит. Или просто вывести ее из равновесия. Ее равнодушие уже не успокаивало, а раздражало.

Но говорить об Уарре Лонси боялся и сам.

– А горцы говорят, что вишо родилошь от Отца-Шолнца, – лениво сказала Неле. – И люди, и духи, и горы.

Лонси понял это в том смысле, что поколебать веру Неле в горские мифы – выше чьих-либо сил. Он помнил, что так и должно быть и что нет смысла даже заговаривать с дикарями на эти темы, в особенности если разговор беспредметный. Но разговор у них сейчас был беспредметней некуда, а одна глупенькая дикарка – это не отряд суровых воинов, с которыми цивилизованному путешественнику и впрямь не следует спорить...

– На самом деле никаких духов нет, – очень мягко сказал он.

Неле в очередной раз оглянулась на спутника; мелькнуло ее озадаченное, нахмуренное личико. Лошадь ее мотнула головой, недовольная, что на спине у нее суетятся. Маг в недоумении встретил горянкин взгляд, а потом Юцинеле осторожно сказала:

– Лонши. Мы едем будить великого духа.

У Лонси поджилки затряслись, когда он узнал, что вызван на аудиенцию самим государственным суперманипулятором Аллендора. Перед господином Маджартом он испытывал непреодолимую робость и обмирать от страха начал, едва зайдя в здание Ассамблеи.

Государственный суперманипулятор, разумеется, не стал тратить время на разъяснение молодому магу подробностей ситуации. Перед аудиенцией с Лонси побеседовал офицер тайной стражи – и еще два часа маг провел в гулком изнуряющем одиночестве в личной библиотеке суперманипулятора, знакомясь с секретными документами. Инкелер Маджарт только выделил несколько минут на то, чтобы еще раз посмотреть ему в лицо и удостовериться, что он в полной мере понимает важность задачи.

– Мой предшественник еще мог сомневаться, господин Кеви, – устало сказал верховный маг королевства, устремив на Лонси красные от недосыпа глаза. – Мне такого счастья не досталось.

Суперманипулятор не был дурным человеком, он никому не желал зла и никого не собирався пугать, он просто был очень, очень занят, по восемнадцать часов в сутки, без единого дня отдыха уже много лет.

– Мы живем в другую эпоху, – сказал он. – В Средние века жизнь была проще, и души – проще. Но сейчас время другое. Легендарные силы – это проблема. С ними крайне трудно работать. – И Маджарт откинулся в кресле, прикрыв глаза.

– А... – невпопад вякнул Лонси.

– Я не смог бы им управлять, – объяснил суперманипулятор. – Это, полагаю, под силу только магу.

– Но... вы, господин суперманипулятор...

– Я, – сказал тот снисходительно, как ребенку, – должностное лицо.

...Лонсирем Кеви, дипломированный маг с практикой в Ройсте, опустил взгляд и поплотней взялся за шершавый, влажный от пота повод. Лошадь помахивала хвостом, отгоняя слепней; вся ее шкура дергалась разом, будто была чем-то отдельным от нее. В начале пути это немного пугало, но теперь Лонси привык. «В конце концов, – подумал он, – в конце концов, ведь ничего не должно случиться... вообще ничего. Произведены расчеты... специалистами... я должен поступить в соответствии с указаниями. И тогда ничего не случится».

– Нет никаких духов, Неле, – сказал он со вздохом. – И Солнце – это звезда вроде тех, что видны ночью. Просто она очень близко. А горы появляются от того, что два громадных острова сталкиваются друг с другом, и камень образует складки...

– А куда мы тогда едем? – не без интереса спросила Неле. – Жачем будить духа, ешли его нет?

Маг устало хмыкнул, разглядывая вновь показавшийся лесок. Тропа стала шире, и горянка даже придержала лошадь, чтобы ехать рядом с Лонси и заглядывать ему в лицо.

– Это не дух, – сказал он. – Это человек, некогда ставший функциональной точкой-ретранслятором реликтового излучения недифференцированной первичной магии...

И прикусил язык.

«Блажной», – со всей определенностью выражали черты Юцинеле.

Неожиданно для себя Лонси обиделся.

– Это очень сложно объяснить, Неле, – сказал он покровительственно и строго. Вышло не очень внушительно, потому что у него ломило спину и чувствовал он себя не на высоте. – В особенности... кому-то вроде тебя.

– Почему?

– Потому что ты... необразованная.

– Это как? – искренне озадачилась горянка. – Это что жначит? Что-то магическое?

Лонси засмеялся, скрывая облегчение. Иногда с Неле бывало весело...

– Нет, – сказал он мягко. – Это значит, что ты многого не знаешь, мало что видела в жизни. Сложного объяснения ты не поймешь, а простое будет слишком длинным.

Неле шумно выдохнула, ссутулившись. Глянула на мага, который все пытался устроиться половчей: неуклюже вертелся в седле, мучая себя и лошадь.

– Ешли рышью, то тут уже близко, – сказала горянка после долгого молчания. – Но ты рышью ехать не умеешь. Поэтому говори длинно. Потому что я уже говорила.

Лонси покосился на нее и отвернулся.

«Ну почему? – в который раз мысленно спросил он. – Почему я? Почему не кто угодно другой... почему мне все время так не везет?»

Почему он, Лонси, все время попадает в какие-то немыслимо абсурдные ситуации? Вот, к примеру, едет верхом по местам пустынным и диким, весь в царапинах от колючек, со стертым задом и больной спиной, и рассказывает щербатой дикарке, которая читать-то толком не умеет, про священное писание арсеитов и чуть ли не про теорию Большого Взрыва... То есть кто-нибудь другой, какой-нибудь авантюрист от науки, наверно, получил бы при этом большое удовольствие. Лонсирем Кевин не был авантюристом. И никто из его предков не был авантюристом. Но отчего-то ни один лихой сорвиголова не оказался в нужный момент в нужном месте, чтобы его заменить...

А самое забавное – если во всем этом есть что-то забавное – то, что просвещением Юцинеле он и должен был заниматься все время пути.

Наставник, искушенный во многих магиях.

И царственная дева.

О да.

В свое время Лонси был примерным студентом и умел дословно запоминать прочитанный текст. За это над ним смеялись, но за способность так же быстро и точно запомнить начертанную схему – уважали. В библиотеке Маджарта пригodiлось первое.

«Царственная дева в сопровождении искушенного во многих магиях наставника преодолет путь от дверей своих покоев до дверей, ведущих к месту сна Меча Выси; отныне жизнь ее будет посвящена Пути, что явится залогом силы и неизбежной победы. Да будет мир с ними и нами». И словесная формула заклинания – без намека на схему. Тот, кто писал манускрипт, был человеком до безумия осторожным. Схема известно упрощает задачу, и даже там, где речь шла о Пятой магии, подвластной единицам, составитель руководства предпочел перестраховаться. Восстановить заклятие по описанию – задача для профессионала высочайшего класса.

Для государственного суперманипулятора.

Это он должен был ехать на серой кобыле по тропе среди злых кустарников, он, лысый как колено господин Маджарт, и сопровождать ему должна была престолонаследница принцесса Лириния, а не Юцинеле, дикое отродье дикого горского вождя. Но легендарные силы – это проблема, с ними крайне трудно работать, и говоря откровенно, ни Аллендор, ни Уарра совершенно не нуждаются в их вмешательстве.

Даже наоборот.

– С чего начать? – уныло спросил Лонси, уставившись в небо.

– Шначала, – незамысловато посоветовала Неле.

– Хорошо. – Лонси развел руками и едва не потерял повод. – Попробую проще. В мире есть пять магий... Нет, не так. Магия – это особая сила. Я сам – маг, но я мелкая сошка. Если представить, что магия – это вода, то я вроде головастика в луже. А есть моря и океаны.

Неле, обернувшись к нему, посмотрела внимательней. Лонси перевел дух и облизнул пересохшие губы. Все-таки удивительно красивые у горцев глаза. Они красивый народ – таянцы, – судя по тем, которые встречались Лонси в Ройсте. Грустно видеть, как мало природа уделила Неле этой красоты.

– Магия управляет движением мира из прошлого в будущее. Она придает смысл времени, – воодушевившись, ляпнул Лонси.

Тут же он сконфузился: обещал ведь объяснять просто. Зачем наивной горянке ученое любопытство? Неле морщила лоб, пытаясь понять. Носом, впрочем, крутить не стала. Понаблюдав за ней, Лонси немного успокоился и дал себе слово больше университетских конспектов наизусть не зачитывать. Особенно перед Неле.

Лошадь прядала ушами, отгоняя овода.

– Это шудьба, што ли? – негромко спросила девушка.

Маг, уже набравший в грудь воздуха, замолчал и молчал долго.

«Они могут быть мало осведомлены об истинной природе происходящего, – говорил магистр, – но это вовсе не означает, что они глупы. Различие между цивилизованными людьми и дикарями заключается вовсе не в интеллектуальном превосходстве первых. Более того: тому, кто всерьез так думает, лучше не покидать своего кабинета в Ройсте или Аньяре».

– Может, и так, – наконец негромко сказал Лонси и подумал, что образование получил действительно превосходное. Потом он подумал, что с огромным удовольствием не покидал бы кабинета в Ройсте или, на худой конец, в Аньяре, но выбора у него не было. Лицо государственного суперманипулятора – сухое, острое, без бровей и ресниц – вновь, точно въяве, встало перед глазами. «У нас нет выбора», – сказал господин Маджарт, и хотя мгновение спустя он добавил, что господин Кеви, конечно же, волен отказаться от предложения, тот отлично понял, что отказа не подразумевалось. Хотя бы потому, что господин Маджарт, умнейший человек помимо того, что великий маг, не стал бы тратить драгоценное время на того, кто мог отказаться...

Юцинеле ждала.

Лонси решил отложить размышления.

– В природе все происходит по кругу, – сказал он. – Весна, лето, осень, зима, опять весна... Магия – это тоже природная сила, и в ней тоже все происходит по кругу. Только год магии гораздо дольше: много сотен лет. Природный год – это взаимодействие тепла и холода. А магический – двух мировых начал, Выси и Бездны. Я не буду объяснять, что это такое, это очень сложно...

На лице горянки не дрогнула ни единая черта, но Лонси все равно почувствовал себя неловко.

– Во время магической зимы оба начала дремлют, – поторопился он. – А весной – пробуждаются, растут и сталкиваются. Вначале...

«...выделяются активные области, – услужливо подсказала тренированная память, – вспомогательные функциональные точки», – и Лонси мысленно от нее отмахнулся.

– Магия избирает две великие страны, которые станут Королевствами Выси и Бездны, – торжественно сказал он. – И людей, которые будут проводниками Изначальных сил. Во время зимы таких людей двое: великие маги Каэтан и Лаанга. Они бессмертны. Весной с каждой стороны появляются еще трое: Господин, Госпожа и Воин. Они – обычные люди и уходят, когда кончается срок их жизни... Одно из начал по весне пробуждается первым и постепенно распространяет свое влияние на весь мир. Потом перевес оказывается на стороне другого. А потом вновь приходит зима, и люди сами управляют течением событий.

Потом он обнаружил, что Юцинеле его не слушает, и разозлился. Он и так чувствовал себя очень глупо, перекладывая учебник по физике магии в сказку для просвещения дикарки. Она должна была хотя бы старание его оценить.

– Неле! – строго окликнул он.

– Уф-ф! – равнодушно отозвалась Неле. – А куда мы едем-то?

Лонси хватанул ртом воздух и понял, что окончательно разозлился.

– Будить Воина Выси, – процедил он и решил молчать. Его все равно не слушают.

«Ничего не случится», – напомнили земля, солнце и его больная спина; и решимость мага истаяла.

– А зачем? – сказала Неле.

Лонси повесил голову.

– В начале прошлого магического года, – покорно сказал он, уставившись на холку кобылы, – страны процветали, и все жили спокойно и мирно... Потому что Каэтан, Маг Выси, пребывал в своем доме, а Маг Бездны, которого я не хочу накликасть, называя по имени, находился в заточении под его надзором и не мог вредить людям. Но потом зло вырвалось на свободу. Оно одолело Воина Выси и погрузило его в тысячелетний сон, похожий на смерть, но это была не смерть – потому что, пока жив прежний Воин, нового не появится... Каэтан успел объяснить тогдашним соратникам, как пробудить Воина. Но потом ему самому пришлось вступить в битву, он был повержен и заключен в Башне Бездны... Теперь началась новая весна магии. Появились Господин и Госпожа Выси и их противники в Бездне. Только Воин Выси спит, потому что Каэтан в плену. И нужно разбудить его, чтобы он защитил нас...

Здесь он запнулся; и оттого, что Неле снова слушала его вполуха, почувствовал облегчение. Но вдруг горянка пристально глянула на него – так, что маг вздрогнул.

– А от Уарры он может защитить? – спросила девушка серьезно и грустно.

Лонси помолчал; потом так же грустно ответил:

– Дурочка. Где сейчас, по-твоему, Королевство Бездны?

Неле отвернулась.

...Поросший диким волосом кулак чаара мелькнул перед ее лицом. Тускло блеснул каскет. Удар оглушил Юцинеле, и боль не была сильной. Она машинально проглотила кровь, смутно удивившись, что за маленькие камни упали ей в рот. Стены покачнулись, пол и потолок поменялись местами, одинаково грязные, и Неле несильно ударилась плечом о дощатый настил.

Три чаара стояли кругом. Один зажимал рану в плече, глядя куда злее прочих.

Из пяти раз Неле промахнулась только единожды, и еще один бросок оказался несмертельным. Это совсем не плохо. Наргияс похвалил бы ее. И ничего удивительного нет в том, что она промахнулась. Очень глупо было нарекать последний нож собственным именем. Кто она такая? Предпоследний нож тоже лучше было назвать именем великого воина. Так получилось, что Неле начала с перечисления близких – и, не подумав, продолжила тем же. Но Мирале была самой прекрасной невестой гор, светлой как месяц, а она?..

– Это не женщина, – сказал тем временем самый старший из чааров.

– Ты о чем? – спросил второй.

– Больно ловко дралась. Это, должно быть, та бесовка и есть.

– Какая еще бесовка?

– Про которую слух шел. Не слыхал, что ли? Дочка Ариясова. То есть не Ариясова...

И все три чаара хохотнули.

Неле лежала у их ног бревном, неподвижно глядя в прорезанный щелями потолок хижины, даже дышать стараясь как можно тише. Второй попытки у нее не будет, но один из чааров ранен. Если оставшиеся двое увлекутся беседой, она попытается. Она очень быстро двигается, оттого-то и вышел из нее воин – ненастоящий, но неплохой. Чаары худо стоят, совсем рядом, вплотную, но если удастся пронырнуть между ними... дверь выбита, проход свободен...

– Каманарчик таянский как-то с перепою решил, что хорошо бы ему в каманары всех Лациат выбраться, навряд ли как сам Отец-Солнце в древнюю пору, – исходил желчью старший чаар. – Приревновал, видишь ты, к императору. Но силенки, видишь ты, не те. И решил он помощи просить у горного духа. Но дух – он, видишь ты, не промах!

– Га-га-га!

Дверь выбита, проход свободен. В пустой проем светит солнце. Толстые ноги чааров заслоняют его. Оно светлое, как свобода. Рвануться и вылететь в дверь – и тогда, может быть, окажется вовсе не обязательно умирать...

– ...дух и говорит – одолжи мне, каманар, жену. На пару дней. Я тебе такого ребеночка сделаю, который не то что горы – равнины по обе стороны от гор мечом возьмет.

– Га-га! Дух не промах!

«Если бы ты был здесь!» – безмолвно сказала Неле, смирная дрожь в груди.

Брат сейчас далеко. Он не спасет.

– В первый раз оно удачно прошло, – разорвался чаар, – но одного Демона каманару мало показалось. Он, видишь ты, второй раз духа призвал. Да что-то не так оказалось, не потрафила, что ли, жена духу. Вместо нового демона родила она не пойми что, не парня, не девку. Зато злое оказалось отродье – только держись!

– Га-га-га! Слышь, Эку, сильно тебя поцарапала? Посильней, чем жена?

Злой чаар совсем озверел, а двое других так и зашлись хохотом, хватаясь за бока. Кажется, то была какая-то история...

...два сапога разом врезались под дых. В глазах потемнело, и Неле не чувствовала, как упала. Она не помнила, били ее еще или нет. Одна попытка у нее была, и все. Чаары слишком ловкие. Чаары славятся как хорошие плясуны, и ноги у них быстрые. Глупо было думать, что она успеет пронырнуть между ними. Но так хотелось, чтобы оставалась хотя бы одна попытка...

Второй нет.

– Ну, – рычал кто-то над нею, – бесовка, ах, бесовка! Да точно ли девка, а? Кто проверит? Кому не страшно?

– Га-га-га!

С нее сдернули пояс с ножнами от кинжала. Потом стянули штаны. Тело было ватным, только горло само по себе, мимо желания Неле, глотало кровь.

Солнце светило в дверях – огненное, недостижимое. Где-то далеко насмерть бился с чаарами Наргияс, еще дальше, за перевалом, отец и брат, сами страшные как демоны, стояли против страшной Уарры.

Больно было, конечно, но рана от ножа куда сильнее болит. И стрела в плече. И окованным кулаком в живот – это тоже посерьезней... Неле не видела в происходящем ничего особенного. Это же чаары. На ее месте изнасиловали бы и мужчину.

Потом они ушли, сплевывая и гогоча, оставив трупы сородичей лежать в овчарне. Верно, не было между этими чаарами дружбы... Звуки доносились точно сквозь толстую овчину. Неле смутно удивилась, что ее не добились. Опасности от нее, впрочем, теперь не было никакой. Один смех.

Она лежала на грязном полу, глядя остановившимися глазами на ту самую балку, где недавно ожидала чааров, готовясь к бою. В солнечном луче плясали пылинки. В тених возникали знакомые лица, чтобы тут же уйти, пропасть, не удостоив ее взглядом. Отец, Наргияс, мать среди жен отца, сестры, брат с Мирале в свадебных уборах, красивые... Два года, как здесь никого не рожают; а будь иначе, ни разу в жизни не вошла бы Неле в священную, запретную для мужчин хижину, где крыша стоит шатром, чтобы приплывающей с облаков душе дитяти не было тесно. Два года, как здесь не рождаются и не умирают, а допрежь того умерли десятки и сотни – матери и младенцы, и повитухи, принявшие чудовище; и Неле умрет... Она понимала, что раны вовсе не так серьезны, но не могла шевельнуть и пальцем. Что-то закончилось в ней, и ей стало уже все равно.

...Когда в долине разом грохотнула сотня ручниц, Юцинеле не вздрогнула. Что за дело мертвой до творимого живыми? Вот еще минута-другая, и придет сон.

Но судьба распорядилась иначе.

Залп повторился, отголоски грохота потонули в лавине отчаянных воплей. Уже не подбодряли себя дикие воины Чаарикама, выкрикивая имя потерянной родины. Иные слова повторялись теперь.

«Эрдрейари».

«Уарра».

На плечах обезумевших, гонимых чааров в Нижний Таян ворвалась армия императора.

Неле не видела того, что творилось внизу. Она и слышала-то смутно, будто сквозь сон. Грохот, вопли, крики умирающих лошадей, кличи боевых рогов – точно все бесы Бездны явились в долину и устроили пляску на погибель миру. Смутно, из каких-то темных глубин, всплывало ненужное знание: Эрдрейари, генерал империи, взял Чаарикам. Арияс думал, что уаррец задержится на захваченных землях, будет восстанавливать разрушенные им же крепости, прокладывать заново дороги и строить мосты. Но Эрдрейари пошел вперед, не останавливаясь.

Он гнал чааров перед собой.

Ропот далекой битвы катил по долине волнами, то поднимаясь до небес и оглушая, то утихая ненадолго, – и вдруг смолк. В пронзительной тишине повис далекий протяжный стон, полный безнадежного, последнего ужаса:

– Та-а-анки-и-и...

Криков больше не было, и заклинания не грохотали, срываясь со стволов, вспахивая истерзанный камень; только стоял отдаленный негромкий гул, похожий на слитый голос десяти тысяч шершней. Танки Уарры вошли в Нижний Таян – значит Нижнего Таяна уже нет.

Осознав это, Юцинеле поняла, что возвращается к жизни. То была мысль воина, а она ненастоящий воин и не может оставаться им после смерти. Холодок пробежал по спине, острее стала режущая боль внизу живота. Ребра ныли. Неле снова проглотила кровь и потрогала языком то место, где были передние зубы. Здоровая дырка и вид, должно быть, гадкий. Что ж, она и так красотой не отличалась... Десны не болели, зато болел нос. У мертвых ничего не болит. Неле подумала, что, будь она настоящей женщиной, ей следовало бы повеситься. Женщине нельзя жить опозоренной. Но она воин, пусть и ненастоящий, а воин должен залечить раны и драться дальше. Так научил ее Наргияс.

Где теперь Наргияс?

Юцинеле резко вдохнула – и беззвучно взывала от боли. Пришлось долго лежать, дыша осторожно, словно в засаде... Добрый Наргияс. Он мудрый, он не впадает в неистовство, и если бы он сам стоял против Эрдрейари, то мог бы сдаться. Уаррцы берут пленных, а сбежать от них не слишком сложно. Но чаары!

Наверное, он погиб.

Неле подумала об отце. Что же он будет делать без побратима?

«Сколько стоят Лациаты, равнины по обе стороны от них желают править горами, – говорил Арияс. – Но это против установлений Солнца, потому желание их бесплодно. Стоит жителям равнин посягнуть на Хребет Мира, и о маленькие каманы ломают они свои зубы, точно вместо живой черешни укусили выточенную из камня». Так было столетиями; но когти империи вновь потянулись к горам, и были то не сабли и арбалеты, а танки и тяжелые стволы, залп из которых любую укрепленную долину превращал в чашу пепла. Нельзя стало жить по-прежнему, нужно было добыть оружие и объединиться. Наргияс нашел, где взять оружие. Если бы империя перехлестнула горы, Аллендору пришлось бы туго, и король равнин согласился бы на сделку: стойкость и отвага горцев в обмен на творения аллендорских магов.

Но отважные и стойкие были слишком горды, чтобы объединяться.

Чаары смеялись в лицо таянцам – и Чаарикама больше нет. Год назад каманар Кэту признал старшинство таянского каманара – и нет больше Нижнего Таяна, потому что в решающий момент Арияс со своими воинами оказался в Кэту...

Оттуда ему одна дорога – в неприступный, как небо, Верхний Таян.

«Мне надо идти в Верхний Таян», – подумала Неле.

Но сначала надо было встать на ноги.

Юцинеле, преодолевая головокружение и боль, поднялась – и упала без чувств.

Когда она снова пришла в себя, солнце клонилось к вечеру. Было до странности тихо: никто уже не кричал и не бился, и уаррские машины не ревели вдали. Как будто все за стенами исчезло. Цикады застрекотали снова – тихо, словно бы с робостью.

Неле лежала, перекатывая голову из стороны в сторону, и беззвучно скулила от муки. Теперь у нее болело все. Что за нечестное дело! Когда она думала, что надо умирать, тело отчаянно хотело жить, тело всеми силами сообщало ей, что хочет и может; стоило Неле решить, что она будет жить дальше, и тело взялось умирать...

Встать. Мимо войск Уарры и уцелевших чааров пробираться в Верхний Таян. Драться.

Да она не выйдет из этих развалин, вот и все...

Розовый солнечный свет лился снаружи. Ветер стих, становилось все прохладнее, но от холода боль только усиливалась. Неле никогда в жизни не было так больно, даже когда она неудачно прыгнула со скалы и сломала обе ноги разом. В глазах темнело, рой ос клубился внутри черепа, а в животе ворочался клубок отравленных игл, и как будто все кишки вытягивали наружу. Неле уже стонала в голос и не услышала шагов.

В проеме двери появилась темная фигура.

«Уаррец», – отстраненно подумала Неле. Ей было уже все равно.

Или почти все равно – потому что даже сквозь дикую боль и туман в глазах Юцинеле заметила, что вошедший уаррец что-то уж чересчур худ. Слишком подвижен и легок – словно не человек вовсе, а какое-то полунасекомое, проворное, с невидимыми крыльями за спиной.

Жуткая догадка на миг отогнала боль.

Неле покрылась ледяным потом.

Она замерла, разглядывая уаррца сквозь опущенные ресницы. Всплыла мысль притвориться мертвой, ведь рядом лежат трупы чааров, и... но это была глупая мысль – уаррца не обмануть такой жалкой уловкой. Да и дрожь Неле не могла сдержать. На уаррце не было маски. Смуглую до черноты кожу покрывали богатые, удивительно яркие для татуировок узоры, и в какой-то части сознания Неле, неизмеримо далекой и от этих стен, и от чааров, и от всего мира, родилась мысль, что они, должно быть, нарисованы; а если так, почему не стерлись в бою?.. Уаррец огляделся, спокойный и неторопливый. Его глаза закрывали пластинки из цветного стекла, и невозможно было не пытаться заглянуть под эти пластинки... «Он не солдат», – думала Неле. На плечах уаррца сверкали погоны, грудь его пересекала бархатная лента, празднично-алая, кровавая; вздрагивала золоченая бахрома, и золотом же горели вытканые на бархате буквы, знакомые буквы алфавита риески и знакомые же слова – «Честь и Доблесть»...

Говорил имперский офицер, впрочем, на своем языке. Он что-то сказал и подошел ближе. Кажется, спрашивал, жива ли она. Неле не шевелилась: это было очень больно, отняло бы слишком много сил, а пользы не принесло никакой. Не убежать ей от уаррца, а убить его и подавно не выйдет...

Офицер опустился на одно колено и наклонился к Неле.

Сердце ее остановилось от ужаса.

Знаки были нанесены на его лицо не татуировками и не краской. В замысловатый узор складывались тонкие проволоочки из яркого металла, вживленные в иссохшую темно-коричневую плоть. От уаррца исходил довольно сильный запах, но не гнилой, тошнотный, как можно было бы ждать, а травянисто-пряный – наверно, запах бальзамирующего состава...

Мертвый офицер повторил вопрос – мягко, почти заботливо. Неле открыла рот, но только икнула от страха. Собственной смерти она боялась меньше, чем этого.

Уаррец удрученно покачал головой и поднял Юцинеле на руки. Они ничего не могла сделать, звука издать не могла, даже о боли забыла – так сковал ее страх. Солнце нагрело мертвеца за день, и он был теплым, как живой. Он положил голову Неле себе на плечо, чтобы ей было удобней; на нем был мундир с высоким воротничком, поэтому лоб и щека Неле касались ткани, а не мертвой плоти, но руки у девушки были голые, и сухие пальцы уаррца там притрагивались к самой коже. Это было нестерпимо страшно.

Офицер вынес ее из хижины и остановился, вглядываясь в даль. Вечерний туман налился в долину, как в чашу, заволакивая поле боя тонкой дымкой... В долине стояли танки. Словно неповоротливые черные жуки с глянцевыми надкрыльями, стояли они, железные чудовища Уарры, на дорогах и на руинах. Кто-то ходил туда и сюда; Неле не могла различить, завоеватели то или пленные. Убитых тоже не было видно издалека. Вдруг их подняли? Юцинеле задохнулась. Вдруг маги империи пришли сюда с Эрдрейари? Они сделали погибшего Наргияса и других таянцев солдатами Уарры и теперь пошлют в бой...

Офицер повернул голову и что-то сказал. Неле даже не услышала его, умирая от страха и горя.

– Эй! – сказал уаррец. – А риеску ты понимаешь?

– А... – невольно пискнула Неле.

Внизу, по дороге – той, что два часа назад была перекрыта воинами Чаарикама, – мчался легкий колесный паровик с откидным верхом. Рядом с водителем стоял, держась за борт, высокий человек в бившемся на ветру черном плаще. Лицо его скрывала белая маска.

– Так-то лучше, – тем временем говорил мертвец на риеске. – Эй, кузничик! Звучит нелепо, но тебе правда нечего бояться. То бишь меня бояться. Но ты вся в крови, и она до сих пор идет. Нужен доктор...

Паровик остановился, и человек спрыгнул наземь. Его немедля обступили офицеры.

– Я отнесу тебя к докторам, – говорил мертвец. – Сейчас вашим раненым помогают, и тебе тоже помогут. Доктора вполне живые и нестрашные. Только не пытайся убежать. Я очень огорчусь.

Неле, столбенея от ужаса, перевела взгляд на уаррца.

– Я же вижу, что ты понимаешь, – весело сказал офицер. – Все будет в порядке.

Внизу, в долине, по улице между разрушенными домами легким стремительным шагом шел генерал Эрдрейари, и то, что было Нижним Таяном, под его ногами превращалось в самую отдаленную, нищую и разрушенную провинцию империи.

Юцинеле, дочь каманара Арияса, смотрела на это, лежа на руках у доблестного мертвеца.

– Каэтан – шамый могучий маг? – спросила она, не взглянув на погибающего от усталости и тоски аллендорца.

– Да, – пропыхтел позади Лонси; его серой кобылке окончательно надоело трусить по жаре, и маг неумело пихал ее пятками, пытаясь заставить идти быстрее. Неле опять оказалась впереди. До леса, на который Лонси указывал ей, оставались считанные минуты пути, если только не придется лишний раз возиться с бестолковым магом. Он так барахтается, что скоро надо будет поправлять ему седло.

– Тогда почему он не победил того, второго? Не бежал иж плена? Не победил Уарру?

Аллендорец тяжело вздохнул.

– Потому что не все так просто.

– Почему?

– Потому что он не вполне человек. Он проводник Изначального. Ему больше двадцати тысяч лет. Он определяет жизнь магии, а она – его жизнь...

– Почему он не победил Уарру?

«Она думает о своем и не слушает меня», – понял Лонси, но на сей раз не обиделся. Неудивительно, что об Уарре горянка не может говорить спокойно. Он и сам не мог.

Но о Маге Выси говорить не хотел.

Лонси панически боялся суперманипулятора, а в сравнении с Каэтаном Маджарт казался мелок, как сам Лонсирем в сравнении с Маджартом. Но чувства Лонси к полуполюгендарному Магу Выси, внешне похожие, имели иную природу. Бессмертный Каэтан был в его глазах не столько человеком, сколько длинной, в десять строк, формулой, начертанной мелом на огромной, как плац, доске в университетской аудитории, и перед этой-то формулой молодой маг испытывал смутный, безотчетный страх. Подобный страх испытываешь, читая об эпидемиях чумы или о последствиях ошибочного начертания схемы атомного распада; только здесь все было куда серьезней. Четвертая магия, имеющая дело со структурой вещества, способна стереть с лица земли город, но Пятой под силу уничтожить весь мир.

И ему, Лонси, салонной плесени, лишенной лицензии за бездарность, придется иметь дело с Пятой магией...

«Ничего не случится», – напомнил он себе.

– Почему? – повторила Юцинеле; голос ее был спокоен, но упрямство казалось сродни тому, с каким мухи колотятся о стекло.

– Он не мог, – ответил Лонси. – Повергнуть Царство Бездны способны только все силы Выси, объединившись.

– Ешли Воин прошнетша, они победят Уарру?

Лонси набрал в грудь воздуха – и промолчал.

– Лонши, – позвала Неле и требовательно повторила: – Лонши!

– Да, – хрипло ответил маг.

И, несмотря на жару, а также на то, что сказал чистую правду, покрылся холодным потом.

«С явлениями вроде Воина Выси лучше не шутить», – сказал господин Маджарт; Лонси повторил про себя его слова и внутренне содрогнулся. Государственный суперманипулятор верил в то, что говорил, а Лонси не верил. Со скромного его шестка происходящее как раз и выглядело чудовищной шуткой, поруганием, которое собирались учинить над Изначальными силами. Ему обещали, что ничего не случится, но Лонси все равно мучил страх. Он не привык, он не умел без почтения относиться к высшему.

Неле обдумывала что-то, щуя красивые глаза. Лицо у нее было неприятное взгляду – не лицо, а рыльце, маленькое и косенькое, и глаза красавицы на нем казались чужими, какими-то нарисованными. Лонси поглядел на нее и опустил голову.

Лес близился, и все болезненнее томилось сердце.

Вот они тут, одни, если не считать лошадей. До ближайшего хуторка день пути верхом, до железнодорожной станции – почти шесть часов... Одни, и перед ними спит Изначальная сила, которую лучше не будить, потому как лиха она, Изначальная, но и не будить нельзя: по той же причине.

Лонси чувствовал себя измученным, как никогда в жизни.

– И он победит Воина Беждны? – подумала Неле вслух.

– Да, – почти беззвучно подтвердил Лонси, но она расслышала.

– Генерала Эрдрейари? – переспросила неверяще. – Ведь это генерал Эрдрейари – Воин Беждны?

«Бес его знает», – сказал про себя Лонси. По истечении сотен лет, исследуя хроники и манускрипты, нетрудно определить, кто в то время являлся Воином Изначального. У историков почти нет сомнений. Но если история творится прямо сейчас, рядом? Изначальное не дает инструкций и не назначает на должности, оно сразу наотмашь лупит... знай отфыркивайся.

– Нет, – сквозь зубы проговорил Лонси, отчаянно надеясь, что сказанное ему не аукнется.

– А кто? – изумилась Неле. Кажется, вопрос и в самом деле ее занимал. Представить Воином Бездны кого-то, кроме Великого Мертвеца Уарры, горянка решительно не могла.

Лонси вздохнул, перебирая грязноватые пряди кобыльей гривы. Серая спустилась с кочки, и на миг мага одолел приступ головокружения: помстилось, что он сейчас вывалится из седла через голову лошади.

– Кто? – требовала горянка, привставая на стременах.

– Воином Выси может быть только человек, – с натугой сказал Лонси, слыша себя будто со стороны. – Но Бездна – иное дело... ее проводниками становятся порой даже не существа, а случайные сгустки магического поля...

– Кто? – упорно повторила Неле.

– Цай-Цей, – обреченно ответил маг. – Дракон Севера.

Неле окаменела лицом и замолчала; маг подумал, что она не могла не слышать о драконе, ужасе Северных Лациат. Любопытно, о чем она теперь размышляла...

Тропа шла вниз. Через пару минут путников ожидала прохлада. Лесная зелень, отягченная тенью, смотрела приветливо, и отрадно было бы въехать под шелестящие своды, если бы под ними не ждала усыпальница Воина.

Лонси вспоминал, как однажды встретился с уаррцами лицом к лицу; он случайно проходил мимо посольства восточной империи. Уаррцы были высокие, горделивого вида; в ушах у них покачивались тяжелые серьги, а лица покрывала жуткая роспись, состоящая из схем заклинаний. Лонси бросило в дрожь, он поторопился перейти на другую сторону улицы. К счастью, они на него даже не посмотрели.

«Как хорошо, что император желает мира», – подумал он тогда и сейчас тоже так подумал. Если бы только еще на его месте оказался кто-нибудь другой, было бы совсем хорошо... «Ничего не случится», – точно заклинание, повторил Лонси.

Какой бы смысл магия ни придавала времени, война с Уаррой Аллендору не нужна.

Ничего не случится.

...Неле натянула поводья. Чалая кобыла коротко, удивленно заржала и остановилась; следом, совершенно игнорируя желания и веления Лонси, остановилась серая.

– Что это? – полуудивленно спросила Неле, уставившись на север.

– Что? – растерянно переспросил Лонси, но она не ответила.

Миг спустя и сам маг различил в звоне и стрекоте цикад нарастающий, точно голос грозы, дальний гул.

Они были как тени, несущиеся по поднебесью, яростные темные гончие, они мчались за незримой добычей, рассекая солнечное сияние, и грохот все нарастал, и ветер пригибал травы. Лошади затревожились, задрожали, мотая головами, Лонси судорожно вцепился в луку седла, надеясь, что серая не понесет. Неле застыла, неотрывно глядя в небо, вытянула длинную шею.

Они близились, росли; сумрачное, жестких очертаний облако над горизонтом распадалось на составляющие, и уже можно было различить сухие стрижиные контуры крыльев.

– Это драконы? – спросила Неле. Голос ее едва слышался в немолкнувшем громе.

– Нет, – ответил Лонси. – Здесь драконы не водятся...

Уши закладывало.

– Это атомники, – успел договорить маг прежде, чем грохот вбил его слова в землю.

...и ржавеющими тисками сдавила сердце его жгучая, черная, клокочущая как сама Бездна зависть, люта́я зависть, язвящая душу; но такой пламенной и болезненной была зависть Лонси, что уже становилась она, как алмазом становится графит, чистой тоской по несбыточному, мечтой о недостижимом.

Гордость и грозная мощь королевства, торжество человеческого разума и воли.

Атомные самолеты Аллендора.

Только сложнейшие схемы Четвертой магии, имеющей дело со структурой вещества и невидимыми полями, способны поднять в воздух стальную птицу. Работа в тяжелой промышленности – вершина карьеры, признание несравненных достоинств и предельного для мага могущества. Целый год, всецело посвятив себя задаче, рискуя не только своей жизнью, но жизнями тысяч окружающих, великий мастер вычерчивает схему атомного распада, чтобы появился на свет движущий элемент самолета.

Мгновенная тень пронеслась по земле. Над самыми головами Лонси и Неле эскадрилья разделилась, крайние вычертили в небе два идеально ровных полукружия, центральные умчались вперед, а ведущий, ослепительно блеснув белым заугольем крыла, почти вертикально взмыл к солнцу.

– Видела? – воскликнул маг, когда атомники, завершив фигуру высшего пилотажа, унеслись обратно. Уже и шум стих, и даже лошади успокоились, а он все никак не мог прийти в себя. – Видела, Неле? Тот, что с белым крылом? Это ее высочество, сама принцесса Лириния!

– Она превратилась в летучую жележку? – поинтересовалась Неле, и Лонси с минуту не мог сообразить, действительно горянка так глупа или просто насмехается над ним.

– Дурочка, – выдохнул он наконец, почти испуганный. – Имей почтение! Если бы не ее высочество, вам бы... вас бы давно уже...

– Вещь Ройшт говорил, что принцешу унеш дракон. – Неле пожала плечами. – И теперь она как не человек. Я и подумала – не человек, это как? Может, она штала летучей жележкой. Мало ли.

Лонси обреченно прикрыл глаза и заключил, что попытки «просветить» Неле – занятие совершенно безнадежное. Какой-то здравый смысл у дикарки есть, но он уживается в ней с настолько фантастическими представлениями о мире... если она всерьез полагает, что человек может «превратиться в летучую жележку», о чем еще говорить. Минуту спустя маг неожиданно для себя задался вопросом: о чем бы беседовали суперманипулятор Маджарт и принцесса, будь они на их – в действительности на своем – месте? Нетрудно догадаться. Об аэродинамике, о новых схемах Четвертой магии и о тяжелой промышленности...

– Мы ехали сюда на паровике, Неле, – уже совершенно спокойно и почти ласково произнес он, – ты же видывала паровики? Атомник – почти то же самое. Только применяется здесь не Третья магия, а Четвертая, которая гораздо мощнее. Поэтому атомник летает по воздуху, а не ездит по рельсам. Через две недели в Ройсте будет парад по случаю шестидесятилетия его величества. Авиаторы устроят показательные выступления. А сейчас они упражняются.

– Ум-гму, – не раскрывая рта, Юцинеле уведомила о понимании.

Лонси поднял голову. В дальней синеве таяла тень благородной эскадрильи – или он просто воображал, что видит ее?

Ее.

Принцессу Лиринию Аллендорскую.

Госпожу Выси.

Раннее детство слилось в памяти Лонсирема Кеви в единственный день – длинный день у порога тоскливого вечера. На неделе родители обещали Лонси сводить его в парк, и выходного он ждал как праздника. Испросив отпуск, уехала домой, в деревню, его бонна; с начала лета приятелей, близнецов из дома напротив, родные сослали в усадьбу к тетке. С утра до вечера в одиночестве Лонси слонялся туда-сюда по коридорам, наполненным жутковатым мерцанием позолоченных книжных корешков.

Мать и отец работали в большой зале.

...Пройдет несколько лет, и выросший Лонсирем будет думать совсем иначе. Мрачные библиотечные комнаты станут сокровищницей, обладателю которой нет нужды в глупых друзьях, надоедливую старуху бонну сменяют молодые веселые репетиторы (всестороннее твор-

ческое развитие, подготовка в лицей с уклоном в профессию, викторины, художественная импровизация, основы практической магии), а равнодушие родителей ко всему, кроме работы, начнет казаться большой удачей. Но так стало не сразу, и полустершееся воспоминание пробуждало в Лонси давние детские чувства: горечь, отчаянную обиду, уверенность, что ничего не изменится.

Зала предназначалась для званных обедов и танцев, но сколько Лонси помнил себя, в ней ни разу не обедали и не танцевали. Утро выходного мать и отец еще могли провести в безделье, но потом их словно магнитом, чьей-то неумолимой волей начинало тянуть в большую залу, к двум кульманам, поставленным друг против друга. Сначала они просто проходили мимо, потом заглядывали в незаконченные чертежи – и вот уже сидят, разделенные парой досок, парой листов ватмана, и во взглядах четы Кевы такая тихая безмятежная нежность, что в пору решить – они смотрят сквозь доски. Мать кажется строже, лицо у нее сухое, быстрые ее длиннопалые, суставчатые подвижные кисти. Отец выглядит мягким и кротким, у него мягкая каштановая борода, движения тоже плавные и мягкие. Если подойти и сказать что-нибудь, подергать за брючину, он не услышит и не почувствует; если очень терпеливо настаивать, вытащит из кармана горсть монет и сунет в руку, не считая. Если пристать к матери, та погладит по голове и что-нибудь ласково скажет...

Оба они крупные маги, ведущие специалисты в своих отраслях. На их досках – схемы сложных заклятий, которые составляют несколько суток кряду. Авилен Кевы делает движущие элементы для частных паровиков. Он известен по всему королевству, его работа высоко ценится. Тевилия Кевы, урожденная Антор, – маг-хирург. Через день или два схема, медленно, как цветок, растущая из-под ее рейшины, исцелит кому-то врожденный порок сердца или вырастит новый кишечник.

Схемы эти часто снились мальчику – его сны были черно-белыми, сделанными из шершавой плотной бумаги и тончайших, изысканно бледных линий карандаша.

Лонси учился хорошо, даже отлично; гордиться им родители могли не так часто, как хотели, но в школьные времена стыдиться за сына им не приходилось ни разу. До сих пор жив в памяти сладкий ужас, тоже связанный с большой залой и родительскими чертежными досками, но уже времен поступления в университет. Трудно было предположить, что те месяцы запомнятся как лучшие в жизни... Сходя с ума от волнения, Лонси готовил экзаменационную работу. По глупости и из тщеславия он выбрал самый сложный проект из предложенных абитуриентам и к концу недельной подготовки понял, что реализация его займет не меньше двадцати часов. Достоинство представить комиссии схему после двадцатичасового непрерывного труда он не сможет, а значит...

Страх провалиться на экзамене был сильнее любого другого страха. Вечером Лонсирем подошел к матери и попросил разрешения поработать за ее доской.

Два дня по десять часов работы: прекраснейшая из прожитых радостей. Трепетная гордость в глазах матери, добрая печаль отца, обиженного тем, что сын потянулся не к его месту. Они ходили по дому тихо как мышки и старались – мастера из мастеров – даже скользом не заглядывать в схему, которую творил сын: ученый и равный.

Лонси поступил с лучшим результатом на курсе. Позже он понял, что родители, не умевшие любить ребенка, очень долго и терпеливо ждали, когда же можно станет уважать взрослого, а дождавшись, сделались счастливы.

Но магия недобра.

Сила мага не возрастает вместе с его искусством.

Лонси был лучшим до третьего года, когда закончилось большинство теоретических предметов и главенствующее положение заняла практика. Еще долго он втихомолку считал себя лучшим и первым, таковым уже не являясь: слишком страшно было признать настоящее положение вещей. Но без конца так продолжаться не могло; перелом случился в конце третьего

года, когда сдавался последний теоретический предмет, самый сложный – теория трансуровневого взаимодействия.

Вплоть до низших уровней Пятой все магии изучены от и до, создать принципиально новые схемы внутри одной магии практически невозможно. Большинству никогда и не потребуются заклинания сверх тех, что есть в справочниках, но высшее образование обязывает. Каждый маг должен знать и уметь – даже если не может.

Новые схемы создаются на стыке двух и более магий. Лонси был в выгодном положении: медицинская магия располагается в сплетении Второй и Третьей, и хотя мать никогда не стала бы ему помогать, Лонси вполне мог рассчитывать на ее консультации.

...Он стоял в коридоре, прислонившись к стене, и в сотый раз перечитывал конспект, ничего вокруг не видя и не слыша. Лонси умел сосредотачиваться, к тому же душа его была спокойна: по теортрансу он уверенно намеревался получить высший балл.

В конце коридора показался Оджер Мерау.

Оджер был омерзительно жирный и какой-то грязный. Лонси, сын медика, полагал, что у Мерау проблемы с обменом веществ: тот вел весьма активный образ жизни, обладал большой физической силой, но все равно выглядел дряблым. К тому же Оджер все время сильно потел. Ему определенно стоило бы обратиться к врачу.

Впрочем, Мерау ничто не волновало. День был летний, жаркий, и по коридору университета, демонстрируя глубочайшее презрение к древним стенам, Оджер шагал, распахнув мантию на груди. Рубашки под ней не было, круглый мягкий живот гнусно подрагивал над ремнем.

Мерау пропустил две трети семестра. Поговаривали, что в конце зимы он нанялся боевым магом в караван и пересек с купцами горы, направляясь в Уарру: там Мерау изучал заклинания, запрещенные в Аллендоре. Слухи Лонси волновали мало; он только знал, что к экзамену Мерау не готов. Оджер был необыкновенно наглым и мерзким типом, и провала его Лонси ждал с удовольствием.

Он усмехнулся, снова углубляясь в записи, и не заметил, что Оджер остановился перед ним.

– Чего, – тяжело отдуваясь, осведомился грубиян, – теортранс зубрим?

Лонси поднял полупрезрительный взгляд и мягко, сквозь зубы произнес:

– Что-то вроде.

От Мерау воняло.

– Кто принимает? Каллертау?

– Деливи.

– А, дедок? – пренебрежительно осклабился Оджер и внезапно хозяйским жестом взялся за край тетради. – Дай-ка сюда.

– Что?..

– Верну! – глумливо пообещал Мерау и выдернул конспект из рук Лонси. Оценив выражение лица жертвы, Оджер басисто расхохотался, тряся животом – прыгал глубокий пуп – немного ткнул Лонси пальцем в лоб и зашагал к дверям аудитории. Открыв рот, Кевин провожал его беспомощным взглядом. Мерау был на голову выше и весил вдвое больше. Кроме того, он, если слухи не врал, владел боевой магией...

Долго потом Лонси видел в кошмарах его омерзительный пуп.

Магистр Деливи, принимавший тот экзамен, был человек необычайной памяти: он помнил в лицо и по именам, кажется, всех студентов, что когда-либо его слушали. Спустя несколько лет Лонси, уже работавший в салоне, встретил его во время прогулки по королевскому парку. Добродушный магистр пригласил неудачливого, но отменно воспитанного студента присоединиться, и некоторое время Лонси безропотно развлекал старика, кивая в ответ на его сентенции.

Деливи увлекся собственными речами, а Лонси, томимый скукой, посматривал по сторонам и потому заметил, как по соседней дорожке одинаково быстрым шагом пролетели, не видя окружающих, государственный суперманипулятор Инкелер Маджарт и жирный хам Оджер Мерау... Увлечшись беседой, они до неприличия повышали голоса, и Лонси расслышал:

– Теперешний потолок высоты позволяет пересекать Лациаты только в двух местах, и это сопряжено с огромным риском, – говорил суперманипулятор, на лету сшибая тростью головки цветов. – Новая модель должна иметь возможность пересечь горы на любой широте.

– Одно дело, если атомник должен пересечь горы, сесть на полосу возле Кестис Неггела, а там получить дозаправку и, возможно, ремонт. И совсем другое, согласитесь, если он должен пересечь горы, сбросить бомбы и вернуться без посадки!..

– Господин Мерау, о чем вы?! – довольно фальшиво возмутился суперманипулятор.

– Бросьте шутовство, господин Маджарт, об этом знают все, и уаррцы в том числе... Что говорит принцесса?..

Они унеслись. Лонси понял, что стоит на месте как вкопанный, а магистр разглядывает его со снисходительной усмешкой.

– Как это возможно? – прошептал Лонси.

Деливи улыбнулся.

– Лонсирем, вы учились с этим молодым человеком на одном курсе? Гордитесь. Сейчас мы видели, полагаю, сразу двух государственных суперманипуляторов, настоящего и будущего.

Лонсирем стиснул зубы.

Мерау работал в тяжелой промышленности. Он делал то, что было не по силам даже отцу Лонси.

Он делал сердца для атомников.

– И что? – с присущим ей безмятежным упрямством напомнила Неле, как только они въехали в тень леса, и мага охватило отчаяние. Где-то здесь, совсем рядом, за тем деревом, за этим холмом... живот подвело от страха, кровь зашумела в ушах, навязчиво бормоча: «Ничего не случится».

– Что? – почти простонал Лонси. Горянка понимающе и пренебрежительно хмыкнула.

– В Уарре пробудилша Воин Беждны, – сказала она рассудительно, точно сама разъясняла ситуацию несмышленому Лонси. – Он может напасть. Поэтому надо будить Воина Выши. Он защитит. Так?

– Так, – слабо подтвердил Лонси, ища взглядом усыпальницу. Он хорошо знал, что от опушки ее никак не может быть видно, но ни о чем другом думать не мог.

– Тогда почему пошлала наш? – Юцинеле сощурилась. – Лонши, ты слышишь?

– Слышу...

– Хм, – скептически сказала Неле и повысила голос: – Лонши! Ты слабая маг. Ты не обижайша, ты шам так шкажал. А я вообще не аллендорка. Я жаложница.

– Ты не жало... не заложница, Неле, ты гостя.

– Чего врешь? – усмехнулась горянка, показав дыру под верхней губой. – Теней боиша? Их тут нету, они в леш не пошли. Я думаю, они боятша. И ты боиша. Только я думаю, што ты не того боиша.

– Что? – очень тихо повторил Лонсирем, и кобыла под ним остановилась.

Солнце сквозило в листве, зелень золотисто светилась, тихо пощелкивали птицы. Пахло близкой водой. Между стволов тут и там подымались груды камней, природной формы или грубо обтесанных. Дальше за деревьями, утонувшие в кустарнике и лианах, высились одиночные огромные валуны, порой первозданно-округлые, но чаще расколотые. В пору решить, что их оставили здесь те же люди, которые врыли неподалеку свадебный камень, но это было не так.

Где-то среди камней, под одной из груд или под тяжелой скалой, молчала замкнувшаяся много веков назад усыпальница.

– Шмотри-ка, – почти весело сказала Неле. – Пошилают шамых ненужных людей, ничего им не говорят. Жа ними пошилают теней. Но до конца даже тени идти боятша. Я думаю, это потому, што Воин Выши такой же жлой, как Воин Бежны. Прошнетша и убьет, кто под руку подвернетша.

Лонси понимал ее с трудом: хотя Неле хорошо скрывала волнение, акцент в ее речи усилился, и шепелявила она просто ужасно. Тем не менее по мере того как девочка излагала свои догадки, на душе у Лонси становилось все легче. В конце концов он даже улыбнулся. Юцинеле навоображала себе каких-то теней, а вместе с ними и остальное. Все было иначе и куда сложнее, а горянка, хитрая как куница, все же привыкла к диким нравам своего народа, мыслила соответственно им и ошибалась почти забавно.

Царственная дева, проделавшая путь в сопровождении искушенного наставника... Снова припомнив карту, маг поозирался и предложил:

– Неле, давай лошадей оставим и... отдохнем чуть-чуть. Теперь совсем близко.

Та, даже не кивнув, слетела с чалой и ловко спутала ее. Вскинула лицо:

– Помочь?

Но слезть маг сумел сам, и горянка только помогла ему спутать серую кобылу. Потом, не глядя, плюхнулась на трухлявую корягу и осведомилась:

– Что шкажешь?

– Ты ничего не понимаешь, Неле, – устало ответил Лонси.

– А ты понимаешь?

– Понимаю.

– Объашни, – потребовала Юцинеле, вытянула длинные ноги и начала объедать чернику вокруг себя.

Лонси вздохнул.

– Во-первых, – сказал он, – ты вовсе не ненужный человек. Ты, твоя мать и сестры – гости принцессы Лиринии. Твой отец, он... господин гор, союзник Аллендора и сражается с Уаррой. Он... как король.

– Каманар.

– И ты, – согласился Лонси, – дочь каманара. Почти принцесса. А я маг. Правда, лицензию мне не продлили, но диплом не отняли.

Неле нахмурилась, но переспрашивать не стала. Откровенно говоря, на это маг и рассчитывал. Девчонку слишком интересовал сейчас Воин Выси, чтобы разбираться в хитросплетениях статусов и иерархий.

Квалификацию действующего мага нужно подтверждать каждый год, даже если ты работаешь в салоне для скучающих дам и не то что Четвертую, примитивнейшие схемы Третьей используешь редко. Председателем комиссии раньше был старинный друг отца, который закрывал глаза на кое-какие недосказанности в работах господина Кеви-младшего, но в этом году магистр Арави ушел на покой, и сменил его злобный сухоручка Каллертау, ночной кошмар Лонси еще с университета. Лонси опозорился на реэкзаменовке и лишился лицензии. Его место в салоне пока придерживали, потому что деликатный и робкий Кевин производил благоприятное впечатление на клиенток. Но стоял вопрос об аннуляции диплома...

И в это время отчаявшийся, измученный горем и презрением родителей, потерянный как щенок Лонси получил приглашение к суперманипулятору.

Он снова вздохнул. Неле ждала.

– Мы оба ненастоящие, – объяснил наконец маг. Выговорить оказалось легче, чем он думал.

– И что? – уже без насмешек спросила Неле, приоткрыв черные от ягодного сока губы. – Почему так?

Лонси мучительно наморщил лоб и сказал:

– Потому что на самом деле Воин не должен проснуться.

Каменистый холм высился, облитый седым мхом, точно потеками выцветшей зеленоватой крови. Восточный край его ушел под землю, порос высокой травой и кустарником, за ним начинались плотные, как стена, заросли южной ели. С запада холм оставался почти нагим, белея каменными сколами.

Манускрипты говорили, что пробудить одного проводника Изначального может только другой проводник. Безразлично, к какой стороне мира он принадлежит. В одни забытые эпохи Воин Выси просыпался по велению Мага Выси, в иные – от того, что чувствовал приближение сил Бездны; то были черные времена...

Но сейчас он должен остаться спать.

Рядом стояла Неле, широко расставив ноги в зеленых штанах. На заду штанов остался след от трухи. Ненастоящая принцесса, поддельная Госпожа Выси... «О чем она думает сейчас?» – непонятно кого спросил Лонси; разузнавать он не собирался. Неожиданно для мага Неле не стала спрашивать, почему Ройст отправил к усыпальнице фальшивку: замолчала и до сих пор не открыла рта. «А ведь для нее Уарра – совсем не то, что для нас», – подумал маг. Горное княжество, откуда была родом Неле, брали части имперских войск. Она видела уаррцев живьем... и даже – не живьем. Еще по дороге, в паровике, Лонси осторожно расспросил ее. «Там правда полно некромантов», – сказала горянка и отвернулась. Лонси не мог и вообразить, как Мерау решил отправиться в Уарру и как умудрился вернуться оттуда живым. Тошно томить под ложечкой начинало от одной мысли.

Но Аллендор отделяли от империи высочайшие горы, мощь государственных магов и лучшая в мире военная авиация. Владыка Уарры желал мира с королевством.

Мира, который мог нарушиться помимо человеческой воли.

Философы полагают, что магия придает смысл времени... С каждой «весной» она избирает две величайшие державы мира и сталкивает их в страшной войне, после которой не остается ничего прежнего. Новая трава растет на почве, удобренной пеплом. Ни разу еще у людей не находилось сил избежать подобного «осмысления», но и мировым войнам, испепелявшим землю раз в пять или шесть веков, оказалось не под силу остановить прогресс. Зафиксировав начало активной фазы, Служба Исследований при Ассамблее изучила все имевшиеся данные и пришла к выводу, что законы магии можно обмануть. Лонси не хотелось думать, что среди специалистов Ассамблеи находился и Оджер Мерау.

Ложное обращение к Воину должно было вызвать ошибку в надмирных схемах, переключить их – и обезопасить населенные земли.

...Ах, что за искушение: побродить вокруг места упокоения Воина, поговорить на возвышенные темы и удалиться, признав себя несмышленими, недостойными, неумелыми, так и не открыв запечатанный высшим велением вход. «С явлениями вроде Воина Выси лучше не шутить», – снова сказал про себя Лонси и почувствовал, что мерзнет. Поисковики, наметившие для них маршрут и проложившие тропу, зарисовали холм, указав расположение входов...

– Ну и как туда влезть? – проворчала горянка. – Камень шпλοшной.

Лонси поглядел на лошадей. Лошади паслись в свое удовольствие.

– Понимаешь, Неле... – неловко проговорил он, – здесь магический замок. А в... манускрипте нет никаких схем. Мне даже оригинал показали. В библиотеке министерства. Понимаешь, есть только текст заклинания, но при нем нет схемы, а если нет схемы, ты хоть удавись...

Он врал Неле и сам себе – отчаянно стыдясь, но врал. Просто от страха. Насколько Лонси помнил университетский курс и мог соотнести синтагмы заклания с общими закономерностями

стями Пяти магий, в схеме замка задействовалась вовсе не Пятая, а Третья. То есть при благоприятном стечении обстоятельств он, вероятно, сумел бы распечатать усыпальницу и сам, но...

– Ну скажи швой текшт.

– К-куда? – оторопело пробормотал маг. – Как?

– Штань и скажи, как у тебя напишано, – раздраженно отозвалась Неле. – Перед дверью штань и скажи.

2

В открытое окно задувал ветер. Едва рассвело; облака таяли в бледном небе, края их горели золотом. Колыхался шелк занавесей, мерцали звезды и башенки на лиловом потолке балдахина. Тенькнул колокольчик. Бронзовые птицы настенных часов подняли крылья, оборотили самоцветные глаза: по летнему времени настал час песен. Было достаточно рано, чтобы никуда не спешить.

Не люблю, когда меня торопят, потому что не люблю, когда меня боятся. Я не срывался на слуг с тех пор, как был школьником, но, по словам близких, злой я – зрелище не для впечатлительных натур.

В выстуженной комнате под тяжелым одеялом сладко спалось даже и в одиночестве... Ежась, я встал, потянулся, хрустя позвонками, и подошел к окну; веселый холод бежал по телу, разгоняя остатки сна. Где-то на рассветном востоке в пустынной синей дали мчался от Улена рейсовый атомник, неся ко мне мою Эррет. К несчастью, мы не сверили рабочие календари. Через несколько часов я покидал столицу и отбытие отложить не мог. Мы разминемся, но когда я вернусь, Эррет встретит меня.

Я глянул на пустую постель и улыбнулся.

Из окна спальни открывался вид на набережную Яневы, за рекой раскидывался зеленый бульвар с чередой высоких фонтанов, а дальше поднимались башни, увенчанные серебряными шатрами. Металл пламенел под солнцем, город устремлялся все выше, и над башнями, над быющими на ветру знаменами, словно узкие свечи, вонзались в небо светлые шпили... Столица, Тысячешатенный город, в часы раннего утра походила на символ самой себя.

Было свежо, ветер приносил запах мокрой листвы. Сад под окнами пустовал. Люблю работать в саду – среди цветов и фонтанов люди перестают вытягиваться, точно проглотили заряженную ручницу, и можно разговаривать, не тревожась за душевное здоровье собеседника. Не то дело инспекции: муторней занятия не придумаешь. Толково проинспектировать учреждение может только тот, кто разбирается в тонкостях его работы, а я чувствую себя пугалом, которое показывают подчиненным, чтобы те поаккуратнее брали взятки. Не особенно лестно и к тому же слишком остро напоминает мне об отце. Это он, мой батюшка, возродил обычай высочайших инспекций. Он до чрезвычайности любил порядок и фрунт. Перед моим прибытием тоже повсюду наводят трепетный глянец, но отец-то смотрел насквозь, а я подчас могу только грозно сдвинуть брови. Куда ни глянь – сравнение не в мою пользу...

По реке плыла баржа чистильщиков. Янева много чище, чем Неи: в горожанах до сих пор живут старинные суеверия, бросать мусор в реку-деву считается дурной приметой. Но город стал слишком велик, и купаться в Яневе все равно можно теперь только выше по течению.

Я постоял, любуясь слаженным трудом рабочих, проделал пару гимнастических упражнений и пошел бриться.

После завтрака я собирался минут двадцать потратить на отцовскую корреспонденцию, а потом засесть в кабинете и разобрать ходатайства от низших сословий. Памятуя, что до отъезда на полигон у меня всего два или три часа, не было смысла приниматься за что-то серьезное. Письма землепашцев и мещан случаются забавны, помочь им с их бедами чаще всего несложно, и занятие это сходит за отдых.

Однако планам моим не суждено было осуществиться.

В личной приемной меня ждал гость.

«Ранняя пташка», – подумал я. На столе дымился мой завтрак, а у окна, в глубоком кресле, восседал безмятежный Онго. На коленях у гостя покоился большой блокнот, самопишущее перо покачивалось в замершей над строчкой руке, а на маске непостижимым образом

выражалось глубокое и вдохновенное сосредоточение. Я улыбнулся: все это было не ново и неудивительно.

Удивительно, что Онго в такой час оказался здесь.

Не так много в мире людей и нелюдей, которых допустят в мою личную приемную, пока я сплю. Безусловно, Онго – из их числа. Только дел у него не меньше, чем у меня, а то и побольше, и являться за тем, чтобы засвидетельствовать почтение и пожелать доброго утра, он не станет. Но случись что-то серьезное, Онго вряд ли стал бы коротать время, сочиняя стихи. Кто-кто, а он не побоялся бы меня разбудить.

Размышления и догадки мои едва не превратились в невежливую заминку, и я поспешил сказать: «Доброе утро!»

– Доброе утро, Мори, – с готовностью отозвался Онго, откладывая блокнот. – Как спалось?

– Спасибо, превосходно, – сказал я и уселся, нашаривая ложку. – Чем обязан столь раннему визиту?

Как бы то ни было, времени у меня немного, а если у Онго срочное дело, счет может пойти на минуты; лишать себя завтрака неразумно. У Онго достаточно опыта и юмора, чтобы не оскорбляться по таким пустякам.

Готов поручиться, что под маской мой гость усмехнулся... Потом он глянул в окно. Широкий черный плащ был застегнут наглухо, из-под надвинутого капюшона виднелась только маска, белая, с миниатюрными каллиграфически выведенными знаками, но перчатки он снял – неудобно писать в перчатках. Он размышлял. Я знал, что Онго склонен начинать разговор издали, он знал, что я это знаю, и потому не изменял себе. Это обнадеживало: перспектива решать что-то в предотъездной спешке меня не радовала.

– Приятного аппетита, Мори, – сказал Онго. – Сожалею, что не могу присоединиться.

– У-хм... – Я чуть не подавился.

Онго очень изысканно сожалеет: он любит посмущать людей.

Бесы бы побрали его наблюдательность. Еще в те времена, когда я пешком под стол ходил, матушка приучила поваров кормить меня исключительно полезной пищей, и они по сию пору блюдут мое здоровье, потчуют, аки гусака, пшеном и травой. Бр-р!

Итак, Онго размышлял, глядя вдаль, а я ел. Если Онго желает сделать паузу, лучше ему не мешать; потому что, когда он пожелает высказаться, помешать ему не сможет никто.

Наконец Онго провел кончиками пальцев по бумагам, стоявшим в ящике на столе.

– Разбираешь документы, Мори?

– Да. Несрочную корреспонденцию отца. Что-то секретное... что-то личное.

– Это – несрочное? – В голосе Онго звучала улыбка, когда он движением фокусника извлек из плотной кипы бумаг единственный желтоватый конверт.

Я улыбнулся.

– Это здесь по другой причине.

– Мой первый хоранский отчет, – задумчиво сказал Онго. – Не лучшим образом составленный документ. В ту пору я был несколько... расстроен нервически, если можно так выразиться.

«...я обнаружил хозяйственные злоупотребления в количестве, едва ли превышающем обычное, – писал он. – Солдаты сражаются так же доблестно, как в прежние времена. План князя Мереи я нахожу ученическим, лишенным как серьезных ошибок, так и блеска. Однако командирский состав совершенно не приспособлен к нахождению вне штаба. Это особенно прискорбно ввиду наличия среди штабных офицеров магов, занимающихся температурным комфортом».

– Я питаю особенные чувства к этому документу, – сдерживая улыбку, сказал я. – Ответ на него батюшка отправил в Хоран с неким молодым офицером, которого рекомендовал...

– ...мне в адъютанты. – Онго кивнул, возвращая конверт на место, и заметил: – Пожалуй, будет лучше, если это останется в твоём личном архиве. О содержании я не тревожусь, ни слова лжи здесь нет, но меня не устраивают форма и интонация.

Я почтительно согласился.

Перед тем, как отправить меня, желторотого выпускника Академии, на охваченный войной юг, отец дал мне прочесть этот отчет. Генерал Мереи, первый командующий Южной операцией, завяз в Хоране на три года. Он рапортовал, что природные условия необычайно тяжелы, продвижение невозможно, хоранский тейх располагает огромным войском, которое набрано из кочевников, привычных к войнам в жаркой степи и полупустыне; наиболее разумно прекратить попытки наступления и укрепить теперешнюю границу, оставив мысль идти до Хоранета, столицы Юного Юга.

Онго написал свое первое письмо через три дня после того, как прибыл в ставку Мереи.

Через одиннадцать месяцев Хораннет пал.

Но еще задолго до этого, подняв глаза от отчетливых резких строк – даже в почерке Онго чудилось эхо одолевающей его ярости, – я встретил понимающий взгляд отца: оба мы были потрясены и испытывали восторг, близкий к опасности. С трудом верилось, что такое возможно. Едва придя в себя в чуждом мире, не успев изучить новейшие вооружения, в незнакомой местности, в разгар операции, длящейся уже три года, Эрдрейари за несколько дней выявил ошибки командования и составил рекомендации к их исправлению.

Позже я спросил у него об этом.

«Но люди-то всегда одинаковы», – добродушно отвечал генерал.

...Онго подошел к расписному деревянному глобусу, тронул тяжелый шар. Поднял взгляд на книжные полки за чистым стеклом – и озадаченно склонил голову. «Позволь, Мори», – проговорил он; не дожидаясь моего ответа, отворил дверцу и вытащил одну из книг.

– Это – издали? – раздельно спросил он, и голос его был полон неподдельного ужаса.

– Онго...

В руках генерала оказалось мое любимое издание «Слова о Востоке», карманное, в отличном прочном переплете и с прелестными миниатюрами.

– Не то чтобы это был личный дневник, – весьма сухо сказал Онго, листая страницы с таким видом, будто касался чего-то гадкого. – Но, во-первых, он ни в коем случае не является цельным произведением, а во-вторых, я не успел подготовить его к печати.

Я так оробел, будто сам подписал путевые заметки Эрдрейари в печать, хотя впервые это было сделано задолго до моего рождения. Я находил книгу очаровательной как раз за отсутствие столь ценимой Онго безупречной формы; в ней все было вперемежку – стихи, записи народных сказок, мысли о государственной доктрине и военном деле, картины быта и нравов, снова стихи...

Онго брезгливым движением поставил книгу на полку. Поцелкал пальцами. Стук, стук. Он не имел привычки вздыхать.

– У меня было дурное предчувствие, – пробормотал он.

Я опустил чашку на блюдо. Эрдрейари мастер беседы, но времени остается все меньше...

– Онго, – сказал я. – Прости, что меняю тему, но чем я обязан твоему сегодняшнему визиту?

Тот помолчал. Уточнил:

– Если я не ошибаюсь, сегодня в Данакесту возвращается Эррет?

– Да. Честно говоря, я ждал ее не раньше чем через месяц, но она быстро управляется с делами. Надеюсь, она сможет рассчитывать на твою помощь, Онго. Ты сам когда-то сказал, что Восточные острова не прощают пренебрежения, а из-за переговоров с аллендорцами я непозволительно затянул с поездкой. Пришлось заказать верховному магу пространственный разрез. Атомник может подождать на авиаполе, но схема ждать не будет...

Онго поглядел на меня.

– Мори, – сказал генерал, – я знаю, что ты торопишься, и потому прошу прощения за то, что сразу перехожу к делу.

Я удивленно поднял бровь.

Впрочем, должно быть, для Эрдрейари эти светские разговоры действительно называются «сразу». Я забываю, что он родом из другой эпохи. Какое-то время после пробуждения в его речи еще проскальзывали старинные конструкции, а его представления о нравах и общественном устройстве не соответствовали действительности, но уже через пару месяцев он стал казаться совершенно современным человеком.

Есть иллюзия, что со временем нравы смягчаются и мы цивилизованнее наших прадедов. Но стоило взглянуть, как Эрдрейари обращается с пленными, мирными жителями, собственными солдатами, сравнить его с живыми генералами... Благородство – категория вневременная.

Эрдрейари медленно мерил шагами комнату. Качался тяжелый плащ, утреннее солнце золотило маску. Яркий луч сверкал на лаке глобуса, как раз там, где находилась столица и примыкающие к ней земли.

– Мори, – наконец произнес Онго, остановившись возле глобуса и разглядывая северные материки, – я понимаю, как нелепы разговоры о предчувствиях, и все же... Не могу сказать, чтобы мне приятно было сознавать это, но своим теперешним существованием я обязан Лаанге.

– Мы все многим обязаны Лаанге, – сказал я. – Но не упомяну человека, которому было бы приятно это сознавать.

Онго склонил голову, скрестив руки на груди.

– Пойми меня правильно: я более чем благодарен ему. Я рад, что получил возможность узнать вас всех и исполнить клятву.

И тогда – возможно, с опозданием – я почувствовал беспокойство. Онго держался слишком серьезно, слишком долго он подводил разговор к тому, что я должен был услышать. Он, конечно, был литератор, но и военачальник; он мог выражаться вычурно, но хождений вокруг да около не уважал в обеих своих ипостасях.

Я выпрямился в кресле и сплел пальцы.

«Кажется, меня ждет дурная новость, – подумалось мне, – настолько дурная, что даже не требует спешки». Впрочем, за последние полгода дурных новостей я услышал больше, чем за всю предыдущую жизнь, и потому ждал спокойно.

– Онго.

Тот медлил. Маска оставалась непроницаемой, но я смотрел на сложенные кисти его рук и чувствовал, как нарастает тревога.

– Видишь ли, Мори, – наконец очень мягко проговорил он, – фактически... теперешний я создан Лаангой. И потому между ним и мной существует определенная связь. Он видит меня насквозь, но и я вижу кое-что.

– Что случилось?

Онго глянул на меня.

– Не стоит так беспокоиться, – сказал он. – Еще ничего не произошло. Но ввиду последних событий, памятуя о несчастье, случившемся во время Весенних торжеств, я счел, что нужно принимать во внимание даже предчувствия. Особенно если их источником является Лаанга.

– Отлично, – сказал я, рассматривая стол. – Отлично. Я еду с инспекцией на Восточные острова. Нас там не любят. Эррет сейчас в воздухе. В Рескидде и Аллендоре творится бес знает что. Арияса не могут найти. И тут приходит генерал Эрдрейари и говорит, что у него предчувствия. То есть у Лаанги. Что еще?

Онго добродушно засмеялся.

– Не стоит так беспокоиться, Мори, – повторил он. – И я пришел не с предчувствиями, а с конкретным предложением, которое, полагаю, тебя обрадует.

– Вот как?

Эрдрейари развел руками. Потом сел напротив меня и облокотился о стол.

– Оставь Восточный архипелаг мне, – предложил он.

Я изумленно на него воззрился.

– Полагаю, господа, жаждущие независимости островов, обрадуются мне ничуть не меньше, – посмеиваясь, сказал Онго. – Труды верховного мага не пропадут даром. Извини за прямоту, но я лучше твоего разберусь в работе штабов и администраций, да и по части внушить здоровый ужас...

С этим не поспоришь: здоровый ужас у генерала Эрдрейари получается куда внушительней. Я улыбнулся.

– Не вижу, почему бы мне не согласиться, – сказал я. – Но как ты объяснишь мое отсутствие?

– Разве в Данакесте мало дел?

– Немало.

– К тому же, – Онго подался вперед, и выражение его маски снова необъяснимым образом изменилось: теперь передо мною сидел не генерал, а поэт, – госпожа Эррет в пути. Встречай Эррет, Мори. – Онго улыбался под маской. – Если позволишь мне советовать – это сейчас самое важное из государственных дел.

– Спасибо, – сказал я, сощуриваясь. – Приятно, когда тебе доверяют важные государственные дела.

– По-твоему, княгиня Улентари не государственное лицо?

Эррет государственное лицо вовсе не потому, что несколько недель назад сочеталась браком с князем Сандо, молодым владельцем Уленакесты. Онго иронизировал. Я промолчал, ожидая продолжения.

– Мне кажется, ей есть что тебе сообщить, – сказал Онго. – Мори, работать ты будешь всю жизнь и, полагаю, некоторое время после, а молодость бывает один раз. Поверь поднятому старику.

Я выгнул бровь. Приятно, когда эта гримаса не заставляет собеседника бледнеть и отшатываться... Онго снова пощелкал пальцами.

– Я располагаю твоим согласием?

Я помедлил.

Занятное чувство: будь на месте Онго кто-то другой, мне следовало бы разгневаться и поставить наглеца на место. Эрдрейари все решил за меня. Он ограждал меня от опасностей, словно ребенка. Впрочем, для него я и есть ребенок, глупо не признавать этого, тем паче – стыдиться... Для легендарного полководца ребенком был даже мой отец. У Онго несравнимо больше опыта; его и призвали для того, чтобы он принимал решения.

– Да, – сказал я и добавил с официальным видом. – Генерал, поручаю вам ознакомиться с положением дел на востоке. Документы?

Из складок плаща Эрдрейари вынырнула уже оформленная бумага. Я не удержался от понимающей усмешки: Онго предвидел, что я соглашусь. Впрочем, я это и сам предвидел, а посему оскорбляться было совершенно не на что.

Эрдрейари свернул подписанные бумаги в свиток; любопытно, как давно люди перестали это делать... Все же от иных привычек генерала до сих пор веет седой стариной. Думаю, он нарочно не избавляется от них: старомодность добавляет ему обаяния, а Онго отменный знаток светской жизни.

Я прошел к окну и выглянул наружу, ища глазами часовых.

Если на полигон, где верховный маг дописывает разрыв пространства, отправится вместо меня Эрдрейари, сегодняшний день наполовину свободен. Разберусь с ходатайствами, отвечу на письма... Но мне не хотелось приниматься за это немедленно: нечаянно избавившись от одного груза, можно немного отдышаться, прежде чем искать новый. Необходимость отправляться на острова тяготила меня; в Сердцевинной Уарре многие увлекаются изучением культуры наших восточных колоний, публичные лекции в Институте Востоковедения всякий раз становятся событием – а я к тайнам архипелага равнодушен. Матушке нравилось рассуждать о том, что я, родись я в другой семье, мог бы стать историком. Она была права, но занимался бы я тогда Уаррским Севером, культурой прекрасной, мрачной и мужественной, а не изнеженным утонченно-коварным Востоком.

Улентари – тоже Восток, пусть куда ближе, чем Тиккайнай и Хетендерана. Но дух Востока там уже силен. Полагаю, Эррет так быстро покинула Улен не только потому, что всегда управляется с делами споро. «Встретить Эррет? – подумал я. – Хорошая мысль. Если я пойду пешком, то попаду на авиаполе как раз к ее прибытию. Как давно я последний раз просто гулял по улицам...»

Исчерканная страница блокнота, брошенного на подоконник, поманила неожиданно разборчивыми буквами. Перо лежало поперек строк. Под блокнотом был дайджест утренней прессы, угловатые газетные заголовки виделись мне простыми узорами на дешевой бумаге: я разучился читать газеты с тех пор, как это стало обязанностью. Но каллиграфический почерк Эрдрейари приказывал разобрать написанное, и, почти стыдясь своей неучтивости, я пробежал глазами по строкам.

Жёстко сплетенье упрямых линий
Башен, прорезавших окоём.
Встала серебряная твердыня
В блеске и славе своих знамён.
Свищет в бойницах упругий ветер,
Воды речные тревожит рябь,
И океанским приливом света
Город захлестывает заря...

– Оставь, Мори, – проворчал генерал за моим плечом. – Это почеркушки от безделья. Что вижу, то пишу.

Я оглянулся в смущении; ритм стиха меня увлек, а образы пришлись по душе. Впрочем, непритязательный вкус нередко становился причиной моих конфузов.

Помнится, Онго очень сердился, когда обнаружил, что иные бойкие историки генерала Эрдрейари и поэта Эрдрейари полагают разными людьми. Дескать, великому полководцу приписали творения какого-то младшего офицера, безымянного от скромности и времени. На предмет личности этого скромника даже проводились изыскания. Успокоившись немного, Онго нашел ситуацию комичной и, не в силах отсмеяться, сказал, что теперь он вдвойне высокого мнения о себе. «Представь, Мори, – сказал он. – Тебя поднимают, и ты находишь, что курсанты в Академии изучают планы твоих кампаний, а дамы в салонах – томики твоих стихов. Согласись, это лестно».

Однако он желал окончательно посрамить сомневающих – а для этого нужно было написать что-нибудь новое. Но после пробуждения из-под его пера еще не вышло ничего, что сам он счел бы удачным. Эрдрейари опасался, что его дар не вернется. При мне он только раз обмолвился об этом, но в самом деле весьма тревожился.

...Онго выхватил блокнот из-под моей руки, изящным движением вырвал лист, скомкал и бросил в корзину для мусора. Я несколько растерялся.

– Оставь, – повторил генерал, усмехаясь. – Ты хочешь ехать на авиаполе, Мори?

– Я думал о том, чтобы отправиться через город пешком, – признался я. – Но, боюсь, из этой затеи ничего не выйдет.

– Почему? – деликатно спросил Онго; он хорошо знал ответ.

– Меня не выпустят без охраны, – вздохнул я. – За мной потащится целая рота. Ездить под конвоем еще сносно, а вот гулять уже неприятно.

И я покосился на Онго с удивлением: генерал рассмеялся.

– Этой беде можно помочь, – сказал он и отеческим жестом положил руку мне на плечо. – Если пожелаешь, конечно.

– Каким образом?

Онго хмыкнул, помедлил немного и стал расстегивать плащ.

Я встрепенулся.

Вообще-то подобный способ отвязаться от сопровождения в юные годы использовался мною не раз: довольно сложно бегать на свидания, если о твоей безопасности печется столько людей, которым больше нечем заняться. Но генерал!..

– Со времен моей молодости ничего не изменилось, – сказал Эрдрейари, все еще смеясь. – Не думаешь же ты, Мори, что тебе первому пришла в голову эта идея? Я и сам неоднократно использовал подобную тактическую уловку, только с другой стороны... ах, воспоминания.

Я улыбнулся. В свое время Эрдрейари был красавец и сердцеед.

– Лаанга еще не закончил свою работу, – с неудовольствием добавил Онго, щелкая пальцами, – я, откровенно говоря, весьма утомился ждать. Очень хочется выкурить трубочку и что-нибудь пожевать. Надеюсь, тебя не шокирует вид человека в костяной форме.

– Меня даже Лаанга не шокирует. Со своим некромантским чувством юмора.

– Вот и хорошо, – резюмировал Онго, накидывая свой плащ мне на плечи и оценивая вид критическим взглядом. – Иди, Мори. Встречай Эррет. Мы одного роста, в здании различие в пластике движений не так заметно, а на улице...

– На улице меня раскусят, – согласился я, чувствуя, как внутри разгорается азарт. – Живой, надевший плащ поднятого... что обо мне подумают?

– Что ты либо убийца, либо влюбленный, – ответил Онго, подавая мне маску. – Так было и так будет...

И вдруг застыл. Я, не уследив, неловко дернул маску из его рук.

– Мори, подожди.

– Что?

– Мои знаки начертаны на маске, – сказал Эрдрейари. – Но у тебя-то есть живая плоть. И перед тем, как выйти из дома, стоит написать хотя бы «исток».

Я невольно поднял руку к скуле.

Я действительно забыл нанести знаки.

И тут меня самого посетило дурное предчувствие.

Я шел по набережной Яневы навстречу течению.

Плащ Онго бился на ветру; выдайся утро чуть жарче, я бы вспотел, но на холоде мне гулялось вполне уютно. Немногочисленные прохожие не обращали на меня внимания, принимая за офицера Особых корпусов. Я намеревался снять плащ, когда отойду подальше от Дана-кесты: свернуть в беззаконный проулок, сложить тяжелую ткань и припрятать где-нибудь. Но пока мое лицо скрывала маска поднятого, и свежие знаки горели под ней, точно на чернила внезапно открылась непереносимость.

Знаков много. Каждый выбирает те, что понадобятся ему сегодня. Но «исток» наносят все: с него начинается лицевая роспись. В старину человека без «истока» на скуле могли и

поколотить: считалось, что пустолицый приваживает злых духов. Чужак так попросту рисковал жизнью.

У меня в кабинете на столе лежит роскошный подарочный альбом, энциклопедия знаков. Один из немногих удачных подарков моей матушки. Она любила подарки с намеком, и могла донемекаться до женских серег – с целью побудить меня искать супругу. Но за альбом я ей благодарен. Там сыскалась «ледяная чайка», усложненная модификация «чайки бесстрастия», и только мощный знак дал мне силы продержаться в день Весенних торжеств...

Я хорошо помню тексты-пояснения. «Знак, именуемый «истоком» – короткая, прямая вертикальная линия, пересекающая скулу под серединой левого глаза. К основному знаку могут примыкать дополнения: «небесный» – слегка выгнутая линия между левой скулой и левым нижним веком, начинается от центра глаза и заканчивается на виске, «земной» – прямая линия, проходящая по левой щеке параллельно линии подбородка. В упрощенном толковании «исток» означает бытие, реальность того, кто носит знак. По древнему поверью, призраки и злые духи не могут носить его, на их лицах он каждый час исчезает, и потому злой дух всегда имеет при себе склянку чернил. Если он не будет подновлять знак, то исчезнет сам»...

По правую руку от меня струила темные воды прекрасная Янева, дева-река. Старые кварталы столицы заканчиваются там, где она сливается с возлюбленным – Неи. Сказки об этой чете рассказывают няньки, школьники читают их в азбуках. Неи похитил призрак, а сам принял его облик, чтобы жениться на красавице. Янева не могла доказать, что перед нею не ее настоящий жених. Тогда она стала любезничать с призраком и добилась того, что бедняга забыл о времени, не успел подновить знак и исчез.

Думается, что Янева была похожа на Эррет.

«...высокое толкование мало отличается от обыденного. В магии «исток» – это первичное, аморфное тело заклęcia».

Я, пожалуй, перестарался, выбрав оба «истока», «млечный лебедь» и «равноденствие», и под маской был расписан, как дамская шкатулка. Эррет позабавится... Но то, что я сумел забыть о знаках, вкупе со словами Эрдрейари о Лаанге, встревожило меня настолько, что недурно было бы в придачу написать «чайку». Для успокоения чувств.

Я отмахивал шаги по брусчатке набережной и размышлял.

У Лаанги дурное предчувствие... знать бы, с чем оно связано. Магов такого уровня предчувствия попусту не беспокоят. Но Лаанга – не верховный маг, не член Комитета, он старше всех государственных институтов, и, если быть честным, судьба страны ему безразлична. Падет эта империя, встанет новая, а Лаанга останется Лаангой. Мне трудно предположить, что могло встревожить его настолько, чтобы это ощутил Онго. Что-то сугубо магическое? Эрдрейари умнейший человек, но я могу в первом приближении восстановить ход его мыслей. Если у Лаанги возникли проблемы в недоступных простому человеку высях и безднах, зачем об этом знать мне – знать и тревожиться? Какая связь между заботами Лаанги и убийством моих родителей?

Увы, безнаказанно явиться к Лаанге с вопросами может одна лишь Эррет.

«Нужно будет поговорить с ней об этом», – постановил я, а потом поморщился и мысленно отложил разговор – по крайней мере до завтра. Эррет взяла на себя дом Улентари. Бесчеловечно немедленно по возвращению из Улена навязывать ей новое дело, к тому же столь щекотливое. Конечно, Эррет принадлежит государству даже в большей степени, чем я. Но некогда она позволила мне выбирать между двумя своими ипостасями, и я сделал выбор: сначала она приходится мне возлюбленной, и только потом – первым советником.

Словно одобряя мои слова, впереди негромко прозвенели колокольчики. Среди их журчания томной кошкой протянулась мелодия флейты, а той нежным переливом отозвалась лютия. Голос струн сливался с шумом фонтана. Слишком рано для бродячих музыкантов, в

такое время они отсыпаются после ночного труда, да и мелодия звучала непривычная – не уличные куплеты или новомодная ариетта, а старинная северная песня.

Не веря своим ушам, я ускорил шаги.

Какая странная и редкая удача... Их всегда было немного, теперь и вовсе почти не стало. Северное княжество Меренгеа становится промышленным, отступают леса, гигантские волки уходят все дальше к ледяному океану и реже отзываются людям. Им противны фабрики на окраинах и улицы, заполненные паровиками. Трудно представить, что они захотели прийти сюда, в среброкаменное сердце столицы, но они здесь и собираются танцевать.

Доброе предзнаменование.

До прихода арсеитства северяне поклонялись Великим волкам и до сих пор почитают прежних богов. Народы Меренгеа упрямы как камни, они готовы были пролить кровь за веру предков, но не изменить ей. Есть легенда о добром ваятеле, который зажег свет в их сердцах. В ту пору, когда меренцы жгли церкви и убивали священниц, в одном селе пахари приходили к храму охотно и мирно. Изучив обстоятельства, князь обнаружил, что ваятель, присланный вырезать статую Арсет, поставил рядом с нею кумиры Великих волков – так, будто бы звери защищали ее. Тогдашний князь Мереи был мудр и послал спросить совета у Младшей Матери, прежде чем запрещать и карать. Теперь в Меренгеа исповедуют разрешенную ересь: северяне верят, что рядом с Арсет в вечной битве сражаются Великие волки.

Выйдя на площадь, я остановился в стороне, под арочным сводом, боясь потревожить их. Старший танцор сидел на краю фонтана и брызгал водой в крохотных волчат, игравших в бассейне. Шкура зверенышей еще не успела приобрести знаменитый серебряный отлив: волчата были молочно-белыми. Самый большой волк дремал, вытянувшись на солнечной стороне. Литые из серебра ивовые ветви с подвешенными колокольчиками трепетали в руках молодой танцовщицы, которая плавно ходила по кругу, изредка всплескивая тонкими обнаженными руками. За ней, вытягивая морду, следовал другой волк. Чуть поодаль, на скамейке, сидели рядышком флейтист и лютнистка. Кажется, началось с музыкантов, которые захотели сыгаться, а юный волк с азартом отозвался и увлек в танец подругу...

Серебряные ветви взлетели как крылья и скрестились над ее головой. Сильные ноги переступили, плеснула широкая юбка, открывая колени. Волк поднимался на задние лапы, опускался, ритмично поводил головой из стороны в сторону. Танцовщица кружилась, закрыв глаза, а он ходил вокруг нее – громадный, умный серебряный зверь, достававший ей головой до плеча. Перескочив бортик, прибежали волчата и сунулись девушке под ноги. Она ловко переступала через них, прыгала и уворачивалась, грациозная как бабочка...

Танец кончился, девушка села, разбросав юбку, а я все смотрел на них. В устьях переулков собрались зрители; в ранний час их было немного, но волчьи танцоры выступают не ради денег и аплодисментов. Их невозможно вызвать на вечер, заказать выступление за деньги, и даже пригласить как друзей получится не всегда. Волки просто откажутся танцевать. Танцоры Меренгеа странствуют там, где им нравится, и пляшут тогда, когда хотят. Всякий рад дать им приют и пищу, ведь они приносят с собой удачу: самые свободные люди на земле.

Я улыбался.

Коли уж речь идет о знамениях и предчувствиях, то дурные уравниваются добрыми. Что бы ни тревожило Лаангу, но летит ко мне Эррет, украшение судьбы, премудрое и прекрасное создание, гордецам Восточных островов отправился внушать смирение сам Эрдрейари, а я увидел на набережной волчьих танцоров.

Я разглядывал их, как ребенок. Длинные волосы старшего танцора пробила седина, но тело его оставалось крепким телом молодого человека. Его партнерша – подружка? дочь? – движения ее отличались необычайной грацией призрака или богини, но черты лица оказались неправильными, по-человечески теплыми. Лохматый дударь любовно разглядывал свой инструмент, приблизив к лицу. У северян темные волосы, а он, судя по шевелюре, пришел

с юга или же был плодом смешения кровей. Смуглая худая лютнистка что-то говорила ему, обнимая лютню.

...Мне стало холодно под толстым плащом.

Маска Онго показалась невыносимо тяжелой, ноги приросли к земле.

«Это не она, – подумал я. – Это не может быть она».

Музыкантша выпрямилась, склонила голову к плечу, выслушивая ответ собрата; ее жесты немного изменились из-за того, что плоть высохла, но я узнавал их. Я узнал бы их во сне, в бреду и после собственной смерти. Волки Меренгеа... мы так часто говорили с нею о старой вере ее земли, а потом некроманты сказали, что она желает только покоя и просила не приходить к усыпальнице...

Она не узнавала меня.

Что удивляться? Если она и бросила случайный взгляд в мою сторону, то поняла, что под плащом живой – поднятые не путают, – и мигом забыла об этом. Приняла, как и предупреждал Онго, за таящегося влюбленного. «Это не она, – сказал я себе, борясь с замешательством, которое стало уже постыдным. – Аргитаи не отпустил бы ее. Это не Алива». Право, Алива не могла оказаться здесь, вдали от родного дома, с бродячими танцорами... ее брат не позволил бы ей подвергать себя опасности даже после смерти... «Это не она», – повторил я, уже сознавая очевидную ложь.

Теперь девочек называют все больше именами рескидди, а не уаррскими, да и у мальчишек имена часто оканчиваются на «сен», а не на «о» или «аи». Она носила поющее древнее имя – княжна Меренгеа Алива Мереи. Носила и носит, но теперь мне нельзя произнести его так, как произносил прежде. Она ушла из числа живых.

Как я ни приказывал себе сдвинуться с места и подойти к ней, все не мог сделать первый шаг.

Но повернуться и уйти я тоже не мог.

Если северные некроманты не обманули меня и Алива действительно не хотела меня видеть, возможно, мне следовало бы скрыться, не привлекая ее внимания. Я бы и скрылся, ответь она чуть раньше на мое письмо. У меня было к ней дело, которым я не мог пренебречь.

«Если я не заговорю с ней сейчас, – подумал я, – то уже никогда не заговорю».

Я сжал зубы и пошел к музыкантам; ноги были как деревянные, и во рту сухо до горечи. Волчата проводили меня глазами и заскулили, огромная волчица подняла голову... Я остановился за спинкой скамьи.

Алива обернулась, все еще не узнавая меня. Над плотью княжны работал великий мастер, настоящий художник, и ей не требовалась даже маска, не то что перчатки и плащ. Знакомые черты не исказились, лишь стали тоньше; кожа потемнела, и знаки на лице были не написаны чернилами, а выложены тонкой проволокой из драгоценных металлов.

Я снял маску.

Алива вздрогнула и замерла. Глаза ее расширились, и стало видно, как пожелтели и высохли белки; черный язык скользнул по губам. Ногти мои впились в ладони. Сердце стало тяжелым, как свинцовая чушка. Серебряная площадь и светлое небо плыли в глазах, обволакиваясь туманом, а мертвое лицо Аливы оставалось невыносимо четким. Я скрипнул зубами.

Флейтист заподозрил неладное и поднялся, грозно хмурясь. Алива остановила его движением руки. Он кинул взгляд на волков, удостоверился, что звери спокойны, и ограничился неодобрительным жестом.

– Мори, – едва слышно сказала княжна. – Это ты?..

– Я.

Алива прижала к груди лютню, словно ища у нее защиты.

– Я слышала, – еще тише проговорила она, – что твои родители... мне очень жаль, Мори... и что ты теперь...

Она робела, лепет ее с каждой фразой становился все неразборчивей. Сухие пальцы стискивали гриф лютни – украшенной перламутром, дорогой, взятой, наверно, из дома. Последний подарок Меренгеа своей госпоже.

– Не надо об этом, – сказал я и продолжил непоследовательно: – Можно с тобой поговорить?

Алива опустила голову. Я чувствовал, как пахнет медом от ее волос.

– Ты этого хочешь?

Я стиснул зубы.

Да.

Я хочу.

Хочу знать, кто убил тебя, Северная Звезда, которая уже не станет Звездой Уарры. Я знаю, кому понадобилась смерть моих отца и матери, и этот человек грызет пальцы в кровь, воя от отчаяния, а его присные ждут поимки, суда и казни. Но кому могла быть нужна твоя смерть, добрый дух...

– Хорошо, – послушно прошептала она.

Мы ушли к набережной, сели в беседке, полускрытой плетями роз. Я сложил на скамье маску и плащ. Сквозь листву темнела сырая стена храма. Напротив входа в беседку торговец картинami готовил лавку к открытию: с грохотом снял он щит, закрывавший стекло витрины, стал выставлять на стеллаже дешевенькие ремесленные работы – котята и птицы, закаты в ущельях, морские просторы в лунном сиянии. Алива разглядывала картины так, будто не видела творений прекрасней, а я, растравляя душу, отыскивал знакомые выражения на странно переменившемся ее лице. Алива надела очки и порой, в лучах солнца, глядя мимо меня, казалась всего лишь сильно загоревшей после поездки на юг. Потом тень падала иначе, и это была уже не моя Лива...

Розы цвели. Храмовый шпиль, венчанный звездой, возносился к небу.

Торговец заметил нас, и вскоре ко входу в беседку подошел мальчик, предложивший напитки для господина и госпожи. «Вы очень красивая, госпожа, – сказал он искренне, – наверно, живая еще красивее были!» Я подавился собственным дыханием, а Алива ласково улыбнулась и попросила что-нибудь сладкое. Обмен веществ у поднятых заменяется обменом энергий, физиология – магией; если маг был хороший, то можно иногда немного есть и пить. Только чтобы почувствовать вкус. «Да, – отдавая плату, безмолвно согласился я с маленьким разносчиком. – Еще красивее». Алива разглядывала крошечный бумажный рожок, а я все собирался с духом.

– Не надо так смотреть, Мори, – наконец сказала она. – Такова судьба...

– Слишком рано, – вырвалось у меня. – Нечестно!

Алива низко опустила голову.

– Не надо, – попросила она. – Если я буду про это думать, то буду несчастной.

– Прости.

Молчание повисело и растаяло, как облачко.

– Мне самой у многих следует просить прощения, – проговорила она. – Прости, что встретил меня, Мори.

– Я рад, что встретил тебя. Лива, я хотел приехать в Мерену сразу, как только получил известие. Но Аргитаи сказал, что ты не хочешь никого видеть...

– Не совсем так, – глуховато ответила она. – Я не хотела, чтобы кто-нибудь видел меня.

– Я написал тебе письмо.

– Должно быть, к тому времени я уже ушла из Мерены. Но я догадываюсь, о чем ты писал. – Знакомые пронизательные глаза взглянули на меня сквозь полупрозрачные стекла.

Ветер трепал потускневшие темные волосы, непослушные, как всегда. Пальцы, ставшие еще тоньше, сжимали бумажный бокальчик. – Это был несчастный случай, Мори.

– Лива, – сказал я. – Пожалуйста, Лива, не лги. Ты не умеешь, а мне больно. Зло должно быть наказано, я не потерплю зла. Ты их простила. Я не прошу.

Она приложила к губам край рожка, чуть-чуть отпила.

– Я говорю правду, – мягко ответила она. – Замок в Мерене старый, ему много сотен лет. По стене пошла трещина. Я вышла на балкон, и балкон обрушился. Может быть, кто-то виноват, что не уследил за этим, но не стоит его карать.

– Ты знаешь, что случилось во время Весенних торжеств, Лива, и я тебе не верю.

– Это был несчастный случай, – упрямо повторила она. – Мори, не надо на меня сердиться. Мне будет грустно потом.

У меня заныли зубы. Алива, кроткая моя отрада, перечила мне, защищая собственных убийц...

– Я сама выбрала такое посмертие, – говорила она, глядя на солнце, – я с детства знала, чем займусь – после. Поверь, мне сейчас хорошо. У меня есть покой и свобода. Я всегда мечтала бродить по стране с волчьими танцорами, бывать везде, ночевать под открытым небом – это нетрудно, меня ведь теперь не кусают комары, – Алива улыбнулась, – и холод я переношу легко... И музыка все время со мной. А люди эти – они очень славные, Мори...

«А я? – чуть не вырвалось у меня. – Как мне быть теперь?!» Я сумел промолчать: жестоко говорить такое, когда уже ничего не изменишь. На миг я понял романтических влюбленных, которые прерывали жизнь, чтобы соединиться с возлюбленными. Но я не герой романа и не принадлежу себе.

Что теперь? Не всякий мужчина и одну-то женщину сумеет сделать счастливой, а мужчины дома Данари спокон веку разрываются на двух. Княжна Мерей совершенно, ничуть не похожа на Эррет: северный день и южная ночь. Я не хочу, чтобы моя жена жила несчастной. Алива не была бы несчастна со мной, я бы сумел одинаково любить их обеих!..

Она все поняла.

– Не надо больше меня любить, Мори. Просто помни.

– Лива!

– Я была бы тебе плохой супругой, – сказала она. – Я эгоистична, Мори. В глубине души. Обязанности тяготили бы меня. Заниматься благотворительностью, стиснув зубы, – что может быть хуже?..

Я молчал. Мне хотелось выть и кого-нибудь убить – окончательно, без возможности пробуждения, так, как убили родителей... Я не верил в «несчастный случай»: может, прежде и поверил бы, но гибель Аливы и проклятые Весенние торжества разделяло чуть больше двух месяцев, и уж слишком это походило на части одного плана. Надеюсь, Эррет заставила своего новоявленного супруга жестоко пожалеть о том, что он родился на свет. Сам я в эту минуту жестоко пожалел, что одобрил ее идею. Конечно, решение было здоровое и полезное, но то, что Сандо Улентари жив и даже не в тюрьме, кажется мне невыносимой несправедливостью, пусть самому князю его участь горше окончательной смерти.

Алива, доброе сердце, ты научила бы меня прощать – а теперь я уже не хочу учиться.

– Я что-нибудь могу сделать для тебя? – наконец спросил я.

Она помолчала.

– Я теперь – только память, ничего больше. Подари мне какую-нибудь вещицу, Мори. На память.

Я закусил губу, мучительно ища то, что можно было бы отдать ей. На перстне – родовая печать, серьгу с гербом можно использовать как удостоверение моего полномочного представления. Заметят такое у беззащитной лютнистки – ей несдобровать. Меньше всего я хотел, чтобы Аливе и после смерти пришлось страдать из-за близости ко мне. Что подарить, что?

Не мчаться же к ювелиру в такой час, а у торговца напротив безделушки слишком дешевы и громоздки... Я не придумал ничего лучше, чем снять часы.

Алива улыбнулась.

– Время, – сказала она, – то, чего у меня теперь вдосталь.

Щурясь от ветра, я смотрел на башенные часы.

Я оставил плащ Онго в беседке; теперь руки цепенели от холода. Еще дышать было трудно. Известие о гибели невесты я получил письмом, в Хоране; шло наступление, я забыл, когда спал дольше четырех часов кряду, наполовину оглох от грохота артподготовки и на днях принял полк... Генерал Эрдрейари, скончавшийся два века назад, не усматривал внутренних противоречий во фразе «двадцатипятилетний полковник». Я был польщен и измучен. Дела мирной жизни отошли на второй план. Горе было во мне, но я не имел права ему поддаваться.

Она казалась мне прекрасным призраком, княжна Алива, Северная Звезда; и призрак растаял.

Потом настал черед Весенних торжеств – и чудовищного террористического акта, имевшего целью убийство моих родителей; мне пришлось немедленно оставить Хоран и часть, чтобы принять ответственность стократ большую и стократ более опасную. Эррет, которая единственная могла разделить ее со мной, уехала в Улен с собственной миссией. Навалившиеся обязанности заслонили в моей памяти все, что случилось ранее.

Не в добрый час Онго решил позаботиться о моей безопасности и душевном спокойствии. Я успел порадоваться встрече с танцорами Севера... и не мог отделаться от мысли, насколько легче и приятнее было бы сейчас приветствовать восточных аристократов, улыбаясь в их вежливые, полные изысканной ненависти глаза.

...Я вышел, имея большой запас времени, решил прогуляться по набережной и отправился длинной дорогой. Теперь времени оставалось в обрез. Чтобы добраться к аэрополю, следовало дойти до ближайшего моста и пересечь Заречье. Нужно было либо поторопиться, либо сесть в паровик. Последнее не воодушевляло. Ложной гордостью или особой утонченностью чувств я не страдал, но кататься в общественном паровике в толпе потных работяг у меня совсем не было настроения.

Набережная осталась позади, и старый город открылся передо мной.

Я любил его улочки, узорные ограды палисадников, крыши, увенчанные маленькими башенками. Серебряные шпили церквей точно струны протягивались от земли до неба, и звезды их сияли, раскидывая над столицей второй, рукотворный небосвод. Камни мостовой были темными от влаги, на садовых цветах блистала роса. Я шел по университетскому району; древние лектории давно отдали музеям и школам искусств, уже и новый Университет обзавелся длинной историей, а здесь по сию пору жили ученые, инженеры, государственные маги – благонадежная, немного чопорная публика. Даже ветер стих, осмеливаясь лишь играть флюгерами. Умиротворением веяло от стен и садов, и я разрешил тишине сделать меня своей частью.

Алива Мереи ушла в бесконечное странствие.

Я летел по улочкам, которые знал как свои пять пальцев: свернуть у фонтана, пройти по краю канала, нырнуть в арку... Людей становилось все больше, я едва не сбил кого-то с ног, слишком резко обогнув башенку на углу. Пришлось убавить шаг, и я невольно огляделся по сторонам.

Вид открывался отрядный: в этих местах царили достоинство и достаток. Заборы были кованые, узорные, тропинки в садах белели мрамором, клумбы красовались цветами. Неподалеку вышла на балкончик статная, белокурая словно рескидди женщина с тяжелой лейкой, стала поливать цветы. У крыльца играли ее дети: совсем юная девушка с каштановыми кудрями и светлоголовый мальчик. В конце улицы седовласый мужчина, похожий на профессора медицины, с улыбкой разглядывал лепные украшения; одет он был по-аллендорски, но черты

лица не оставляли сомнений – родился ученый где-то в южной Уарре. Должно быть, только-только вернулся из путешествия.

Мимо меня прошел молодой клерк с жемужиной в ухе и длинными, как у женщины, волосами.

Мускулы мои напряглись.

...что хорошего сделал мой батюшка? Конечно, кроме реформы законодательства? Он сделал из меня неплохого офицера собственной гвардии.

Я не остановился.

«Ледяная чайка» – не самый частый знак. Я увидел его в энциклопедии, а на лицах встречал раза два, не больше. Носить его тяжело, такое не пишут ради красоты. «Ледяная чайка» может понадобиться финансисту перед крупной сделкой, государственному магу, работающему с Четвертой магией, дипломату, которому предстоят сложные переговоры, – тем, кто остро нуждается в спокойствии духа.

Знак на лице клерка был очень похож на «чайку». Особенно издалека. Очень похож – но не настолько, чтобы я перепутал.

«Змеедемон».

Представить себе письмоводителя с «ледяной чайкой» трудно, но можно. Представить одного же со «змеедемоном»... Когда я проходил курс боевой магии (сверх того, что полагался всем курсантам Академии. «В силу особых обстоятельств происхождения», – как с бычьим изяществом выразился генерал-ректор), единожды я сам написал этот знак. Ощущения такие, будто несешь на носу рюмку с серной кислотой. Имея на себе печать подобной власти, идти по улице гуляючи – доступно, мягко говоря, не каждому...

Пренебрегая «Памяткой городского разведчика», я обернулся и вперился глазами в затылок человека со «змеедемоном».

И в спину мне ударила боевая схема Третьей магии. «Небесный огонь».

Убивать меня не собирались – это я понял сразу. Времени на раздумья, впрочем, не оставляли тоже. Я едва успел выбросить наперерез «огню» «облачный щит» и махнуть через забор в ближайший сад. Позади полыхнуло и громынуло. Несусветная глупость была, конечно, останавливать «небесный огонь» «щитом», его следовало дополнять «землей». Меня извиняло то, что я все-таки не боевой маг.

Кудрявая девочка-подросток, только что смотревшая на меня расширенными от ужаса глазами, вдруг молча, как бешеный волчонок, взвилась в воздух. С узорного балкончика на меня рухнул «глас Бездны», судя по его радиусу, девочку накрывало тоже; мне следовало подставить ее вместо себя и перекатиться к стене, но душевных сил на такое я не имел. Чувствуя себя дураком, я поймал маленькую тень, перехватил один убийственный удар ногой в печень, другой – по колену, вывернул ей руку и прижал к земле, закрывая собой. На отражение «гласа» осталась доля секунды, и получилась у меня только жалкая, школьная «горная тишина».

Сил, впрочем, я вложил в «тишину» преизрядно, и в результате даже ухитрился не оглохнуть – только перед глазами поплыло. Обещая собственноручно удавить того, кто придумал использовать детей, я поймал между ладоней длинный нож, брошенный в меня парнишкой, и отправил в фальшивую «мать», которая как раз дочерчивала пламенеющую схему «белого пика».

Они не давали мне времени собраться, бесовы отродья. Если б я располагал хоть минутой, я придумал бы что-нибудь из арсенала Четвертой магии и послушал, как бы они запели. Но они знали, что мне нельзя давать времени на Четвертую.

А я знал, от кого они это знали.

Чудесно, просто чудесно.

Плюнув на достоинство, я вычертил «безумный свет» и снял с лица «равноденствие». Это должно было произвести некоторое впечатление. Бросил наугад и откатился на влажную землю под розовыми кустами. Сверху посыпалась роса и лепестки. Будь оно все неладно! Я думал, что написал слишком много знаков, а теперь меня брала злость оттого, что я не предусмотрел что-нибудь вроде «трех острий» или «акульего плавника». Так, «млечный лебедь» разбирается на три части, из них одна боевая и две вспомогательные...

«Равноденствие» сработало.

Шандарахнуло знатно.

Я выдохнул.

Всадил кулак в подреберье кудрявой упрямыцы, успокаивая вздыбившуюся совесть тем, что девчушка – из шестого сословия и ей не привыкать.

Снял «мощь», дописал «небесный огонь» и, во внезапном озарении, добавил две начальные схемы Второй магии – «вдохновение» и «ненависть». Получившийся коктейль мог разом свалить роту солдат, но на сей раз бухнуло убогонько и как-то смущенно. Даже не бухнуло, откровенно говоря, а пукнуло. Я устыдился и удивился, а потом различил сквозь частокोल колючих стеблей «профессора медицины» и понял, почему мне пришла на ум именно медицина. Господин-тень специализировался на Второй магии.

В изрядную лужу я с этим сел.

И фантазия у меня закончилась.

Что теперь? Заскулить «не лупите меня больше, почтенные господа»? Звать на помощь полицию? Гвардейскую роту? Бесы! Мне нужно было написать боевые знаки. Иметь сейчас хоть те же «острия», и...

Парень со «змеедемоном» что-то сказал сотоварищу и устоялся на мое пристанище под кустом. Он меня видел. Мне очень не нравилось выражение его лица. И еще больше не понравилось, когда я понял, что он отнюдь не молод, как бы даже не ровесник «профессора». Бес их знает, этих бесфамильных господ, они выглядят то непомерно моложе реального возраста, то непомерно же старше...

...я опомнился.

Все это не более чем игра. Я с большим жаром в нее играл, но пора заканчивать. Либо я сейчас выйду пред очи шестого сословия и добыюсь положенного мне несколькими фразами, либо на пустом месте потеряю лицо.

Сальто через забор получилось недурственно. При условии небольшой подготовки, пожалуй, из меня вышел бы не последнего разбора убийца.

– Благодарю, господа, – сказал я, умиряя дыхание. – Вы меня развлекли.

Можно ли было ожидать иного?

Пожалуй, в глухом лесу неподалеку от Дома Теней – можно. Но мы находились в сердце столицы, и никто, имеющий разум, не стал бы гневить душу Тысячешашенного. Поднятые руки опустились, пробуждавшиеся схемы потухли. Тени сдержанно улыбнулись и склонили головы.

– Ты в плохой форме, – слышался до боли знакомый голос.

Я обернулся, роняя с лица стоившую мне такого напряжения высокомерную мину.

Навстречу мне шла Эррет.

Так я и знал, что она распорядится ускорить рейс.

Она шла, улыбаясь, прекрасная и целеустремленная; широкая юбка плескалась вокруг удлиненных голеней, ветер трепал темные локоны, распущенные по плечам. Город тянулся к ней, точно преданный пес: камни мостовой пробуждались под ее ногами, флюгера блестели ярче, витражи в декоративных башенках бросали радуги. Неслышимая приветственная песнь разносилась по Тысячешашенному, и в ритме песни плясало темное пламя в ее зрачках.

Эррет, владычица сил, украшение судеб.

– Ты в плохой форме, – сказала она чрезвычайно бодро. – Я полагала, Мори, что ты продержишься дольше.

– Чудесно, – проворчал я.

Эррет засмеялась, глядя на меня; глаза ее тепло сощурились.

– Если уж ты высчитал время моего прилета, – сказала она, – и отменил визит на острова, мог бы подготовиться к встрече.

«Высокого же она обо мне мнения», – подумал я почти с усмешкой; впрочем, не исключено, что Эррет насмеялась. Она на равных обсуждала с Онго стратегию, а политического опыта у нее было побольше, чем у легендарного полководца.

– Должен заметить, – неодобрительно сказал я, решив покамест оставаться суровым, – что это старый район, где живут почтенные люди. И мне крайне не нравится, что здесь вздумали применять «глас Бездны» и «белый пик». Это неприлично.

– Поэтому я и говорю, что ты в плохой форме, – заметила Эррет и подняла лицо. Я проследил за ее взглядом и узрел по-хозяйски расположившуюся на балкончике даму, фальшивую матушку пары юных теней.

Дама, сладко улыбаясь, раскинула руки – и я различил тончайшую прозрачную пленку вроде мыльного пузыря, затянувшую часть мостовой, сад и дом. Поглощенный вначале размышлениями, а потом стычкой, я не обратил на нее внимания, да и о последствиях применения боевых заклинаний в тесном переулке как-то не задумывался – думать вообще трудно, когда по тебе гвоздят Третьей магией – и в итоге упустил из виду отсутствие положенных разрушений.

Молодец, что тут добавить.

– «Звездный доспех», – сказал я покорно.

– Изолирующая сфера, – кивнула Эррет. – Да, Мори: я сочла необходимым произвести некоторые кадровые перестановки.

После того, как я оплошал в драке, мне не стоило подшучивать над манерой Эррет выражаться. Хотя говорить «сочла необходимым» относительно подобных вещей довольно забавно... Заговорщики сумели переманить на свою сторону всю верхушку Дома Теней. Только поэтому стал возможным террористический акт такого масштаба, как тот, что случился во время Весенних торжеств. Шестому сословию дозволили казнить предателей по собственному обычаю: в сравнении с их обычаями законное повешение – всего лишь мелкая неприятность.

Я огляделся, наново запоминая лица. Вполне возможно, что я этих людей больше никогда не увижу, но не узнать их при встрече – непростительный промах.

Обычные, неприметные лица, и знаки обычные... за исключением господина со «змеедемоном», в обоих смыслах.

– И желала бы отчитаться, – продолжала Эррет и вдруг лукаво на меня покосилась. – Может, пройдем немного?

– Пройдем, – согласился я.

Блистательный эскорт следовал за нами – бесшумно, как подобает теням.

Несколько часов назад я предвкушал встречу с Эррет как радостное событие, но с тех пор обстоятельства успели измениться. Шагая рядом с нею, я думал не о ней, а о князьях Улентари – и еще о положении крестьянства, о тайных политических кружках, о проблемах Восточных островов и западных гор. Эрдрейари оказался в столице по делам Западной операции, дневал и ночевал в здании Военного совета; вернувшись с Тиккайна, он снова отправится в горы.

Уарре нужна дорога через Лациаты. Торговля с Аллендором через северный океан не оправдывает затрат, а огибать горы с юга, через пустыню, немногим проще. Горцы считают своим священным правом грабить всех, кто проходит через их земли, и крайне трудно объяснить им, почему этого делать не стоит. Эрдрейари, подтвердив свою древнюю славу, присоединил к империи Чаарикам, но возможным это стало лишь тогда, когда чаары исчезли с лица

земли. поголовное истребление аборигенов Лациат – не выход... Каманар Таяна, безуспешно пытавшийся объединить дикарей, ныне укрылся в бесконечных пещерах Короны Мира. Все попытки найти его до сих пор оставались бесплодны. С чьей-то легкой руки Арияса в Уарре прозвали Пещерным Львом: невольное уважение мешалось с насмешкой.

Бесконечные заговоры Восточных островов, озлобленные кочевники на Юном Юге, на западе – непримиримые горцы, за которыми встает Аллендор... и в час, когда империя окружена врагами, словно северный волк – собаками, Улентари, как черви, грызут ее изнутри.

– Как здоровье уважаемого супруга? – осведомился я у Эррет.

Эррет отмахнулась и засмеялась – низким грудным смехом, не предвещавшим ничего доброго. Князя Сандо она любила немногим больше, чем я.

...«Не принимай поспешных решений, – сказала она, когда я, отупевший и злой от бессонницы, вслух размышлял, что бы мне хотелось сделать с Сандо. – Если главу дома казнят или низложат, Улентари должны будут назвать нового князя своей крови. К тому же публичная казнь властелина разъярит вассалов».

«Я сам разъярен так, что дальше некуда, – сказал я. – Двести человек погибло! Еще четыре сотни ранено, а ведь там было столько детей! Мне горько оттого, что погибли родители, и все же такова судьба моего дома. Можно карать, но не роптать. Но школьники!»

«Улентари один раз уже были на волосок от успеха. Ты хочешь, чтобы эта стрела вечно целилась в тебя и твоих потомков?»

Эррет была кругом права, конечно, но ее манера задавать риторические вопросы выводила меня из себя.

«Что ты предлагаешь?» – прорычал я.

«Князь Сандо хотел власти, – задумчиво проговорила Эррет, ничуть не оскорбленная. – Власти над всей Уаррой. Он получит власть. Я выйду за него замуж, Мори».

Сначала я поперхнулся, но миг спустя – понял.

Князь Улентари холост. Сочетавшись браком с Эррет, он не сможет рассчитывать на появление законного наследника. Эррет переживет его, и Улен достанется ей – то есть фактически перейдет в казну. Сандо проведет остаток жизни под домашним арестом, ежесекундно сознавая, что он – последний из князей Улентари. Для такого честолюбца, как он, это непрекращающаяся пытка и достойная кара.

«Наш брак будет вполне мистическим», – пообещала Эррет, и у меня не было повода сомневаться.

...Я понял, куда мы идем, и немного приободрился. Светлая память матушке, но поваров Данакесты она испортила. Добиться от них чего-нибудь по-настоящему вкусного, например, хотохорских жуков, совершенно невозможно.

Господин Нери, который держит тут за углом ресторанчик, просто бог жуков. Я могу съесть таз. Тем более что после скакания по кустам и швыряния заклятиями изрядно проголодался. О, украшение пустыни, дивный город Хотохор, которому духи песка подарили таких прекрасных жуков! Эррет знает, как меня утешить.

Не все же думать о делах и погрязать в мрачных мыслях.

На каменной скамейке возле дверей ресторана, подложив сложенный плащ, восседал сухонький старичок. Тяжелая, не по комплекции, трость, утвержденная между стоп, чуть подрагивала вместе с его руками. Старичок щурился на солнце и, очевидно, грелся. Одет он был как дворянин, избравший ученую карьеру, вид его умилял сердце.

Завидев нас, старичок поднялся и поклонился.

Я почти растерялся, когда бесфамильные господа разом опустили на одно колено.

– Кровь небесная... – едва слышно проговорила Эррет рядом со мной, и я понял, что этого человека она отнюдь не ожидала здесь встретить. – Господин Кайсен... Данва, почему ты не предупредила?!

– Я не знала, что он здесь! – прошипела позади блондинка. – Он делает, что хочет! Я ей поверил.

Я знал, кто такой господин Кайсен.

– Проходите, дамы и господа, – мягко сказал он, поведя рукой. – Мы вас ждем.

Улыбнулся, окинув меня взором ласковых серых глаз, и морщины сложились в лучистую маску.

По молчаливому уговору я мирюсь с тем, что Эррет или Онго могут порой перехватывать инициативу и принимать решения за меня; остальные делают это на свой страх и риск. Впрочем, господин Кайсен мог рисковать. Выбора у меня не было. Вслед за источавшим гостеприимство стариком мы прошли в полутемный зал. Он пустовал, что неудивительно в такой ранний час; лишь в отдалении, у стены, сидели несколько человек в дорожных плащах. Я не видел ни знакомых подавальщиков, ни распорядителя. Надеюсь, происходящее стало для них не слишком большим шоком. Грациозная девочка, принявшая заказ, двигалась так же выверенно и быстро, как кудряшка в саду, и я понадеялся, что в кухне, как всегда, царит господин Нери. А то сюрприз господина Кайсена будет для меня сопряжен с некоторыми неудобствами.

– Вот я и повстречал вас, – ласково произнес старик, – го... господин Данари. Очень рад. Это большая честь.

Он взглядом извинился за едва не мелькнувшую оговорку, но я понял, что была она неслучайной.

– Большая честь для меня, господин Кайсен, – ответил я, – доверить вам безопасность дома Данари. Теперь я наконец буду спокоен.

Он покивал, добродушно усмехаясь.

– Я раскаиваюсь в том, что пять лет назад решил удалиться от дел. – Лицо его стало опечаленным. – Если бы я как должно выполнял свои обязанности до самой смерти, ваш почтенный отец пережил бы меня. Впрочем, я стар и не могу полагаться только на себя. Господин Данари, позвольте представить моих соратников и учеников.

– Прошу вас.

Старец помедлил, разглядывая зал из-под набрякших век.

– Данва, она же Фиррат, Тень Юга, – произнес господин Кайсен.

Блондинка сладко улыбнулась мне, бросила Эррет короткий насмешливый взгляд, бесшумно встала и склонила голову, сложив руки под грудью так, чтобы наилучшим образом продемонстрировать роскошное декольте. Эррет скривилась.

– Во имя империи, – мурлыкнула Данва.

– Рука империи в городах Ожерелья Песков, – отрекомендовал господин Кайсен. – Рассчитывайте на нее... Ларра, Тень Запада.

Теперь я понял, почему «профессор» оказался одетым по-аллендорски. Подозреваю, что он не тратил времени на путь, пройдя через разрез в пространстве, и вернется той же дорогой.

– Он же доктор Ларрем Тайви, – сообщил старец, взирая на означенного, – рука империи в Аллендоре. Поскольку вражды с королевством ныне мы избегаем, постольку деятельность доктора вполне честна и приносит Аллендору несомненную пользу...

Господин Кайсен иронизировал: выражение лица Ларры эту мою догадку со всей определенностью подтвердило. Еще я заподозрил, что доктору томно после вчерашнего. Уж очень осторожно он двигался и все норовил прикрыть глаза.

Пробурчав «во имя империи», Ларра уставился в пол.

– Анартаи, Тень Севера.

Никакого движения не последовало. Эррет ухмыльнулась. Старец косо глянул на Тень третьей стороны света, едва заметно нахмурил бровь. Анартаи сделал кислое лицо. При ближайшем рассмотрении выглядел он жутковато. Сорокалетний мужчина с лицом двадцатилетней женщины, расписанный знаками подвластных демонов, Тень Севера помялся под все мрач-

невшим взором наставника, поерзал на стуле и наконец лениво поднялся, явно делая старцу одолжение.

– Во имя империи, – утомленно сказал он.

– Хм, – выдохнул Кайсен. – Все разумные и полумразумные явления Бездны и Выси. Располагайте ими... Ивиль, Тень Востока.

Одна из сидевших в отдалении темных фигур приблизилась. На Ивиль был плащ, напоминавший плащ поднятой, с капюшоном, и стоило ей откинуть его, я понял, почему девушка пряталась от чужих взглядов.

Не первый раз я видел такое, но все равно морозец подрал по коже.

У жителей Восточных островов непомерно большие глаза: так выглядит кошачья морда, а не человеческое лицо. Громадные, как блюдца, зеленые очи Ивиль занимали буквально половину его; страшноватое зрелище. Должно быть, если долго прожить среди них, то привыкнешь, но видя островитян изредка, каждый раз вздрагиваешь. Ивиль казалась много моложе остальных, едва-едва лет двадцать пять. Она молчала.

– Ивиль немая, – спокойно сказал господин Кайсен. – Но в ее преданности империи можете не сомневаться.

– Да будет так, – согласился я. Тени переглянулись. Старик благодушно поглядывал по сторонам, пока подручные занимали места за его спиной, полукругом, а потом Эррет негромко произнесла:

– Кайсен, Великая Тень Уарры.

Тот медленно кивнул.

– Раз знакомству, – сказал я и перевел дух. Кайсен засмеялся, щелкнул пальцами, и из-за занавесей появилась юная тень с подносом.

Глаза у меня против воли загорелись.

– У молодых людей волчий аппетит, – резюмировал старец, поигрывая подвесками на набалдашнике трости. – Но признаюсь, мне нравится ваше хладнокровие, господин Данари. Ваш отец, помнится, на вашем месте был бледен и в холодном поту.

– Вот как? – сказал я. – Прошу прощения, меня не предупредили, что следует быть в поту.

Не люблю, когда меня боятся, но еще больше не люблю, когда мне предписывают испытывать перед чем-то страх. Крайне трудно было представить моего отца охваченным ужасом. Клеветать Великая Тень не стал бы, но все же повелитель шестого сословия слишком много себе позволял.

– Впрочем, – примирительно сказал господин Кайсен, – Данараи Данари пришел один и в Дом Теней. Ему было семнадцать. И я тоже был молод тогда...

«И допустил ошибку, – хмуро подумал я. – Любопытно. Как много проходит лет, прежде чем открываются причины событий».

Времена моего деда были эпохой расцвета шестого сословия, даже первое страшилось его, кое-где бразды правления едва не официально оказались в руках теней. Расплачиваясь за промахи деда, отец всю жизнь положил на то, чтобы обуздать бесфамильных господ; в Кодексе Данараи многое прописано именно с этим умыслом. Памятуя, насколько опасны тени, я понимал, что отец идет по лезвию бритвы, но не знал, что заставило его начать борьбу. Мне казалось естественным, что он не терпит людей, живущих на земле Уарры по собственным законам. В конце концов тени его погубили; пусть они называли убийц предателями, но сдавать исполнителей – их старинный обычай, а слово «предатель» для бесфамильного – похвала... Я не верил шестому сословию, но я не мог им пренебрегать: битва с ним все еще шла. Для ласкового старичка, сидевшего передо мной, я был сыном побежденного.

Пусть шестое сословие само по себе враг, оно – страшное оружие против внешних врагов, да и против прочих внутренних тоже. Им только надо уметь пользоваться. Я знал, что должен этому научиться.

Но если Кайсен осмелился некогда унижить моего отца...

Я улыбнулся господину Кайсену – благосклонно, немного смущенно, едва не почтительно.

– Ритуал следовало провести раньше, – сказал Великая Тень. – Но я счел, что нужно дождаться возвращения Эррет.

Та кивнула. Она смотрела на меня, и в глазах ее прыгали веселые искры. Кажется, происходящее ей нравилось.

– Садитесь, дамы и господа, – предложила Эррет.

На хрустящей салфетке поблескивало серебряное копьцо. В белой чашке дымился горячий соус, в черной ждал холодный, склянка с тенсактой нежно голубела, бросая блики. Жуки томились и зывали.

– Я знаю, что между вами и моим отцом были определенные разногласия, господин Кайсен, – сказал я.

– Да, – печально согласился старец. – Потому я и предпочел уйти на покой. Господин Данари утвердил на посту Великой Тени другого. Мне искренне жаль, что его доверие было обмануто. – Господин Кайсен вздохнул. – Но я ручаюсь, что подобное больше не повторится. Мы не допустим.

– Да, – сказал я. – Показательные выступления ваших подручных очень впечатляют. Как и учения полицейских отделов специального назначения и армейские смотры. А еще есть Комитет Высшей магии, они просто чудеса творят. Да и дворяне присягают защищать ценой жизни... Иной раз мне хочется знать, сколько же организаций занимаются моей безопасностью и способна ли хоть одна из них на самом деле меня защитить.

Повисло молчание.

Старцу трудно было смотреть прямо, тяжелые веки опускались сами собой, и Великая Тень откидывал голову назад. Улыбка стекла с его лица.

– Я слушаю вас, господин Данари.

Игры кончились.

– Где были все эти замечательные люди, когда погибли мои родители? – спросил я, обводя взглядом новых Теней сторон света. – Несравненные специалисты, несомненно. Вам разрешили удалиться на покой, господин Кайсен, я помню. Где были они?

– Учили юнцов, – ответила Эррет вместо него. – Лучшие мастера должны заниматься обучением молодежи, такова была позиция тогдашней Великой Тени. Здравая позиция, не придраться, но у нее имелась и оборотная сторона.

– Расследование закончено? – спросил я.

– Да. – Теперь Великая Тень говорил сухо и четко: отчитывался. – Аналогий системе не было. Применялись новые технологии, в частности, взрывчатое вещество, не имеющее отношения к магии.

– Это возможно?

– К сожалению, да. Теперь нам придется это учитывать. Взрывчатый порошок находился в организме четырехлетней девочки, подносившей господину Данараи цветы. Скорее всего его смешали со сладостями, которыми накормили ребенка, хотя остается и вариант введения под кожу. Для того чтобы организм не отторгал вещество, использовались схемы Первой магии. Они не запрещены и не отслеживались агентами охраны как полицейскими, так и тенями.

Я молчал.

Мрачный замысел только сейчас открывался во всем цинизме. Первая магия примитивна и оттого безопасна, с ее помощью можно разве что отравить, и то без большого успеха. Весенние торжества – веселый праздник для детей и взрослых. Сам верховный маг обеспечивает хорошую погоду над столицей. По улицам ходят ряженные, на площадях и в скверах выступают музыканты и актеры, башни украшены лентами и флагами. Частным колесным парови-

кам запрещен въезд в центр города, всем, кроме одного – с гербом дома Данари. Когда паровик медленно, как улитка, ползет по главным улицам, приветственный крик бывает порой невыносим, но даже мой суровый батюшка никогда от того не сердился. Самому бдительному стражу не пришлось бы в голову отгонять от машины малыша с пучком цветов. Приречный бульвар, праздничные толпы...

Двести человек погибло, частью на месте, частью – из-за давки, когда перепуганные ринулись вниз по улице. Многие до сих пор не покинули госпиталей. Многие искалечены.

Сандо Улентари жив и не в тюрьме...

Бомбистов повесили, но кому и много ли было пользы от того, что кто-то заплесал в петле? Большую часть погибших от взрыва оказалось невозможно поднять: они не смогли даже попрощаться с родными... Официально доказать причастность князя к преступлению было крайне трудно, почти невозможно, но хуже то, что этого делать и не следовало. Слишком много политических соображений.

Я понимаю, что Эррет убила двух ворон одной свадебной церемонией. Но я, наверно, слишком просто устроен. Я бы предпочел удавить его своими руками.

Великая Тень ждал. Прочие точно одеревенели вокруг стола, не поднимая глаз. Сейчас они действительно напоминали теней.

– Благодарю вас, я понял, – сказал я. – Согласен, это действительно невозможно было предугадать и предотвратить. Закончено ли расследование гибели княжны Мереи?

Господин Кайсен встревоженно поднял глаза.

– Что? Господин Данари, это был несчастный случай...

– Таково полицейское заключение. Я неоднократно слышал, что ваши функции отчасти дублируют полицейские, но незаменимы в силу особой специфики. Расследование проводилось?

– Нет, – сухо ответил Великая Тень.

– Гибель моей невесты сочли инцидентом, не заслуживающим внимания?

Эррет напряглась, быстро оглядываясь. Лица бесфамильных заметно побледнели. Линия рта Кайсена стала жестче, глаза заволокло льдом. Стало отчаянно тихо.

– Это непростительное упущение, господин Данари, – вполголоса произнес Великая Тень.

– Что вы предлагаете?

Старец пожал плечами.

– В мое время нравы были просты, – сказал он. – Допустившего промашку сажали на кол, – и медленно улыбнулся.

«Великая Тень собирается по обычаю откупиться жизнями низших? – подумал я. – Глупо было бы успокоиться на этом». Я прикрыл глаза. Поднял со стола копьцо. Увы, соус остыл и загустел, вкус ушел...

– Я люблю это место, господин Кайсен, – сказал я. – Здесь замечательно готовят жуков. Но я не пойду на кухню и не стану выпытывать у повара его секреты.

– Понимаю.

– Структура не работает так, как надо. Мне нужно, чтобы она работала. Как вы этого добьетесь – ваше дело, Великая Тень.

Кайсен испросил разрешения и удалился, тяжело опираясь на трость. Тень Востока Ивиль, поклонившись, вышла за ним, на прощание еще раз окатив меня зеленым огнем невозможных глаз. Я смотрел им вслед. Потом наколот на копьцо жука, обмакнул в остывший белый соус, в нагретый черный, и без аппетита прожевал.

Эррет вздохнула. Данва неожиданно улыбнулась. Дамы некоторое время переглядывались, а потом Фиррат постучала ножом по краю бокала и на весь зал потребовала:

– Девочка, повтори заказ господина Данари! И мой тоже – не люблю холодное мясо.

Я против воли уставился на блондинку, чем она немедля воспользовалась, многозначительно поведя бровью. Эррет нахмурилась.

– Вы сильно выросли в моих глазах, господин Данари, – сообщил Ларра и выпил с таким видом, будто принимал лекарство. Я все больше утверждался в подозрении, что он не прикидывается похмельным, а и впрямь вчера от души покутил.

– Я польщен, – холодно сказал я. Вот уж большая честь – принимать комплименты от шестого сословия.

– Не считите за фамильярность, – сказал Тень Запада, едва заметно морщась; пальцы его дрогнули, точно он собирался потереть висок и сдержал себя. – Я все же медик. Психоаналитик.

– Кто? – искренне удивился я.

Ларра усмехнулся.

– Помогаю людям решить проблемы, которые здесь. – И он не без удовольствия потер висок. – В случае необходимости усугубить проблемы тоже могу.

– В Аллендоре это теперь модно, – подал голос Анартаи, разглядывая свои ногти. – Особенно среди молодых дам, что замужем за богатыми стариками. Полутемный кабинет, мягкая кушетка, мужественный доктор...

«Еще одно слово, и я тебя...» – выразило лицо Ларры.

«Да ты все только обещаешь...» – ответили смеющиеся глаза северянина.

Данва захихикала.

– Не обращайтесь на них внимания, господин Данари, – сказала она, одарив меня еще одним игривым взглядом, пока соратники строили друг другу рожи. – Ларра хотел сказать, что вы, несмотря на молодость, вполне соответствуете вашему высокому положению. Нам всем радостно это видеть, а наш старик так просто счастлив, как дитя.

– Да, – согласилась Эррет, неприязненно на нее покосившись. – Я тоже заметила.

Тут я окончательно перестал что-либо понимать.

Бесфамильные господа вели себя донельзя развязно; Великая Тень и тот держался почти-тельней. Глупцами Тени сторон света быть не могли никак, следовательно, все это что-то значило. Признание Ларры заставило меня насторожиться и принять наивный вид: играть на одном поле с мастером медицинской беседы было слишком опасно. Шестое сословие хотело указать мне на место, рассчитывая, что я окажусь так же мягок, как мой дед? Или они дразнили меня, прощупывая почву? Мороз подрал по коже, когда я до конца осознал, какую огромную и опасную поставил себе цель.

И все же цель эта была далека, отчего позволяла порой о себе забывать. Но Эррет! Почему Эррет так вела себя? Уж ей-то нечего было страшиться теней, скорее наоборот. Или это очередная стратегия, слишком сложная, чтобы я ее разгадал?..

– По-моему, я устроил ему разнос, – простодушно недоумевал я. – Не очень учтиво с моей стороны, конечно, я ему во внуки гожусь, но это моя обязанность...

– Мори, – ответила Эррет, глядя на меня ласково, как на дурачка. – Пятьдесят лет прошло с тех пор, как последний раз кто-либо осмеливался устроить разнос Великой Тени Кайсену.

Учтливое прощание с бесфамильными господами она взяла на себя; я улыбался и кивал, как восточный болванчик. Тени держались по-прежнему нагло, один Ларра, возвращаясь в образ доброго доктора, вежливо раскланялся. Эррет развлекалась тем, что бросала грозные взгляды на Тень Юга, которая, в свою очередь, бросала игривые взгляды на меня. Я терпеливо ждал, когда мы останемся наедине. Желая пощадить чувства Эррет и дать ей отдохнуть, я собирался отложить деловые разговоры, но она, кажется, находилась в превосходной форме, в отличие от меня. Мне многое нужно было обсудить с ней, и я хотел с этим поторопиться.

– Чтоб вам всем пусто было! – в сердцах сказал я, когда тени удалились. – Нельзя было обойтись без сюрпризов?

Эррет усмехнулась.

– По-моему, у тебя прекрасно получилось, – сказала она. – Кайсен от тебя в восторге, а это большое дело.

«В восторге? – подумал я со злостью. – Стало быть, я достаточно хорошо сыграл дурачка. А сыграл ли? Теперь господин-тень полагает, что меня можно водить за нос, – и это лучшее, чего я мог добиться. Как все это недостойно!» Я напомнил себе, что уже поставил целью изменить положение вещей, оставалось только идти к этому. Но все же как тяжело было отцу...

– Ты даже не представляешь, – продолжала Эррет, – сколько бы у нас возникло проблем, реши он, что ты не соответствуешь должности.

Это стало последней каплей. Я взорвался.

– Эррет! Какого, извини меня, беса кто-то будет решать, соответствую я должности или нет? В особенности – тень?!

– Вот как раз тень-то... – задумчиво уронила Эррет, и я смолк.

Некоторое время назад прежний глава Дома Теней решил, что на месте моего отца лучше быть кому-то другому. Прошел год или два, и стало по его воле. Просчет лишь в том, что в жилах этого кого-то – меня – тоже течет кровь Данари. Могло быть иначе.

И даже это – только ряска на болоте. Истинные намерения шестого сословия скрыты глубоко в тине. Вполне возможно, что Кайсен, желая избавиться от Данараи, просто посадил временно на свое место исполнителя, которого потом сдал и сам же казнил... Сандо Улентари наверняка думал, что использует теней, а они могли даже не считать его за союзника – лишь за прикрытие. Впрочем, это не делает его вину меньше.

– Не тревожься, Мори, – ласково сказала Эррет. – Выбираю я, а мой выбор – ты.

– Дом Данари.

– Дом Данари, пока он рождает достойных.

– Мой отец погиб.

– Значит, так было нужно. Ты не принадлежишь себе, Мори, как и он, как и все твои предки с тех пор, как одна из Эррет сделала выбор. Такова судьба твоего дома. Если Данараи и Рианнет не прожили своего срока на земле, тому была причина. Пройдет время, и мы поймем.

– А сейчас понять нельзя?

– Нельзя.

Я замолчал. Какое-то время я просто ел. Думать об этом я собирался позже. Сейчас лучше всего было бы сменить тему. Ни я, ни Эррет не любили говорить о Лаанге, но в сложившихся обстоятельствах разговор о нем мог сойти за безобидную светскую беседу...

– Ты истинный арсеит, Мори, – внезапно сказала Эррет.

Я не без удивления поднял глаза.

– Рескит создает, а Арсет упорядочивает. – Эррет откинулась на спинку стула. – Ты хочешь все упорядочить, а я в этом не нуждаюсь.

– Это к чему?

– К шестому сословию. Ты удивлен, что я им благоволю? Они порождение хаоса, и я – тоже. Мне удобно управлять ими и через них.

– Еретичка, – сказал я с безнадежной улыбкой.

– Мне можно, – с удовольствием ответила она.

Я опустил копьцо на тарелку.

– Лаанга – тоже порождение Рескит, – заметил я.

– А это к чему? – Эррет улыбалась.

– Утром я говорил с Онго.

– Он отправился вместо тебя на острова?

– Да. Сперва сообщив мне, что Лаанга чем-то обеспокоен.

Лицо Эррет переменялось, улыбка поблекла. Она прикрыла глаза и долго сидела, не шевелясь.

– Мы обсудим это позже, хорошо? – наконец произнесла она извиняющимся тоном. – Я сейчас... не готова.

– Хорошо. – Я кивнул. – Но это действительно следует обсудить. Мне не по душе ждать, когда все прояснится само собой. Когда все проясняется само собой, обычно бывает уже поздно.

Эррет вздохнула, потупившись, и улыбка снова осветила ее лицо.

– Ларра прав, – сказала она. – Впрочем, я поняла это гораздо раньше. Ты действительно хорош. Я знала, что ты произведешь впечатление на Кайсена.

Я усмехнулся.

– Ты тоже хороша. Чтобы обезопасить государство от происков Улентари, нужно поставить во главе Дома Теней урожденного князя Улентари... Парадоксально, но как красиво!

У старого князя Гебертаи Улентари было два сына – Кайто и Ристо. Старший из них годелся младшему в отцы и любил его как отец, младший же отвечал брату искренней привязанностью. Однажды во время охоты Ристо спас старшему брату жизнь. Лошадь Кайто во время бешеной скачки свалилась в овраг, княжич сломал шею и умер бы глупой смертью, не окажись поблизости младший брат. Ристо был неплохим магом и сумел наложить нужные медицинские заклятия в первые миги после несчастья.

Гебертаи скончался в преклонном возрасте; он сполна вкусил сладости жизни и завещал не поднимать себя, стремясь насладиться отдыхом и сном. Кайто стал главой дома. Шли годы. Княгиня оставалась бездетной, в то время как супруга младшего брата дарила тому детей одного за другим. Кайто встревожился. Он распорядился обследовать супругу – и жестоко пожалел об этом: врачебное заключение свидетельствовало, что княгиня совершенно здорова. Бесплоден оказался сам Кайто. Слова медиков не дарили надежды: и магия, и медицина бессильны были исцелить его печальный недуг. В прежние времена князь мог закрыть глаза и не увидеть любовника княгини, в крайнем случае пожертвовать благорасположением тестя и дать ей развод, но теперь, невольно раскрыв врачам то, чему следовало стать тайной, он оказался беспомощен.

Кайто наследовал его старший племянник.

Какое-то время князь говорил об этом с грустной, но доброй улыбкой, и мир между братьями оставался нерушимым. Почти не скрываясь, князь посещал горничных, белошвеек, мещанок, но ни одна не родила от него, хотя многие пытались обмануть, пригуляв ребенка со стороны. На какое-то время князь совершенно смирился со своей судьбой – но потом человек ли, бес ли напомнил ему о том, как младший брат в юности спас его с помощью магии. Не коварный ли умысел лишил его способности зачать?

Долгое время князь Кайто гнал от себя эти мысли.

Ему было шестьдесят пять, когда скончалась полная горя княгиня. В качестве посмертия она избрала новое рождение в иных краях, и никто не мог упрекнуть ее за это. В доме Улентари ей запрещено было материнское счастье.

Князь оплакал ее судьбу и через три дня после похорон встретил на прогулке дочь своего вассала, восемнадцатилетнюю Энгит.

Можно вообразить, что заставило старика Кайто потерять голову: молодая Энгит Веллари была некрасива, но резва и весела как кошечка, и без труда очаровывала юношей, не то что мужчин постарше. Неведомо, чем пришелся ей по сердцу князь. Кайто не стал бы брать девушку силой или приказом, высокое звание княгини Энгит носила бы недолго, ведь все

знали, что Кайто не может зачать наследника. Богатством ее отец едва ли не превосходил господина, так что остается объяснить случившееся лишь любовью, внезапной и удивительной.

Чудом была любовь Энгит – и совершилось чудо. Через год после свадьбы, где Ристо радовался за старшего брата, думая, что молодая жена скрасит его последние годы, Энгит родила сына.

Кайто обезумел от счастья. Дороже всего на свете были для него жена и наследник.

Ристо же скрылся в кругу своей многочисленной семьи, тая злость и разочарование. За многие годы он свыкся с мыслью, что новый князь Улентари растет в его доме. Люди слабы, и не могли Ристо с женой не сказать дурного слова о княгине Энгит, не назвать ее гулящей девкой, а сына ее – ублюдком. «Как ни старайся, все откроется! – сказал Ристо. – Не признают люди Улена неведомо чье отродье. Мой сын будет править княжеством, тот, в котором чиста кровь Улентари!»

Слова эти дошли до Кайто.

До сих пор никому не показывал князь своего сына, боясь за младенца. Никто не знал, что доказательство отцовства Кайто бесспорно. У князя были разного цвета глаза, сын его унаследовал эту приметку.

Заподозрив, что Ристо злоумышляет против его семьи, князь пришел в страшную ярость. Вспомнил он и былые подозрения. Ни доводы рассудка, ни голос чести не сдерживали его больше. «Я должен обезопасить своего сына и сохранить для него княжеский стол!» – так решил Кайто.

И приказал вырезать семью младшего брата.

...По коридору замка шел убийца. Опытный и беспощадный, он имел ранг Белой тени и не без оснований полагал, что в скором времени сменит Тень Юга на его посту. Почти не таясь, шел он, прислушиваясь к едва слышным шорохам; далеко, в обитых шелком и атласом покоях, уже стих шум, лязг оружия, грохот боевых заклинаний. Сильны оказались люди младшей ветви Улентари, домочадцы их стояли за них, точно за родных. Не один из тех, кем гордилось шестое сословие, пал в сражении. Старший сын Ристо, тот самый, которому судьба так долго обещала, но не уделила княжеский стол, погиб как истинный князь и воин, поразив перед смертью многих и многих. И все же приказ Кайто был почти исполнен. Осталось лишь закончить дело, навести чистоту. Много детей наплодили Ристо с женой, и не будет теньям похвалы, если спустя годы явится миру какой-нибудь, чудом спасшийся.

Убийца знал, куда идти и где искать. Недолго шагал он, чутко вслушиваясь в тишину. Вскоре где-то в сумраке анфилады пышных покоев он услышал детский всхлип.

Бесфамильный прислушался, а потом направился на звук, став бесшумным, как призрак. Затаиться здесь было несложно – всюду в замке холодный пол устилали богатые ковры. Много крови пролилось на них в этот день.

Он увидел, что дверь детской полуоткрыта, а сама комната пуста. Неподалеку дверь в чулан, занавешенную шторкой, заперли изнутри и, судя по лучикам света, пробивавшимся у самого пола, чем-то задвинули дверь комнаты для занятий. Было тихо, как в могиле; месту этому и впрямь предстояло стать могилой через минуту...

Белая тень сделал еще шаг – и улыбнулся.

Тянуло жареным мясом.

Перед тем как убежать и попрятаться, дети, должно быть, шалили... по полу детской раскатились мелкие стеклянные шарики, перед беспечно распахнутой дверью протянулась, незаметная на льющемся из окна свету, тонкая леска. Высоко на обтянутой тканью стене темнел след от снятых ножен, а табурет косо стоял посреди комнаты, ни сесть, ни пройти – точно его придвигали, а потом отодвинули.

Из складок пышной, доходившей до полу скатерти смотрело острое арбалетного болта.

Запах усиливался.

Убийца остановился.

– Выходи, князь, – сказал он.

И Андро вышел.

Младший сын Ристо семилетний Андро Улентари стоял перед Белой тенью, бестрепетно глядя ему в лицо. Старинные ножны отягощали пояс. Правая рука Андро сжимала арбалет, маленький, но вполне пригодный для убийства, сработанный для дворянских детей. На левой же руке, прямо на ладони, чернилами выведена была схема заклятия электрического разряда – и кожа под схемой дымилась.

– Стреляй, – предложил убийца, – я поймаю стрелу. Лучше сотри схему, иначе лишишься руки.

Андро молчал, раздумывая. Потом медленно положил арбалет и, не сводя глаз с вошедшего, с усилием плюнул на обожженную руку.

– Не следует готовить ловушки в комнате, где тебя нет, – сказал убийца, – если ты там есть. Из чулана есть ход на кухню, гувернантка пыталась сбежать, но не вовремя. Ее заметили. Окна соединяет широкий карниз. Ты прошел по нему в класс и придвинул к двери свою парту, а потом вернулся.

Андро, не шевелясь, смотрел в бледно-голубые глаза своего учителя.

– У тебя есть один способ выжить, – сказал тот.

– Да, – ответил Андро.

– Что – да? – усмехнулся убийца.

– Да, – повторил княжич Улентари. – Я стану тенью.

– Ты знаешь, что тебе предстоит?

В лице мальчика не было ни кровинки, но черты его оставались неподвижными, и сжатые в ниточку губы не дрожали.

– У меня есть один способ выжить, – сказал он.

Бесфамильный кивнул.

– Князь Улентари из этого замка не выйдет, – спокойно, уже не понижая голоса, сообщил он. – У тебя нет рода. Ты забыл свое имя. Ты – тень Кайсен. Ты понял?

– Да, – четко ответил мальчик.

– Хорошо.

Посланник Дома Теней не торопясь шагнул в коридор.

И в дверях развернулся.

– Но она умрет, – буднично заметил он.

Шелохнулись пышные складки скатерти, покачались и остановились. Метательный кинжал вошел пятилетней сестре Андро точно в левый глаз. Во время разговора с убийцей ее, онемевшую, одеревеневшую от ужаса, брат заслонял собой – но, направившись следом за тенью, открыл тому цель.

Андро застыл как вкопанный.

– Что с тобой? – спросил убийца.

...Княжич не вышел из своей детской.

– Он чрезвычайно не любит своих родственников, – сказала Эррет. – За семьдесят лет лично вырезал половину, но так и не смог их простить. Я его отчасти понимаю. Когда в собственный родовой замок можешь войти только ночью и через канализацию...

– Владея Пятой магией? – Я приподнял бровь. – Полагаю, Великая Тень перемещается менее зловонными способами.

Эррет фыркнула.

– Он стал Великой Тенью не потому, что родился Улентари... хотя как посмотреть. – Взгляд ее затуманился. – Князю сломали предначертанную судьбу. Он был из рода сильных, и он создал себе другую, не менее блистательную. Но ему до сих пор жаль той, сломанной.

Я не ответил. Налил в черный соус тенсахты и сосредоточенно размешивал, пока Эррет, уставившись в потолок, размышляла о чем-то. Судя по складке, залегшей между ее бровей, думала она о Лаанге. Я узнавал это выражение лица – смесь брезгливости с симпатией и опасения с насмешкой. Лаанга внушает весьма противоречивые чувства.

Подростком я много путешествовал по стране, частью по обязанности, частью развлечения ради. Времени на бесцельные странствия у меня не появится еще очень долго, и, вспоминая те годы, порой я досажую. Интересы мои переменялись с тех пор. Удивительно, но в четырнадцать-пятнадцать лет политика, грубая повседневная реальность будоражила мой ум больше, чем красоты легенд и загадки истории. Я равнялся на отца, я еще не хлебнул с нею лиха, она была сопряжена с невыдуманной опасностью, и влекли меня высокомерные Восточные острова, негостеприимные Лациаты, хмурый Улен. Сейчас я предпочел бы побродить в тишине по раскопкам немыслимо древних городов на Севере или полюбоваться берегами великих рек.

Путь к Улену мы держали по воде. Уленакеста старше башен столицы, она строилась не для отрады глаз, а для удержания бунтующих толп: властители Улентари извека были строги с подданными. Черный замок возвышался над гладью озера, величественный и угрюмый, отражение его плыло по сумеречной зыби, и зажигавшиеся ввечеру огни дрожали на воде. Некогда Эртай Великий одолел беспощадного соперника, сделав Улен частью Сердцевинной Уарры, но черные стены помнили о былой славе.

...Я представил, что навеки отлучен от серебряной Данакесты; ветер с Яневы не будит меня поутру, и фонтаны вздымаются не для меня, и звонкие струны-шпили вызывают чужой гимн. Тягостная судьба. Кестис Неггел, Тысячешатенная столица, мирно дремлющая в объятиях рек... Пожалуй, я мог понять чувства Андро Улентари. «Я предпочел бы понимать его мысли, – признался я себе, обмакивая жука в соус. – Но это лучше, чем ничего». В самой далекой перспективе у нас с Эррет одна цель – мощь и процветание Уарры, только Эррет, порождению хаоса, безразлично, сколько крови прольется ради этого процветания и чья это будет кровь. Она сопровождает дом Данари, но с домом Данари случаются Весенние торжества. «Кайсен планировал уничтожить дом Улентари? – предположил я. – В отместку за то, что не имеет права на собственное имя?» Впрочем, мне невместно было разбираться в стремлениях сердца тени. Внутри шестого сословия интриги спутывались в неразъемный клубок, как хвосты «крысиного короля», и только бесфамильные господа могли в такой атмосфере дышать полной грудью.

За углом, на людной улице, рычали моторы, городской гомон нарастал, подобный шуму речной воды на перекатах. Привыкнув к гулу, я перестал его слышать; Эррет тоже погрузилась в раздумья, и происходящее мы заметили слишком поздно.

Нас, разумеется, охраняли; но стояли на страже бесфамильные и действовали они на свой лад. Вряд ли дети Дома Теней допустили промашку, не сориентировавшись вовремя: в их кругу взрослеют рано, да и важное задание не доверили бы неопытным агентам. То ли юнцы решили воспользоваться случаем и на деле выяснить, кто прав в вечном споре шестого сословия с армией, то ли просто получили соответствующий приказ.

Но тех, кто рвался внутрь, нелегко было остановить.

Раздался едва слышный хлопок, оконные стекла на миг полыхнули светом, точно в мостовую ударила молния, потом резко стемнело. Мы с Эррет разом вскинулись. Я машинально вычертил на столе «синего шершня», Эррет взялась за малую ручницу, припрятанную под плащом... Мы увидели гвардейца лишь тогда, когда он пал на колени и с разгону едва не проехался на них по полу.

– Государь!

Я вздрогнул.

– Пакет, – задыхаясь, выговорил парень и взялся за сердце, низко склонив голову.

Эррет выдернула конверт из его протянутой руки, разорвала, вперилась глазами в строки. Я сидел как непричастный, глядя то на нее, то на бледного как смерть рядового. Пальцы сами собой гнули обеденное копьцо в узел. Спohватившись, я бросил его и стер ждущего «шершня».

– Государю императору... – шептал гвардеец, глядя в пол, – сообщение... срочное, от аллендорской Ассамблеи магов... ее высочества Лиринии лично...

Эррет подняла лицо. Черты застыли в невозмутимой маске, глаза потемнели и растеряли лукавые огоньки.

– Государь, – отчетливо сказала она. – Принцесса уведомляет: план провалился, Воин Выси разбужен.

3

В науке простейших приличий наставляют даже детей ремесленников и торговцев, но этот господин определенно и не слыхивал о правилах хорошего тона. Вероятно, они удалились шокированными, только узрев его угреватое рыло. Что там! Рассуждая о предметах, которые он осмеливался затрагивать, последний дурак понизил бы голос просто от страха: ведь рядом полно солдат и офицеров, как на службе, так и в числе зрителей. Можно с торжеств отправиться напрямик в холодную.

Лонси стоял, зажатый в толпе, потел и злился, волей-неволей слушая пустоголового крикуна. Ровным счетом ничегошеньки не видно было из-за голов, и еще обидней становилось от того, что под колени врезался край деревянного уступа. На уступе стояли стеной; чтобы подняться на него, требовались сила и бесцеремонность Оджера Мерау... какого беса опять вспомнился Оджер?!

Лонси едва не застонал.

– А т-ты как хочешь, – высказывался дурак, перекрикивая гул толпы, – но свя-щен-ны-е же тра-ди-ци-и! Веками... ас-свящ...

Собеседник что-то возражал, много тише, и слова его терялись в гуле.

– Рескидда! – восклицал господин ему в ответ. – Я край-не уважаю рескидди, но к чему же равняться на Рескидду? Где теперь Рескидда? Я признаю, что сто лет назад было – ого, Рескидда! А т-ты ат-тветь, где...

Окончание фразы заглушил пронзительно светлый зов горнов. Толпа всколыхнулась, качнулась вперед, Лонси втиснуло носом в чью-то широкую спину, он задохнулся и проклял ту минуту, когда решил подойти ближе к ограждению. Видно отсюда было не лучше, чем с края поля, а вот задавить могли и совсем насмерть.

Господин, впрочем, обладал весьма солидной комплекцией, напору не сдавался и продолжал рассуждать даже под звуки труб, знаменующие начало парада.

– Рескидда пускай остается сама по себе, – величественно позволял он. – А в Аллендоре женщина спокон веку была прежде всего женой и матерью... же-ной и ма-терь-ю!

У Лонси темнело в глазах. Кто-то навалился сзади, но не в попытке протолкнуть Лонси вперед, а мешком, точно лишившись чувств. Давили с боков, аж ребра трещали. Где-то полицейский офицер стал отгонять людей от ограждения дубинкой, и толпа хлынула внутрь себя. «Я сейчас упаду, – подумал Лонси, пытаясь дышать. – Меня затопчут...»

– Эй, Лонши! – смутно послышался знакомый голос. – Пошли-ка отшуда.

– Неле...

Давление усилилось, а потом ослабело. Лонси, борясь с накатывающим обмороком, поднял голову и встретился глазами с насмешливым немолодым горцем. Из-за плеча у того выглядывала Неле.

Их было человек пять или шесть, высоких и крепких таянцев, светлоглазых, с длинными темными гривами. Неведомо как им удалось пронести с собой палки, которые даже издалека весьма напоминали оружие; палками этими они шуровали в толпе точно в зарослях кустарника, нимало не заботясь о чужих переломанных ребрах, и шли плотной группой, словно прочная лодка среди ледохода.

– Пошли быштро! – повторила принцесса Юцинеле, все в тех же зеленых штанах и кожаной безрукавке. – А то шметут!..

Лонси не помнил, как они выбрались из свалки. На пригорке, вдали от авиаполя, тоже былолюдно, но все же не в пример свободней. Здесь, расположившись прямо на траве, пили за здоровье его величества, а в ближних рощицах играли дети и носились собаки.

Маг долго сидел с закрытыми глазами, приходя в себя. Потом сказал:

– Неле... спасибо.

– Это не мне, – с готовностью отозвалась та. – Это Кентаяшу.

Названный, с ухмылкой любуясь колоннами, проходящими по далекому полю, плел косу, не потрудившись перед тем расчесать свои патлы.

– Господин Кентаяс... – пролепетал Лонси, чувствуя себя идиотом. – Позвольте вас...

– А скажи мне, маг, – перебил горец; акцент у него был невыносимый, – покажут ли нам танки Аллендора?

Лонси несколько оторопел. Потом припомнил газетные статьи и осторожно ответил:

– Здесь – нет.

– Почему?

– Танкам нельзя ездить по авиаполю. Покрытие испортят. Танки пройдут по улицам Ройста.

– А отчего бы пехоте не пройти по улицам Ройста?

«Какого беса ты спрашиваешь у меня?» – хотелось ответить Лонси, но он уже пришел в себя и успел припомнить кое-какие сведения по этнологии. Дикий горец видит в нем всех аллендорцев и всех магов разом; конечно, он ждет от Лонси ответа, точно от суперманипулятора. Хорошо хоть, не требует лично устроить ему тут танковый парад и отправить с него дивизию-другую напрямик на воинство Уарры...

– Даже здесь давка, – сказал Лонси. – На улицах люди погибали бы в ней. Кроме того, ее высочество совершит показательную посадку.

– Лиринне? – фамильярно уточнил Кентаяс, и Лонси покорило.

– Да, – сухо сказал маг и отвернулся. – Ее высочество Лириния.

– А зачем? – спросил горец. – И где тот великий воин, которого добыла для вас Юцинеле? Лонси подавился вздохом.

– Штань и шкажи, как у тебя написано, – раздраженно отозвалась горянка. – Перед дверью штань и шкажи.

Лонси закусил губу. Он смотрел то на камень, то на копию манускрипта: схемы не было, одни только возвышенные фразы, и вывести из них точное руководство он не смог бы даже при большом желании. Что делать?..

И пришла спасительная мысль, унижительная, но ясная и почти веселая: а они здесь не для того, чтобы сделать как следует. Они, поддельный маг с поддельной принцессой, для того, чтобы ритуал прошел вкривь и вкось, неловко и наспех, чтобы в древние схемы, как песчинка в шестерни часов, попала ошибка. Чтобы дверь не открылась.

А раз так – пусть будет по слову Неле.

Лонси, согнав с лица кривую улыбку, встал перед отмеченным камнем. Подумал и отошел на пять шагов. Открыл рот...

...моргнул.

Горянка прошла мимо него. Скрючилась в три погибели, заглядывая внутрь усыпальницы. Маг еще дочитывал положенные слова, не чувствуя языка, заикаясь, обливаясь потом, а Неле уже деловито обнюхивала раскрывшийся вход.

Ничего не случится.

– ...во имя магий земли и неба, плоти и духа, малого и большого, – бормотал Лонси, – прииди, восстань, совершись. Окончен спокойный сон, начался день деяний. Именем могущественнейшего света, некогда противопоставившего тебя эманациям зла как щит, как меч, как средоточие добродетели, именем его требую и умоляю. Я, маг Лонсирем Кевы из Ройста, именем Каэтана...

– Шлюньтай ты, Лонши, – пренебрежительно донеслось из усыпальницы. – Я же шкажала – читай текшт. И вшо.

«Это нечестно! – завопил внутри у Лонси перепуганный мальчик, обманутый и осмеянный уличной шпаной. – Так не договаривались!»

«Успокойся! – ответил он себе, пытаясь дышать реже. – Это всего лишь дверь. Печать написана на Третьей магии. Ты и сам мог бы ее открыть. Это еще ничего не значит. Ничего не случится».

Неле вылезла наружу.

– Пахнет штранно, – сказала поддельная принцесса, выпрямившись и отряхивая руки.

Лонси все никак не мог прийти в себя.

– Ну... он там много веков...

– То-то и оно. Лекарштом каким-то пахнет. Чишто.

Маг встрепенулся и тоже осторожно заглянул в темный провал – Неле по пояс, а ему чуть ниже. Из темноты тянуло свежим холодом, но не подземной сыростью и не духом зимы, а чем-то... и впрямь медицинским.

Отгоняя нелепые мысли, Лонси встряхнулся и попытался выстроить хоть какое-то подобие плана.

– Ну дальше что? – дернула его девчонка.

– Что? – оторопело повторил маг, и его пнули.

– Дальше что? – прошипела горянка. – Ш этой ушипальной? Что делать надо?

– Забираться внутрь... – полууверенно сказал Лонси. Лезть во мрак по узкому ходу не хотелось.

Неле его опередила.

– Летят! Летят! – завопил кто-то совсем рядом и, неуклюже топая, побежал на вершину холма – любоваться проходом рыцарской эскадрильи. Лонси обернулся на шум. Длинноволосый студент в кожаной куртке приплясывал, задрав голову, и тыкал пальцем в горизонт.

– Видишь? Видишь? – разорялся он. – Самый первый! У крыла белый конец!

Невозможно было что-либо различить, и сначала Лонси решил, что глаза у студента дальнорзоркие, но вспомнил: и так всем известно, кто ведет эскадрилью. Вокруг зашумели, повторяя имя и титул, повставали на ноги, запрокинули головы. Лонси тоже поднялся. Только таянцы остались сидеть, равнодушные напоказ.

– Это у тебя конец, – грубо отвечали студенту, – а у крыла угол! – И кто-то заливался хохотом.

Небесный грохот нарастал, заглушая все звуки. Офицеры оцепления, стоявшие по краям авиаполя, дали залп из ручниц – не боевой, а праздничный, выбросивший в ясные небеса многоцветный фейерверк вместо сокрушительной мощи «белых молний». Лонси невольно ахнул, когда все вокруг, от земли до неба, облеклось в громадный неосязаемый букет волшебных цветов.

И в тот же миг, рассекая блистающие лепестки, над полем пронесли атомники.

Головы поворотились одинаковым движением – вслед за ними.

Эскадрилья развернулась над лесом. Крайние выполнили фигуру в горизонтальной плоскости, атомник принцессы выписал половину «мертвой петли» и, по-прежнему опрокинутый брюхом кверху, мелькнул прямо над головами, пройдя на бреющем так, что ветер пригнул деревья к земле. Теперь-то всякий различил белые крылья. Зрители непрестанно рукоплескали, кричали белокрылому приветственные слова, нимало не тревожась о том, что не слышат даже сами себя.

Сияние фейерверка никак не могло истаять: бесконечно медленно ниспадало оно на землю, точно чудесный снег.

Стальные ястребы королевства вновь взмыли к самому небосводу, затерявшись в солнечном свете; устремились к ведомой им одним цели, играя в воздухе, словно стрекозы. Даже

грохот, от которого закладывало уши, выносить стало легче – так зачаровывал танец рукотворных птиц.

В конце выступления крайние унеслись вдаль, за горизонт, к запасному полю. Лишь белокрылый атомник в последний раз развернулся и сбросил скорость, заходя на посадку.

Лонси замер, кусая губы. Отсюда, издалека, казалось, что стоит принцессе допустить малейшую неточность, и забитые людом трибуны атомник срежет крыльями, точно косарь траву. Расстояние было довольно значительное, а государственные маги сумели бы в случае опасности выправить курс, и все же на миг сердце Лонси захолонуло.

Но ее высочество уверенно держала штурвал. Атомник опустился легко и плавно, точно скользя по невидимой нити. Моторы стихли, дозволив наконец округе наполниться торжествующим ревом подданных, любующихся престолонаследницей.

Подали трап. Люди на поле виделись даже не фигурками – крохотными точками, и Лонси не знал, на самом деле различает или только в воображении своем видит, как принцесса сходит на землю. Шагает навстречу распростершему объятия отцу, едва заметно пошатываясь от перегрузок, стаскивает с головы летный шлем и встряхивает волосами, обжигаяще золотыми, точно у древней южной воительницы...

Покойную супругу короля Сангрема, Мерисию, при рождении нарекли Мерисет. Она была родом рескидди, третьей дочерью тогдашней царицы, и, значит, царице теперешней престолонаследница Аллендора приходилась племянницей. На риеске, языке мудрецов, детей нарекали именами различных благородных качеств; «мерисет» значило «отвага», и погибла королева так, как не постыдилась бы погибнуть ни одна царица Рескидды, – разбившись на гоночном паровике.

Дочь пошла в нее и лицом, и характером.

Даже в газетах нет-нет, да и мелькало подобострастное «наша Ликрит Железнодорожная». В эпоху Ликрит климат был мягче, боевые колесницы рескидди легко пересекали пустыню, и царство великой завоевательницы простиралось от западного моря до восточного... На севере оно доходило до широты, на которой ныне располагалась столица Уарры, сумрачный Кестис Неггел.

Сравнение Лиринии льстило.

Аллендор еще молчал, безмятежно молчал, созерцая, как император Уарры приводит к покорности дикие племена. Стремление пересечь Лациаты как-либо иначе, чем караваном по горным тропам, казалось не более чем капризом златокудрой принцессы. Отец умолял ее быть осторожней, но престолонаследница, упрямая, как истая рескидди, пренебрегала его советами. Она любила машины, машины куда опасней тех, что предпочитала мать. Все усилия магов-инженеров по разработке новых, более совершенных летательных аппаратов представлялись не более чем прихотью прекрасной принцессы, которой со вздохами и просьбами, но все же потакал обожавший ее отец.

– Ее высочеству не дает покоя слава Иманы, – неожиданно заявил чуть ли не над ухом мага смутно знакомый голос.

Лонси вздрогнул, заозирался и с неприятным чувством узнал того самого мордастого крикуна, который рассуждал о священных традициях. Почему-то Лонси думал, что его пригласили в толпе. Он, должно быть, выбрался следом за таянцами. Маг внутренне покривился.

– Даже рескидди зовут ее Ликрит, – с улыбкой заметил второй, которого прежде не было слышно.

– Ликрит, – глубокомысленно сказал мордастый, – персонаж легендарный. Кто ее знает, была она или нет. Хороша сказка про королевство от моря до моря.

– Но Имана – вполне исторический деятель, – не унимался второй, полный господин с открытым, располагающим лицом.

– Имана Рескидделат была сумасшедшая. Глубоко больная на голову дама, – хрюкнул мордастый. – А с тех пор, как ее высочество близко пообщались с драконом, они и сами...

После чего наконец случилось то, что должно было случиться. Лонси даже улыбнулся: разговор, которому он невольно оказался свидетелем, был ему крайне неприятен, и очень хотелось, чтобы именно это и произошло.

Быстрым упругим шагом к мордастому приблизился высокий офицер в парадной форме королевской авиации. На красивом лице его было написано бешенство. Крикун уставился на авиатора багровыми глазами. Стало видно, что он сильно пьян.

Кулак офицера без замаха влетел в налитую кровью морду.

За спиной Лонси негромко засмеялся Кентайс.

Люди вокруг замерли, стали отступать подальше. Матери прятали за юбками маленьких детей. Кто-то звал полицию.

Мордастый лежал на земле, с трудом помахивая головой. Его тучный собеседник застыл в полупоклоне, умоляюще взирая на офицера. Тот, совершенно спокойный, лишь немного бледный, медленно растирал костяшки пальцев. Лонси, затаив дыхание, ждал, что будет. Наконец офицер усталым движением отряхнул руки и отчетливо выговорил:

– Благодаря этой особе военно-воздушные силы нашей Родины превосходят оные же наиболее предполагаемого противника более чем в два раза только количественно. Будьте любезны, сударь... – и вдруг лицо авиатора исказилось усмешкой, – зажмите носки, – закончил он и развернулся.

Полный господин, стряхнув оцепенение, ринулся подымать приятеля.

– А-а... – одурело хлюпал мордастый. – Э-э... это воз-змутительно...

– Не стоило так кричать... Подумайте, вас могли взять под арест!..

Лонси выдохнул. Конечно, чрезвычайно неприлично было вот так смотреть, зеваки – самые низкие люди, и родители сказали бы ему, что стыдятся. Но родители были далеко. Лонси всегда нравилось смотреть на уличные драки. Это будоражило кровь. А драка, сопряженная с вопросами чести, будоражила кровь вдвое острее.

Подумалось, что офицер вряд ли стал бы мारаться о пьяного дурака, не упомяни тот дракона. Дракон – это была тема весьма щекотливая. Молодые дворяне боготворили принцессу. Во время ее отсутствия сыновья лучших семей Ройста планировали собственную спасательную операцию без оглядки на командование армии. Каждый желал быть тем рыцарем, который спасет принцессу из лап змедемона.

Тем злосчастным утром ее высочество отправилась в семичасовой одиночный рейд до Амм-Лациат и обратно. Лириния честно завоевала звание аса. Машину ее обследовали перед полетом лучшие, лично преданные маги-механики, они клялись, что все было исправно, ресурс израсходован менее чем на десять процентов. Авиаторша же предпочитала не распространяться о причинах аварии. Отказали какие-то схемы или сама Лириния предприняла слишком рискованный маневр, но ей пришлось катапультироваться в самых диких районах Северных Лациат. Отъявленнейшие сорвиголовы-горцы не решались показываться там, где обитал лютый демон, принимавший обличье летучего змея.

Принцесса вернулась сама. Через месяц, на рейсовом паровике.

А спустя какое-то время по городу поползли слухи. Поговаривали, что домой возвратилась Лириния лишь телом, душу же ее дракон оставил себе...

– Лонши, – сказала Неле, оторвав мага от возвышенных размышлений, – а правда, чего они ш Воином шделали? Куда-то увезли.

...он был совсем не злой.

По крайней мере с виду. Неле увидела его, когда глаза привыкли к темноте, и едва не села на пол – таким огромным оказалось облегчение. Девушка сама удивилась, как сильно, оказы-

вається, боялась все это время. Так боялась, что даже до конца не понимала насколько. Она привыкла во всем подозревать подвох и в аллендорских манускриптах его тоже подозревала. Кто их знает, этих равнинников! Они послали за нею с Лонси теней, они решили обмануть богов и великих магов, как же ждать правды?

Пусто было здесь: только пол, стены и ложе из камня. Изнутри холм вовсе не был больше, чем снаружи; почему-то Неле ждала здесь какой-нибудь магии. Потом она присмотрелась и поняла, что стены усыпальницы в таком случае должны быть не толще пальца. «Значит, все-таки есть магия, – с удовлетворением подумала она, – а то не продержались бы тысячу лет!»

Раскрывшаяся в сплошном камне дверь и спящий Воин Выси ее впечатляли меньше.

Позади копошился бестолковый Лонси, стучался головой о своды. Он совсем растерялся, когда у него вышло заклинание. «Надо же быть таким слабым магом», – усмехнулась про себя Неле. Это как если бы она удивлялась, попав ножом в цель.

А Воин спал.

Лежал с полуоткрытым ртом, сопя и вздрагивая время от времени, как будто смотрел сны. Одна рука вяло сжимала полу рубахи, другая свисала с каменного края ложа. Проводник Изначальной силы во сне казался симпатичным и домашним, словно здоровенный пес. Он был не страшный, не величественный и не противный. Обычный парень, только высокий и крепкий, с совсем простым лицом. Похожий на незлого стражника. «Он и есть стражник, – подумала Неле. – Небесный». Потом она подумала, что Воин наверняка знался с Семью Братьями и, может, даже гулял у них на свадьбах.

– А вшо-таки, – вслух подумала она, – как он защитит от Уарры?

За спиной у нее тяжело вздохнул аллендорец.

«Сильный и храбрый, – подумала Неле про Воина. – Наверняка так. Может, такой же храбрый, как мой брат. Но нельзя биться мечом против танка. Что он сделает один против армии? Против атомников?..»

– Он не защитит, – неожиданно сухо и почти злобно сказал Лонси.

По спине побежал холодок. Неле обернулась.

– Почему?

– Он не проснется.

Она совсем об этом забыла.

Ей стало тоскливо. Почему-то мимо ушей пролетели все слова Лонси о том, что они ненастоящие и неправильные, их послали сюда затем, чтобы Воин не проснулся. Запомнилось только, что он может защитить от Бездны. Юцинеле когда-то целую неделю пробыла в плену. Уаррцы не тронули ее и пальцем, не считая того, что лечили, но мертвецы вселяли в нее невыносимый ужас. Время, проведенное среди них, становилось бесконечной пыткой. Неле не смела спать, не смела съесть и кусочка уаррской еды и сбежала, как только поднялась на ноги.

Таянских пленных было там много. Наргияс научил людей, как правильно сдаваться Уарре. Чаары попадали в плен только мертвыми, а своих Неле потом встречала в Верхнем Таяне живых и невредимых. Сбежать от уаррцев несложно.

Но вернулись не все. Юцинеле решила, что тех, кто не успел сбежать, убили и сделали ходячими мертвецами. Уарра – место зла.

И все же Наргияса убили чаары...

Отчаянно грустно было думать об этом. Получалось, что некого ненавидеть за его гибель, некому мстить: чаары сами отомстили себе своей глупостью, навеки исчезнув с лица гор. Армии генерала Эрдрейари вдавили их в камни, впечатали в землю. Если бы можно было за Наргияса ненавидеть Уарру, это помогло бы справляться со страхом. А чаары внушали презрение.

– Что тут написано? – спросила Неле, наклонившись к камню. Буквы были знакомые, хоть и вязались друг с другом престранно. Наверно, древняя риеска. – Я... герой?

Лонси помялся, с опаской косясь на Воина, но все же подошел и пригляделся.

– Нет, – объяснил он угрюмо. – Это его имя. Я забыл правила, по которым читается. Что-то вроде Ятгеро... Атергеро? Адро?... Кажется, «гат» здесь проглатывается...

– А это? Ка... ва...

– Это часть заклития. «Именем Каэтана». – Маг даже не взглянул на камень второй раз. Он смотрел на нее. – Неле...

Та стояла, напряженно стискивая пальцы. Брови ее хмурились.

Воин мотнул головой и всхрапнул со стоном. Что-то недоброе ему снилось.

– Никуда его не увезли, – устало ответил Лонси. – То есть увезли, конечно, вперед нас в Ройст.

Неле сидела перед ним на овчине, внимательно глядя красивыми глазами. Ее соплеменники расхаживали в отдалении, переговаривались певучими фразами на своем языке, и только Кентаяс улегся на траву неподалеку и изредка поглядывал на мага. Лонси подумал, что стоит быть осторожней. Горец себе на уме, мало ли какие выводы сделает из неосторожно сказанного. Подозрения, раз родившись, роились, как мошкара над болотом, и Лонси успел решить, что за ними следят.

Мордастый дурак, что проходилсЯ насчет принцессы, тоже вполне мог быть не дурак, а агент-provocatop.

Насколько бы фальшивыми ни были они с Неле, Воина они пробудили. Что-то пошло не так, как рассчитывала АссамблеЯ.

– Так они жнали, что он прошнетша? – заломила бровь горянка.

– Нет, – ответил Лонси. – Но это тоже предусмотрели. Потому что... через какое-то время он сам мог проснуться. Потому что Уарра...

– Что – Уарра? – мгновенно спросил Кентаяс, до сих пор безмятежно жевавший травинку.

Лонси протолкнул сквозь горло сухой комок. Объяснять Неле физику магии было занятие нелепое и безнадежное, но хотя бы безопасное. Этот же дикарь страшил мага всерьез, как сам по себе, так и ввиду того, что за посланцем таянского каманара наверняка следили тени. Можно было палец поставить на то, что следили.

Тени. Это было обидней всего. Лонсирем Кеви, столичный житель, повидавший всякого, оказался наивней дурочки-горянки. Неле заметила слежку, а он даже не понял, что девчонка пыталась ему сказать.

Они появились, когда Воин непонятного имени, Ятгеро или Атергеро, вышел наружу. Спокойные немногословные люди, безоружные, на удивление свежие, точно не пробирались весь день по кустам, а ждали своего часа где-нибудь в ресторации за чаем и газетой. Один походил на богатого дачника, другой – на мага-механика с железной дороги, третий, изящный господин с бриллиантом в перстне, и вовсе напоминал землевладельца откуда-нибудь из-под Аньяра. Элегантная дама рядом с ним ободряюще улыбнулась Лонси. Она была в перчатках. В убийственную жару, в диких безлюдных местах, она была в туфлях, перчатках и шляпе, и перо на ее шляпе качалось пышное, точно прямиком из лавки...

– Добрый день, господин Кеви, – сказал тот, с перстнем, пока маг пялился на его спутницу. – Вижу, события пошли не так, как задумывалось?

Лонси стоял столбом до тех пор, пока Неле не сказала ему в плечо:

– Это тени. Тени Ройшта. Я же говорила...

– А... – жалко пискнул маг.

– Не волнуйтесь, – сказал господин с перстнем. – С этой минуты ответственность за происходящее несем мы. Господин Кеви, госпожа Юцинеле, спасибо, вы можете быть свободны.

– Куда это мы швободны? – мрачно поинтересовалась Неле. Лонси только рот разевал, как живая рыба на разделочной доске.

– Лошади ждут, – мягко сказал изящный господин. – Аллендор благодарит вас за помощь. Ваша миссия окончена.

– Что еще жа мишия? – Голос Неле был ледяным, но шепелявый выговор делал ее злость комичной. Дама в шляпе весело улыбнулась...

...Воин Выси поднял голову.

До сих пор он стоял тихо, сутулясь, глядя в землю мутными глазами. Наверное, непросто было пробудиться от тысячелетнего сна, в особенности – если будили тебя не те и не так. Лонси не успел даже разобраться, как это должно было произойти. Подняла Воина Неле, притом самым непочтительным и незамысловатым образом: потрясла за плечо и заорала прямо в ухо: «Шоня! Вштавай!»

Здоровенный небритый парень с тяжелой челюстью и опухшим со сна лицом держался за ее руку, как ребенок. Сиреневые глаза Юцинеле сощурились, запылавав гневом, – и Воин поднял голову, окинул недобрым взглядом застывших теней...

Дама покачала головой, печально поджав губы. Господин с перстнем вздохнул и поднял левую руку. Лонси успел опознать заклятие по началу схемы. Вторая и Четвертая магии, тотальный контроль над сознанием.

Очнулся он верхом и на полпути к станции. Долго еще покачивался в седле, пытаясь вспомнить, кто он и как оказался здесь. Заклятие продолжало управлять им, даже когда он полностью осознал себя. Господин-тень был великим магом, несомненно...

Неле опомнилась только в паровике.

– Что – Уарра? – небрежно, с праздным интересом переспросил Кентаяс.

Лонси только набрал в грудь воздуха, подыскивая слова, а Неле уже скрестила ноги, стиснула пальцами грязные щиколотки и возбужденно заговорила. Кентаяс слушал ее, усмехаясь.

– Теперь такое время, – сказала горянка. – Великие шилы поднялишь и пошли друг на друга. Люди одержимы духами и чарами и желают крови. Ночь пожирает день. Но Отец-Шолнце пошлал великого воина, чтобы битша с нею. Он шпал до поры, пока не было нужды битша с великой шилой. Теперь он прошнулша и будет битша. Это Уарра, потому что там гнеждитша жло. Там Беждна!

И Неле скорчила рожу.

Ее соплеменник хмыкнул. Покосился на мага. Лонси испугался, что тирада Неле его не удовлетворила и горец сейчас заставит его объяснять заново.

– Империя пробудилась и поползла вширь, – до странности равнодушно сказал Кентаяс. – Но не всем это по вкусу. Вот что это значит.

– Д-да, – кивнул Лонси, поглядев на него не без почтения. – Так.

– Люди будут биться против ночи, – сказал горец и перевернулся на живот. Светлые глаза, пронзительные, точно взгляд господина-тени, нашли глаза мага. – И Аллендор больше не останется в стороне.

Лонси молчал.

Он не имел к происходящему никакого отношения... ну, почти никакого, но ему стало стыдно. Безусловно, горец обладал проницательным умом, и все же ум Кентаяса был ближе к сметке дикаря, нежели к политической искушенности. Истекая кровью, Таян дрался за свою свободу; люди гор стояли против самой Бездны, держались из последних сил, и Аллендор, Королевство Выси, был их надеждой...

Лонсирем не много понимал в политике. Он просто, как любой образованный человек, читал газеты и потому знал, что двум величайшим государствам жизненно необходима дорога через Хребет Мира. Чем бы ни являлась Уарра в контексте магии, Аллендор со всей опреде-

ленностью предпочитал спокойную торговлю любым столкновениям, предписаны те высшим временем или нет. Горцы были проблемой и для его величества, и для повелителя Уарры. Аллендорские дипломаты долго и безуспешно пытались договориться с надменными каманарами, уарры делали то же самое, разница заключалась лишь в том, что терпение у императора Данарай закончилось раньше, чем у короля Сангрема.

И еще – в том, что Уарра способна была позволить себе затяжную войну.

Война могла ослабить империю или усилить ее. Аллендор истово желал первого и потому помогал горцам оружием. Остальное было вторично, как это ни оскорбительно для Изначальных сил. Начало нового цикла пришлось на самое неудачное время. Трансцендентное вмешивалось в политику и экономику. Прежде людям не оставалось бы ничего иного, кроме как смириться с этим, но за время последней «зимы» случился гигантский рывок прогресса, а война стихий должна была на земле проявиться в войне государств; ужасная и всесокрушающая, она отбросила бы цивилизацию далеко назад, в дикость и невежество.

Владыки мира приняли решение: любым способом избежать войны.

Лонси не мог знать, что теперь будут делать великие маги и государственные мужи по обе стороны гор. Но не требовалось семи пядей во лбу, чтобы догадываться – вряд ли их планы изменятся.

– Хорошо, – сказал Кентаяс с полуулыбкой. – Мы поедем в Ройст, Юцинеле. Аллендорские летуны хороши, но я хочу посмотреть на танки. Юнэ обещала нам пир в честь аллендорского каманара. Не опоздай, а то будешь есть с женщинами.

Он хохотнул и поднялся. Неле скривилась, неприязненно глянув ему в спину.

– Нужны вы мне... – одними губами сказала она.

Лонси смущенно отвел глаза, сделав вид, что ничего не заметил.

Парад окончился, и пубрики на холмах стало меньше. Оставшиеся, уже не таясь, доставали корзины со снедью: погожим летним деньком по случаю праздника хорошо устроить пикник. Государственные маги перестали удерживать погоду, отправившись по домам на собственные пирушки. С севера потянулись облака, но тепла и солнца должно было хватить еще на несколько часов.

Неле сидела на овчине, понурая и безмолвная. Лонси сочувственно покосился на нее. Кажется, соплеменники не слишком ее жаловали... Тут и там бродили торговки с тележками, маг окликнул одну, купил пирожков и шипучей воды. Кажется, горянка удивилась его заботе, но угощение приняла и шепеляво поблагодарила.

– Неле, – сказал Лонси, жуя, – ты... ничего особо не хочу сказать, но, может, посидим тут еще? Погода хорошая.

Девушка хмыкнула.

– А што ты домой к шебе не пойдешь? У тебя ж шемья ешть...

Лонси помолчал.

– Я тебе обещал про магию рассказать, – напомнил он, когда пауза стала слишком длинной. – Будешь слушать?

– Ага...

Лонси дожевал пирожок и глотнул воды.

– Есть пять магий, – сказал он. – Первая еще называется деревенской, потому что она самая простая, ее знают даже ведуньи и знахари в селах. Вообще-то она немного ненастоящая.

– Как мы? – спросила Неле с грустью.

– Ну да, – ответил Лонси и смешался. – В общем... бывает, человек просто верит, что заклятие поможет, – и оно помогает, хотя силы в нем нет. Талисманы делают с помощью Первой магии. Всякие простенькие заговоры. Порчу наводят. В Первой есть элементы, ну, кусочки других магий. Вторая магия – это магия мыслей. Когда нужно управлять человеком или живот-

ным, внушить что-то, заставить чувствовать, думать, видеть то, чего он не хочет, то, чего нет, или наоборот, – это Вторая магия. Третья – это магия сил природы. Огонь, вода, земля, воздух, электричество. Когда маги разгоняли облака над полем, они применяли Третью.

– А когда ручница стреляет, это тоже Третья?

– Точно.

– А Четвертая?

– Четвертая – это... само устройство природы. Это очень трудно объяснить, Неле. Я даже не знаю, как сказать. Вот смотри: можно летать, управляя ветром. Но это неудобно. Тяжелую вещь ветер не поднимет, да и упасть рискуешь. А если летать с помощью Четвертой, то ты как будто бы не зависишь от сил природы. Земля не притягивает тебя к себе.

– А Пятая? – подалась навстречу Неле. – Еще сложнее?

– Нет, – сказал Лонси. – Пятая – проще. Пятая – это время, пространство и жизнь. Маг был здесь, и в ту же секунду оказался далеко-далеко, за горами и морями. Оживил мертвого. Но Пятой владеет очень мало людей. По-настоящему Пятой магией могут пользоваться только Великие маги Выси и Бездны... вот так. – Лонси прикусил губу и невпопад закончил: – Я, наверно, домой не пойду сегодня...

Неле подняла голову. В прекрасных глазах брезжила тихая грусть.

– Почему?

– Мои родители... они много работают, но сегодня не станут. А я у них один. А им меня видеть грустно.

Лонси не знал, зачем говорит это Неле, с чего вдруг переменял тему. Что-то близкое почудилось в девушке. Аллендорцы не слишком приветливо принимали таянских гостей; сказать по правде, и Лонси не очень порадовался, когда ему навязали в спутницы щербатую дикарку, – а соплеменники, оказывается, сами относились к Неле без большой приязни. Родители приходили в отчаяние от одного вида Лонсирема. Оба они с Неле были ненастоящие, поддельные, не нужные никому, и сиреневые глаза горянки, отражая небесный свет, делались бездонными и завораживающе красивыми, и лицо ее уже не казалось таким неприятным, и щербатый рот не отталкивал... Лонси, робкий и воспитанный в строгости, подумать не смел о связи вне брака, но чем старше он становился, тем ясней понимал, что вряд ли отыщется девушка, согласная стать его женой. Неле – она вроде него самого...

Дальше мысль идти отказывалась. Нежной дикарка отнюдь не казалась, и в глубине души Лонси ее побаивался. Ножи эти. Прирежет еще, кто ее знает.

– Почему грустно? – спросила Неле; в голосе ее звучало сочувствие. – Потому что ненастоящий?

Маг вздохнул.

– Да. Они сильные маги, Неле, очень сильные. Они думали, что я тоже таким буду. А я... – И он развел руками. – Я ведь потому в толпе и оказался, что не хотел им глаза мозолить. Они на трибуне сидели. Нам приглашительные билеты прислали на почетные места. А я не пошел с ними.

– Нам тоже пришлали, – неожиданно сказала Неле. – И мы не пошли. Чего это, там сидеть, чтоб они вше пялилишь. Мы что, диковины какие?

– Ну и правильно, – понимающе, с созвучной неприязнью согласился Лонси. – Ну их всех.

– А что, – сказала горянка, – ешли ты такой родилша нешпошобный к магии, почему ты в маги-то пошел? Ешть же вшакие жанятия. Хорошие.

Лонси беспомощно развел руками.

– Это не сразу понятно становится, – ответил он. – Очень долго все думали, что я сильный. Я учусь быстро, в детстве много заклинаний знал. А потом оказалось, что большие, сложные дела мне не по силам... Когда я резкзаменовку завалил, думал, повешусь.

Неле не знала, что такое резкзаменовка, но догадалась, что она значила для аллендорца.

– Большой штыд? – шепотом спросила она, тревожно приподняв брови.

Лонси самому неловко было от того, что он так разоткровенничался. Но девушка его понимала, не думала насмеяться и даже приплетенную для красного словца петлю восприняла всерьез.

– Стыд, конечно, – тихо сказал Лонси. – Но... его я бы пережил. Вот только мама...

– Что?

– Она сказала... – Он запнулся. – Неле, у тебя ведь есть брат? Вот представь... – Лонси в мучительном стеснении отвел глаза. – Если бы он сделал что-то дурное... и мать сказала ему, что он... позор для своих предков, жалкий человек и недостойн называться ее сыном, – что бы он сделал?

Неле подумала немного и совершенно спокойно ответила:

– Он бы ее убил.

Та ночь врезалась в память раскаленным тавром. Неле разбудил шум: отовсюду бежали с факелами, что-то кричали невпопад. Никто не удосужился бросить женщинам хоть пару слов, и потому сестры кинулись к Неле, умоляя выйти наружу и разузнать, что случилось. Их бы затолкали там, в суматохе, а если, как кто-то вопил, на селение и впрямь напали, речь шла о жизни и смерти. Глупую девку, не ко времени выбежавшую с женской половины, могли ударить кулаком в сердце и убить; даже дочерям каманара грозила такая участь. Но в случае серьезной опасности только бегство давало крохотную надежду на спасение. Визжащих от страха женщин и в комнатах перерезали бы враги, или свои – чтоб не достались врагам.

Отрывая от себя руки сестер, мокрые, точно слезами заливались даже их ладони, Неле молча кривилась. Иной раз она даже радовалась, что родилась настоящей женщиной. Невозможно представить, что и она вот так, чуть что, начинала бы выть и рыдать. Наконец Юрале и Юстиле получили от младшей сестры по вразумляющей оплеухе, притихли и покорно отправились к матери.

Неле не пошла во двор, предпочтя выбраться на крышу. Видно оттуда было лучше, а толкаться среди громадных мужчин девушка не собиралась.

Факелов вынесли уже достаточно. Неле смотрела и посмеивалась, воображая, как взгреют дурака, что не узнал своих. Брат с верными воинами подолгу оставались в пещерах Верхнего Таяна, выходя оттуда в набеги, и частенько они возвращались в новых доспехах. Но не узнать Таянского Демона...

Неле неистово обожала старшего брата. Во всем камане лишь двое обращались с нею так, будто она была настоящим воином, но эти двое стоили двадцати тысяч. Первым был Наргияс, и Наргияса она любила как отца; родной отец слишком пугал ее, чтобы его любить. Вторым же был Демон Высокогорья, непобедимый, великолепный, беспощадный, внушавший ужас всем – кроме немногих соратников, мудрого Наргияса и любимой младшей сестры.

Наргияс, учивший Неле воинскому искусству, запрещал ей ввязываться в поединки; она и сама бы ни за что не полезла, но те, кто хотел посмеяться над нею, не спрашивали ее согласия. Как-то один весельчак взялся гонять ее и сильно избил. Неле, одуревшая от боли и усталости, не поверила глазам, различив сквозь кровавый туман очертания знакомой фигуры; думала, бредит, но шутник заметил тоже...

– Должно быть, моя сестра – храбрый воин, если победа над нею для тебя почетна, – улыбаясь, сказал ему Итаяс. Он стоял у границы круга, в котором проходили поединки, безоружный, и был прекрасен, точно один из братьев-богов.

Насмешник отшатнулся, неловко переступив, и едва не упал; в тот день Неле впервые в жизни увидела, как у взрослого мужчины ноги подкашиваются от страха.

...Ворота отворились, и он, не думая спешиваться, въехал во двор. Пламя факелов, закрепленных в шипастых гнездах по стенам, металось в ночи, алые тени дрожали на его лице

и распущенных волосах, стальные накладки на доспехах и конской сбруе точно плавилась в огненном свете. Домочадцы каманара выходили навстречу, и гомон стихал. Постепенно двор заполнился; люди жались к стенам, не сводя с Итаяса полных ужаса глаз.

Неле подалась вперед. Дыхание замерло в груди.

На седле перед братом, прямая, словно меч, смертельно бледная, но без следа слез на лице, сидела самая чудесная красавица, которую только видела Неле в своей жизни. По толпе побежал шепоток, другой; Неле напрягла слух, различить, конечно, ничего не могла, но быстро догадалась, кого привез брат. Речи о ней, как ручьи, бежали от камана к каману. Правнучка одного из дзерасских старейшин, Мирале, прекраснейшая невеста гор... Кое-кто говорил, что неплохо бы принести ее в жертву богам: нельзя людям обладать такой красотой, она принесет несчастье. Но прадед ее был силен и любил правнучку как сердце свое – так любил, что дал ей право самой выбрать из тех сотен мужчин, что желали взять ее в жены.

Дурное то было решение: отказал старику разум, любовь возобладала над мудростью. Сотни гордых витязей, не только дзеры, многие воины многих каманов были оскорблены. Мирале выбрала не отважного, не прославленного, не могучего – выбрала хромого бедняка, которого когда-то приютил ее прадед по увечию и сиротству.

Много печалился старейшина, много качал головой. Долго говорил он со счастливецом, но не робкого десятка оказался хромец, не предал невесту, не взял золота, да и понял старик, что любит он Мирале так, как никто другой не будет любить.

...Вороной жеребец стал как вкопанный посреди двора. Итаяс спешился и бережно принял на руки полуобморочную Мирале. Сердце Юцинеле странно дрогнуло... и немедленно, закусив губу, девушка поклялась, что будет любить невестку больше родной сестры и служить ей служанкой. «Она утешится, – подумала Неле почти весело, – она, конечно, капризная, своенравная, потому что красавица. Но она поймет. Он... ласковый». Ногти впились в ладони, побелели костяшки пальцев. Неле смотрела, как брат обнимает Мирале, какая улыбка светится на его прекрасном лице, и дыхание спирало в груди, туман в глазах вставал от отчаянной жалости. Она такая красивая. Неужели она – тоже?..

Итаяс никогда не бил своих жен, ни единого грубого слова они не слышали от него, но каждый год он брал двух или трех новых. Одна за другой они умирали в родах или же беременными; до сих пор ни одна не смогла взрастить его семя. Ненавистники в соседних каманах говорили, что Итаяс не сын Ариясу, что каманар Таяна уступил свою жену горному демону, желая получить непобедимого воина; но как бесплоден отпрыск осла и кобылы, так не может человеческая женщина выносить дитя полукровки...

Послышались тяжелые шаги. По спине Юцинеле катились мурашки. Она прижалась к камню, надеясь скрыться за низкой оградкой крыши. Сердце прыгнуло к горлу.

На крыльцо, прямо под нею, вышел отец. Остановился, скрестив на груди руки.

– Кого я вижу, – негромко проговорил Арияс, и в наступившей гулкой тишине слова его отозвались эхом.

– Здравствуй, отец, – улыбнулся Демон. – Радуйся! У меня праздник сегодня.

– У тебя – праздник? – раздельно переспросил каманар. – Со мною ты думал разделить радость? Хорошо же. Подойди ко мне, Итаяс.

Тот вскинул глаза и крикнул:

– Юцинеле!

Сердце так дернулось, что на миг почудилось: разорвалось, и теперь она умрет. Но брат приказывал, медлить было нельзя. Неле, помертвев от ужаса, заставила себя подняться на ноги.

– Иди сюда, – улыбнулся Итаяс.

Она послушно спрыгнула наземь, перемахнув через оградку крыши. Стараясь даже вскользь не смотреть на отца, подбежала к брату – и в руки ей упало безвольное тело Мирале... Неле едва не выронила ее.

Факелы трещали, свистел ветер, а кроме того, не было никаких звуков.

– Тебе я могу доверить мою невесту, – ласково сказал Итаяс. – Отведи ее в дом, утешь, дай воды и постель. Я скоро приду.

– Стой, – тяжело велел Арияс.

Юцинеле замерла, быстро поглядывая то на одного, то на другого. Невозможно было послушаться отца, но и брату невозможно было не подчиниться! Колени слабели от ужаса, еще немного – и Неле вместе с бесчувственной невесткой осела бы наземь, но вдруг гибкое тело в ее объятиях напряглось, холодные пальцы больно впились в плечо: Мирале, цепляясь за нее, вставала на ноги. Неле попыталась найти ее взгляд, но красавица смотрела в землю. Она не плакала.

Улыбка, искаженное отражение улыбки сына, явилась на лице каманара.

– Мне в моем доме ни к чему чужая невестка, – сказал он. – Верни девушку жениху.

– Я – ее жених.

Луна выплыла из-за облаков. Лик ее был бледен, как лик каманара, а глаза Арияса сверкали подобно двум страшным звездам. Он сошел с крыльца и стоял теперь перед Демоном, глядя ему в глаза – такие же, как у отца, светлые, бешеные.

– Дзеров я хотел видеть союзниками против императора, – сказал каманар. – Теперь для Дзерасса настала пора гнева. Больше Дзерасс не выйдет биться рядом с Таяном. Думал ли ты, что делаешь?

– Я захотел девушку и взял ее, – безмятежно ответил Итаяс. – Она родит мне сыновей.

С ужасом глядя на них, Юцинеле крепче обняла безразличную ко всему Мирале. В лунном сиянии сверкнули перстни, когда рука Арияса взлетела в замахе... Итаяс перехватил отцовскую руку и сдавил так, что серебряный браслет глубоко вошел в плоть. Лицо Арияса перекошилось от боли: кость треснула.

– Благодарю богов, отец, что поднял на меня левую руку, – сказал Демон с неизменной улыбкой. – Много ли стоит каманар, не способный держать меч?

Взгляд Арияса помутился от гнева.

И быть бы смертельной схватке между отцом и сыном, не встань между ними Наргияс...

Эхо давнего ужаса проснулось в груди Юцинеле. Только Наргияс согласны были выслушать оба – отец и сын. Он славился мудростью, он судил справедливо; Арияс не знал жалости и сам это понимал, а еще он понимал, что не всегда людям по сердцу непреклонный правитель. Потому каманар часто соглашался поступить по слову своего побратима. К тому же силы Наргияс был такой, что утихомирить сцепившихся мог не только мудрым словом, но и щедрой оплеухой...

«Что теперь будет? – подумала Неле. – Наргияс убили. Теперь, если брат повздорит с отцом, никто их не остановит».

Потом мысли ее оставили далекий Таян и вернулись на авиаполе под Ройстом.

Кентаяс сказал, что мать Неле собрала для них пир. С тех пор, как Арияс отказался от лона Юнэ, все помыкали ею, как рабыней. Неле сморщила нос. С четырех лет, став ученицей Наргияса, она ходила на женскую половину немногим чаще, чем мальчишки, и мать свою знала плохо. Мать, сестры, младшие жены отца – все они были на одно лицо: трусливые, плаксивые, какие-то блеклые. Неле не нравились женщины гор. Мужчина может насладиться женщинами, а потом получить от них сыновей, и что ему тогда за дело, смелы ли эти женщины, умны ли. Неле мужчиной не была и ничего хорошего в них не видела. Одна только Мирале не походила на прочих. В первый миг она напомнила Неле меч и была впрямь как меч – сияющая и строгая.

Маг Лонси ушел закапывать мусор. Неле подумала, что не очень-то удобно будет тащить домой овчину, но что поделаешь. Может, у кого-нибудь найдется лишняя тесемка – перевя-

зять? Ветер становился все холоднее, облака быстро заволакивали небо, в котором час назад танцевали стальные птицы.

...Когда Неле и другие заложники-таянцы только прибыли в Аллендор, их показали принцессе Лиринии. Даже ума Неле хватило, чтобы понять: король Сангрэм не более чем сидит на троне, правит же королевством его дочь. Уместить это в голове получалось, только помня, что принцесса наполовину рескидди. Про Рескидду в горах знали, что там живут наоборот: женщины воюют, а мужчины сидят по домам.

Золотые волосы Лиринии сверкали так ярко, что слепили глаза, и казалось, что принцесса прекрасна как день. Лишь потом примечалось, что и волосы эти не слишком густы, и лоб у принцессы чересчур выпуклый и высокий, и вместо сладких изгибов в ее теле одни неженские мускулы. Росту же она оказалась вовсе уродливого, выше Кентайса. «Это значит, во всем Таяне один Наргияс выше нее!» – изумленно думала Неле, пока принцесса коротко переговаривалась со своими советниками. Одежда ее смотрелась совсем странно. Много позже Неле разобралась в устройстве аллендорских войск: то был мундир полковника авиации.

Когда августейшая подняла голову, точно злые духи направили ее взгляд: серо-голубые глаза Лиринии скользнули по лицу Юцинеле.

– Ты дочь Арияса? – спросила принцесса.

Неле так оробела, что не смогла раскрыть рта, и ответили за нее.

В суровом Верхнем Таяне женщинам было тяжело, они начинали болеть и умирать одна за одной. Каманар и многие другие решили отослать своих жен в союзный Аллендор: там они жили бы в тепле и холе, заодно служа заложницами. Сопровождали женщин старики, бесполезные в открытом бою, но искушенные в хитростях, и немногие воины: подобно королю, таянский каманар заводил посольства в союзных землях. Аллендор слал в горы оружие, а взамен Таян обещал безопасность караванов сейчас и союз с королевством потом, когда все камы Лациат признают старшинство Таяна. Равнинники не понимали, что, буде случится необходимость, воины гор легко позабудут о заложниках. Они полагали, что Юнэ, старшая жена Арияса, правит прибывшими, словно рескидди. Кентайс долго думал, что с этим делать. Разубеждать равнинников не стоило, а глупая Юнэ могла все испортить, невесть что возмнив о себе вблизи настоящей рескидди Лиринии. К счастью, Юцинеле умела вести себя в собрании мужчин, а потому на встречу с правителями равнин взяли ее. Судя по всему, принцесса сочла ее подобием себя и отнеслась милостиво.

«Я-то ненастоящая женщина, – привычно подумала Неле. – Меня никто не возьмет женой. Даже седьмой. А она? Кто-нибудь захочет взять в жены принцессу Лиринию?» Наплыло облако, влача с собою темную тень, и вспомнилось, как стремительно проносились по небу атомники. Принцесса сумела в одиночку выбраться из Северных Лациат, из логова летучего змея, а ведь она только наполовину рескидди. На что же способны настоящие? Говорят, когда-то царицы Рескидды покорили полмира... вот бы Неле родиться в Рескидде. Там никто не подумал бы о ней плохо.

Рядом порывивали колесные паровики. «В Ройст отвезу! Задешево! Прямо к дому!» – окликал водитель. Вернулся Лонси, отряхивая руки и неуверенно посматривая по сторонам. Неле со вздохом поднялась и принялась складывать овчину.

– Господин Кеви? – донесся голос.

– Да, – отвечал Лонсирем. – Имею ли честь вас знать?

– Майор Реммирау, к вашим услугам. Весьма рад найти вас в добром здравии. Господин Маджарт посылал за вами, но на трибунах вас не нашли.

Неле придержала овчину коленом и подняла голову.

Лонси стоял бледный и трясся, как заячий хвост, но отвечал гладко:

– Готов служить господину Маджарту. Должен ли я пройти с вами, майор?

– Окажите любезность, господин Кеви, – кивнул усатый майор. Толстощекий, утробистый, он мог бы казаться добродушным, но не казался. – Кроме того, – он обернулся и слегка поклонился, – господин Маджарт также приглашал к себе госпожу из Таяна... это вы, сударыня?

Неле очень хотелось пожать плечами и ответить «не знаю», но все эти большие господа могли и рассердиться. Не водилось тут другой такой госпожи из Таяна, которую мог бы позвать к себе суперманипулятор.

– Я, – сказала Неле.

Майор Реммирау снова поклонился.

– Паровик подан, – сказал он.

Юцинеле думала, что отвезут их в Ройст, в дом суперманипулятора или даже во дворец, но паровик обогнул город по окраине и помчался среди лесов. Дорога лежала ровная, как река, и можно было вообразить, что не едешь, хотя бы и так скоро, как не побежала бы никакая лошадь, но вовсе летишь над землей, точно в атомнике принцессы Лиринии. Лес был негустой, хоженный, черные пятна кострищ виднелись совсем рядом с дорогой. Неле удивлялась, кому и зачем могли понадобиться здесь костры.

Лонси сидел рядом с нею на заднем диванчике и молчал. Он боялся куда больше Неле – он, как рассудила горянка, вообще много чего не по делу боялся. Такие они, равнинники. Юцинеле воспитали как воина, приучив бояться только того, что в самом деле опасно, а в нужную минуту отбрасывать всякий страх. Она опасалась отца, потому что в гневе каманар мог и не остановить руку, но перед грозным братом никогда не робела. Итаяс любил ее. Он часто забавлялся, нося ее на руках, точно новорожденного ягненка, или обучая драться – так, чтобы не приходилось потом спасать Неле от злых дураков. А его боялись даже уаррцы. За ним люди могли пойти в бой на воинство мертвецов: кому же сражаться с демонами, как не Демону Высокогорья?

Зачем и отчего нужно бояться аллендорских правителей, Неле никак не могла взять в толк. Без причин убивать они не станут, а войны нет. Неле хотела бы ободрить сникшего Лонси и все же понимала, что сейчас лучше не раскрывать рта: впереди сидели майор Реммирау и молчаливый водитель.

Паровик остановился у ворот. Высокий забор подымался на два человеческих роста, но ворота были ажурные, кованые, и сквозь них открывался вид на пышно цветущий сад. Узкий мостик выгибал спину над веселым ручьем, к воде клонились серебристые ивы, дальше высились купы елей. Белый домик с башенками стоял за ними.

– Это вилла господина Маджарта, – вежливо объяснил майор, хотя никто не задал вопроса. – Видите ли, господин Кеви, то, что случилось не так давно на юге, имеет огромное значение для государства, и не только нашего. Вы понимаете меня. Необходимо принять меры. Ее высочество, государственный суперманипулятор, а также высшие лица Ассамблеи собрались, дабы обсудить ситуацию и выработать дальнейшую стратегию.

Неле смотрела на Лонси. Вид у мага был такой, точно он готовился умереть на месте.

– Я... прошу меня простить... – выговорил он севшим голосом; каждое слово точно с болью продиралось сквозь горло. – Я... неподобающим образом... я не готов...

– Видите ли, – ласково сказал майор, – это не очень важно в данный момент. Вам дурно?

Лонси шевельнул губами: Неле прочла по ним «нет», но тут же глаза мага закатились под лоб, и он обреченно выдохнул:

– Немного.

– Один из членов экспертной комиссии – доктор Тайви, – сказал майор почти сочувственно. – Полагаю, он уделит вам минуту. Потерпите.

Медленно, будто боясь что-то повредить, паровик двинулся в глубь сада по сузившейся дороге.

Дом суперманипулятора оказался невелик и обставлен без большой пышности. Один раз повидав королевский дворец, Неле уже не дивилась на аллендорские убранства. Сад ей не понравился, он был какой-то ненастоящий, и чистота белокаменных стен виллы тоже не радовала глаз. Внутри дом обшили деревом, должно быть, совсем недавно: до сих пор в коридорах едва уловимо пахло лаком.

Майор самолично распахнул двери и замер в глубоком поклоне.

Принцесса Лириния, все еще в летной форме, сидела во главе огромного стола. Держа на весу самопишущее перо, она читала какие-то бумаги; сквозь щель меж разошедшихся плотных штор падал свет, гладко зачесанные золотые волосы аллендорки сверкали. По правую руку от нее дремал в кресле совершенно лысый человек, даже без бровей и ресниц; припомнив рассказы, Неле поняла, что это и есть господин Маджарт. С другой стороны сидела очень красивая женщина в очень красивом бархатном платье и перчатках; в каштановых ее волосах мерцали вплетенные золотые шнуры, и взирала она куда как благородней и царственней, нежели мужеподобная принцесса. Красавица показалась Неле смутно знакомой. Остальные же были неуловимо похожие друг на друга пожилые мужчины сурового вида, числом пятеро; они переговаривались, не глядя на вошедших. Неле все время беседы потом их путала.

Из боковой двери показался шестой, тоже пожилой, с роскошной седой гривой. Приветствуя, его называли доктором Тайви, и Неле запомнила его сразу: он отличался от прочих. Доктор вовсе не казался добрым, но в его спокойствии как будто крылось обещание защиты. Трудно было представить людей, меньше похожих друг на друга, чем Наргияс и этот седой аллендорец, и все же нечто странным образом роднило их.

– Что скажете, доктор? – обратился к нему один из суровых господ.

– Что вам хотелось бы услышать? – с полуусмешкой отозвался тот и повернулся. – Я вижу, майор доставил наших друзей в целости. Добрый день, господин Кеви. Надеюсь, вам понравилось выступление?

– Ч-что? – нелепо переспросил Лонси. Он так шатался, что, казалось, вот-вот упадет.

– Выступление авиагруппы, – добродушно пояснил доктор, точно августейшая лидер группы не сидела в двух шагах от него. – Не правда ли, это было прекрасно? Впрочем, садитесь же. Прекрасная госпожа, садитесь, прошу вас.

Неле сначала не поняла его, а потом изумилась так, что на какое-то время вовсе потеряла дар речи. Правда, говорить она и не собиралась, потому разницы никакой не было. Достаточно сообразительная, чтобы понимать, когда над нею смеются, теперь она все время украдкой поглядывала на красивого старого равнинника – сказав такое, он ни чуточки не шутил...

Майор Реммирау еще раз поклонился и вышел, аккуратно притворив двери. Доктор Тайви уселся рядом с красивой женщиной и наклонился к ее плечу, что-то проговорив. Принцесса читала и делала пометки, равнодушная к происходящему. Двое господ на ближнем конце стола, понизив голоса, разговаривали. Никому не было дела до Лонси и Неле; Лонси все решал, что страшнее, внимание или невнимание, а Неле сидела в полудреме в уютном аллендорском кресле и радовалась, что успела поесть. Теперь им, похоже, до самого вечера ничего укусить не дадут.

– Смотрите сами, – говорил господин с большими ушами господину с толстым носом, – информацией о скольких циклах мы располагаем? Более или менее внятной – о трех, смутной и скудной – еще о двух. Что это за информация? Разрозненные сказания, легенды, обрывочные хроники. Ни один – заметьте! – ни один источник не содержит сведений более чем об одном цикле. Их сводили воедино уже потом, причем не более полутора веков назад. Позднейшая компиляция – вот что такое вся ваша история!

– П-позвольте! – смешно негодовал носатый. – Как же! Вы отрицаете цикличность исторического процесса? Но ведь это уже физика!

– В физике магии грянет великий переворот! – изрекал ушастый. – Последние исследования моей службы... погодите, когда мы изучим Атергеро...

Не открывая глаз, лысый господин Маджарт закашлялся, и оба спорщика мигом перешли на шепот. Шушуканье усыпляло еще сильнее, чем непонятные рассуждения, в глазах у Юцинеле защипало.

Принцесса Лириния отодвинула бумаги и со стуком положила на стол самопишущее перо.

– Полагаю, мы можем начинать, – сказала она.

Красивая женщина, очень увлекшаяся беседой с доктором Тайви, улыбнулась и села прямо. Суперманипулятор открыл глаза. Пожилые господа замолчали.

– Господин Маджарт, – попросила принцесса.

– Доктор Тайви, прошу вас.

Седовласый доктор улыбнулся.

– Лонсирем, – сказал он, – посмотрите на меня. Вот так. Хорошо. Не бойтесь, это очень простая схема, она вам отлично известна. Не сопротивляйтесь, зачем же вы это?.. Сейчас станет лучше. Еще минуту... Уже стало. Я прав?

– Да, спасибо большое, – сказал Лонси, и Неле от любопытства проснулась. Голос мага стал тихим, но твердым, и даже следа былой паники в нем не слышалось.

– Юцинеле замечательно себя чувствует, – проговорил доктор, обращаясь к суперманипулятору. Неле еще долго пыталась сообразить, что он имел в виду и как это определил.

– Благодарю вас, – сказал господин Маджарт и опустил голову. Кадык дернулся на складчатой от морщин шее. – Господин Кеви, принцесса Таянская, возможно, приглашение на эту встречу оказалось для вас не самой приятной неожиданностью. Я прошу прощения.

«Принцесса, надо же», – равнодушно подумала Неле и покосилась на Лонси: тот смотрел на лысого мага недвижным внимательным взглядом. Юцинеле внутренне усмехнулась. Она не хуже гадалки могла предсказать, что сейчас случится. Сейчас государственный маг Аллендора скажет что-нибудь очень мудрое, в очередной раз напугав Лонси до дрожи, а потом окажется, что им нужно сделать еще что-нибудь для Аллендора... интересно все-таки, куда они увезли Атергеро? И что они с ним делают? Судьба Воина Выси, который так неожиданно оказался нестрашным и, кажется, собирался слушаться Неле, немного беспокоила ее.

Впрочем, Воин принадлежит Аллендору и настоящей Госпоже Выси, авиаторше принцессе Лиринии. Ни ему до гор, ни горам до него не должно быть особого дела. Каманар Арияс велел своей дочери-воину подчиняться приказам аллендорцев, и Юцинеле будет подчиняться. Вот и все.

– Я распорядился проинструктировать господина Кеви, – говорил между тем Инкелер Маджарт, – а госпожа Юцинеле, вероятно, имеет недостаточное представление о происходящем. Теперь я пересмотрел свою позицию. Полагаю, необходимо все прояснить.

Неле, услышав свое имя, подняла глаза и неожиданно, как тогда, при первой встрече, натолкнулась на взгляд Лиринии. В животе заворочалось дурное предчувствие. Лицо принцессы, стывшее, утомленное и бледное, не предвещало ничего хорошего. «Что-то не так», – в тревоге подумала Неле; разумеется, что-то было не так, если Воин проснулся, в то время как они собирались оставить его спящим. Но не только это...

– Может быть, у госпожи есть вопросы? – тем временем ласково говорил господин Маджарт.

Больше всего Неле интересовало, что думает принцесса Лириния, но она вряд ли получила бы ответ. Надо было спрашивать другое. Неле поразмыслила. Равнинники любят поговорить, и все это может затянуться надолго, а она с самого начала поняла, что к чему. Может, поторопить их?

– Нам ш Лонши надо что-то сделать, да? – сказала она полуутвердительно. – А что?

И растерялась. Теперь ей почему-то улыбались все, даже красивая женщина и доктор Тайви; только Лириния осталась бесстрастной. Господин Маджарт снова переглянулся с носатым и ушастым магами, чему-то покивал.

– Не могу не отдать должное вашей... практичности, госпожа Юцинеле. Скажу прямо. Вам нужно покинуть Аллендор.

Неле беспомощно открыла рот.

Сердце дернулось и замерло.

Только не это.

Очень, очень плохое известие. Если ей придется возвращаться в Таян... Верхний Таян – не самое уютное место, там голодно даже летом, но это еще не самое худшее. Отец будет недоволен. Как она объяснит ему, за что ее отослали? Она повела себя неправильно? Она же делала все как говорили, она не виновата, что аллендорские маги ошиблись в своих расчетах... что же теперь будет...

– Господин Маджарт, – едва слышно сказал Лонси. Неле, резко обернувшись, уставилась на него. – Господин Маджарт, я готов выполнить любое ваше распоряжение, но, может быть, имею право просить о разъяснении...

Неле уважительно подумала о докторе Тайви. Он точно великий маг, если сумел сделать Лонси таким смелым. Но все-таки как ей объяснить каманару, за что?..

– Разумеется, – отвечал лысый господин Маджарт. – Видите ли, наша задача – сохранение существующего положения вещей. Мы пытались оттянуть активизацию магического времени, в идеале – на неопределенный срок. Возможно, мы обманывали себя, надеясь, что Атергеро не пробудится, ведь Цай-Цей в это время бодрствовал. Однако, к счастью, мы предусмотрели такой вариант. Мы намерены держать события под контролем. Теперь задача – сгладить проявления активной фазы, в идеале – до невидимости.

Неле мучительно морщила лоб, пытаясь понять, о чем вещает старик. Говорил тот гладко, быстро, в речи мелькали знакомые имена, но большая часть сказанного оставалась темнее ночи. Лонси, похоже, понимал его куда лучше. Он сидел, напрягшись, на краешке кресла и стискивал зубы. «Ну и к чему это все? – наконец подумала Неле в сердцах. – Лучше бы объяснили, что мне отцу сказать!»

– Какова моя роль здесь, господин Маджарт? – почти шепотом спросил Лонси.

Неожиданно в беседу вступил доктор Тайви.

– Видите ли, Лонсирем, – сказал он, – мышление большинства живых существ подчиняется определенным законам. Даже Воин Выси – не исключение. Вы наверняка заметили, что вскоре после пробуждения он не вполне осознавал себя. Функции его мозга до сих пор не восстановились в полной мере. И в этом туманном состоянии у Атергеро произошел импринтинг, запечатление. Программа, записанная Каэтаном в его подсознании, вступила в конфликт с тем, что он увидел вокруг. Это существенно замедлило процесс пробуждения, от чего, я полагаю, план можно считать частично удавшимся. Но окончательное пробуждение неизбежно. И к моменту, когда Воин станет полностью дееспособным, необходимо, чтобы госпожа Лириния могла всецело контролировать его активность.

– То, что мы с Неле находимся в Ройсте, мешает этому? – понимающе проговорил Лонси.

– Да, – удрученно кивнул суперманипулятор. – Несомненно, Воин чувствует ваше присутствие.

– И...

Маджарт снова улыбнулся, на сей раз с ободрением.

– Мы благодарны вам за помощь, – сказал он. – И потому мы совсем не хотим, чтобы ваш отъезд походил на ссылку. Напротив, вы заслуживаете награды...

Неле наострила уши. Ей очень понравилась последняя фраза: может, все окажется не так плохо? Может, ей не велят возвращаться в Таян? Ройст ей совсем не нравился, кроме того,

среди живших здесь таянцев не нашлось никого, кто хотел бы завести с нею дружбу. А уехать и повидать еще какие-нибудь края было бы совсем неплохо. Неле внимательней вслушалась в слова лысого господина Маджарта.

– Вы, конечно, помните об аккумуляторах реликтового излучения, господин Кеви? – говорил тот. – Это обе Башни... нет, не беспокойтесь, в Уарру к Лаанге я вас не пошлю, – усмехнулся суперманипулятор, приметив, как заерзал Лонси. – Так называемый Исток, господин Кеви. Его точное расположение неизвестно, но все мы знаем, что он находится где-то в пустыне южнее Рескидды. В определенном, довольно значительном проценте случаев по мере приближения к Истоку способности мага возрастают. Как вы смотрите на то, чтобы поработать в Рескидде младшим секретарем посольства?

Повисло молчание. Неле даже поторопила про себя: «Да отвечай же!»

– Благодарю вас, господин Маджарт, – наконец сипло ответил Лонси. – Вы очень добры. Суперманипулятор кивнул.

– Вашим первым дипломатическим заданием, господин Кеви, – с легкой иронией сказал он, – будет сопровождать в Рескидду принцессу Таянскую. В качестве... благородной путешественницы.

Неле чуть не подпрыгнула.

– Мы отправим соответствующие письма царице Лумирет и ее святейшеству Младшей Матери, – продолжал господин Маджарт, пока Неле пожирала его глазами. – Госпожа Юцинеле некоторое время пробудет их гостьей. Уверен, что ее святейшество не преминет распространить арсеитство среди горцев. Это было бы несомненным благом.

Последние фразы суперманипулятор произнес вполголоса, со странноватой усмешкой, но Неле этого не заметила. Внутри у нее все плясало и пело. Рескидда! Сказочная Рескидда, откуда родом принцесса Лириния, крылатая и стальная. Там никому не придет в голову смеяться над Неле, там ее посчитают правильной и настоящей. Он и вправду очень хороший, очень добрый, этот жуткий лысый старик со слезящимися глазами, он придумал такое, о чем Неле и мечтать не могла!... Она поедет на жаркий юг, в Рескидду, и пусть рядом опять будет бестолковый Лонси, это все равно.

Лириния смотрела на нее холодным изучающим взглядом. Теперь даже этот взгляд не страшил Неле: что ей до мыслей аллендорки! Пусть они здесь делают, что хотят, ее судьба ее вполне устраивает.

– Хорошо, – разомкнула Лириния тонкие губы. – Я даю вам три дня на сборы. Юцинеле, если пожелаете, чтобы кто-то из соотечественников сопровождал вас, сообщите не позже завтрашнего дня. Документы оформят.

Неле кивнула; вспомнила, что просто кивать невежливо, но принцесса уже вернулась к своим бумагам, исправляться было поздно. Лонси тоже молчал. Кажется, действие магии господина Тайви заканчивалось, и он снова потихоньку впадал в отчаяние. И как он только живет такой? Неле не знала, чем придется заниматься Лонси в Рескидде, но, с ее точки зрения, ему бы стоило порадоваться. Если все так, как рассказывалось, и действительно мужчины рескидди сидят дома, в то время как женщины воюют, о нем там тоже никто не подумает ничего плохого.

Звать с собой Неле никого не собиралась. Никто бы не согласился, да и делить чудесный подарок не хотелось. Мужчинам гор Рескидда точно не придется по сердцу.

– Вы свободны, – сказал господин Маджарт. – Майор?.. – И распорядился, не посмотрев на шелкнувшего каблуками Реммирау: – Проводите наших гостей.

Девочка и молодой маг вышли, двери сомкнулись, и высокое собрание скрестило взгляды, как копья. Суперманипулятор мучительно зажмурился, потер веки: схема атомного распада, когда-то давным-давно, в молодости, законченная с ошибкой, до сих пор терзала его, выпивая силы мало-помалу. Волосы выпали, в организме регулярно возникали злокачествен-

ные опухоли, и скоро на смену им должно было прийти белокровие, которое в Аллендоре так и не научились исцелять...

– Доктор Тайви, – с трудом проговорил он, – мы доставили вам много беспокойства. Прошу прощения.

– Я рад сделать все, что в моих силах, господин Маджарт.

Женщина, глянув на доктора с едва приметной улыбкой, медленно стянула перчатки, обнажив руки, до локтя покрытые густой вязью татуировки. Суперманипулятор опознал выжженные на ее коже схемы и помимо воли напрягся.

– Госпожа Эмерия...

– Мы с доктором закончим схемы контроля, самое большое, к завтрашнему вечеру, – сказала Великая Тень Аллендора. – Уверяю вас, они вполне надежны. Атергеро не беспокоит отбытие девушки. Он его даже не почувствует. Но анализ, проделанный Ларремом... доктором Тайви, дал неожиданные результаты. Полагаю, об этом стоит рассказать.

– Я не нахожу это целесообразным, – хмурясь, сказал тот. – Я человек и могу ошибаться.

– Я вас прошу, – ледяным тоном сказала Лириния, перебив открывшего было рот суперманипулятора.

Доктор Тайви вздохнул, ничуть не смутившись.

– Видите ли, принцесса, – сказал он задумчиво, – закономерности мышления проистекают из того обстоятельства, что у человека есть плоть. Плоть первична, что бы там ни говорили арсеиты. Она властно диктует нам свою волю. Зависимость душевных движений от химии организма настолько велика, что может показаться нам оскорбительной. Изучая реакции Воина Выси, я пришел к выводу, удивившему меня самого. Возможно, конечно, что это результат действий Каэтана, за много столетий изменивший саму природу Атергеро, но...

– Ближе к делу, пожалуйста, – поторопила Лириния.

– Для Воина Выси или того, кого мы считаем таковым, – произнес доктор, пристально глядя ей в глаза, – плоть имеет второстепенное значение. Высока вероятность, что Атергеро – энергетическое существо.

– Наподобие Цай-Цей, – уточнила Эмерия, скрестив на груди татуированные руки.

Опустилось безмолвие. Суперманипулятор прикрыл глаза, маги Ассамблеи оцепенели в своих креслах. «Все впустую?..» – неопределенно процедил кто-то из них. Принцесса Лириния, холодная и бесстрастная, взяла со стола перо и поставила на верхний лист аккуратную точку.

– Что же, – сказала она. – Думаю, в данный момент всем нам будет лучше вернуться к выполнению своих обязанностей. Через неделю я снова приглашу вас на встречу. К тому времени должен быть готов краткосрочный прогноз с учетом новой информации, а также несколько вариантов плана дальнейших действий. Благодарю вас. Можете быть свободны.

– Можете быть свободны, – добродушно ворчал господин Маджарт, вышагивая по коридору. – Государыня запомнила, что находится у меня в гостях...

– Государыня? – осторожно переспросил Катарем Иверт, руководитель Службы Исследований, и даже оттопыренные уши его, казалось, настороженно шевельнулись.

– Разумеется, – без всякой робости улыбнулся суперманипулятор. – Да что ты, право! Его величество сам охотно признает, что является лишь царственной фигурой вблизи настоящей властительницы, и только радуется, когда ее высочество называют таковой. Он не раз говорил, что хотел бы удалиться на покой, поручив корону и все обязанности дочери. Но Аллендору необходим Господин Выси, а кроме короля, никто не подходит на эту роль. В окружении принцессы достаточно сообразительных офицеров, каждый из которых мог бы стать консортом, но государственные дела и авиация занимают ее высочество куда больше дел сердечных... в особенности после известного инцидента. Бедному нашему королю нечего и надеяться на освобождение от этой ужасной тяжести. Хорошо, что у нас теперь есть Воин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.